

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 2 (68) №1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2016**

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №8 от 30 августа 2016 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 24.12.2016. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/5
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-philol.cfuv.ru>

УДК 070

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ОБ ИДЕЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КРЫМСКОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ

Первых Д. К., Онофрончук К. И.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

E-mail: legora@list.ru

В статье предпринимается попытка очертить деятельность крымских телеканалов в переходный период, период Крымской весны, выявить специфику содержания крымских эфиров, определить тематические особенности крымской тележурналистики. Для анализа выбраны информационно-аналитические программы и ток-шоу, вышедшие весной 2014 года в эфире телеканалов ТРК «Крым», «ТВ FM», «ИТВ» и «ATR».

Ключевые слова: тележурналистика, Крымская весна, переходный период, ток-шоу.

ВВЕДЕНИЕ

После Всекрымского референдума и воссоединения Крыма с Россией на полуострове был объявлен переходный период, в результате которого Крым избежал резких потрясений и начал поступательный переход от одной исторической ступени к другой, ведя к трансформации всех отраслей жизни общества. Под термином «трансформация общества» социологи понимают преобразования в экономике, политическом и государственно-административном устройстве, в социальной сфере, внутренней и внешней политике, культуре, искусстве, а также в журналистике, которая является отражением происходящих в стране социальных и исторических процессов. Роль средств массовой информации в такие периоды возрастает в разы.

Научных исследований, посвященных развитию крымской тележурналистики в период Крымской весны, пока нет. Актуальность работы заключается в неизученности темы.

Цель: изучение функционирования крымской региональной тележурналистики в переходный период, период Крымской весны, ее влияние на аудиторию и регион в целом.

Задачи:

- раскрыть понятия «переходный период», «трансформация общества»;
- обозначить основные факторы функционирования крымской региональной тележурналистики в переходный период;
- проанализировать особенности информационно-аналитических передач и ток-шоу, выходящих на крымских телеканалах в период Крымской весны.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В статье предпринимается попытка очертить деятельность основных крымских телеканалов в переходный период и сделать выводы об особенностях содержания эфиров крымских телеканалов в решающие дни крымской истории. Остановимся на четырех телеканалах, которые вели круглосуточную трансляцию в период Крымской весны практически на всей территории полуострова: ТРК «Крым» (сегодня – телеканал «Первый Крымский»), «ТВ FM», «ИТВ» и «АТР». Выбранные нами СМИ во время геополитических преобразований, захлестнувших полуостров, заняли разнящиеся позиции.

Оговоримся сразу, что на политическую составляющую телеканалов (как бы ни хотелось считать СМИ независимыми и объективными) оказывают влияние их собственники. Так, государственная телерадиовещательная компания «Крым» сразу же включилась в активную агитацию зрителей за целесообразность проведения Всекрымского референдума, убеждая крымчан в необходимости выразить на референдуме гражданскую позицию. Телеканал заручился абсолютной поддержкой крымской государственной политики и в то же время осуждал действия украинских властей. В информационно-аналитических программах телеканала частыми фразами стали: «украинская разруха», «кризисная ситуация на Украине», «условия нищенских украинских зарплат» и в то же время: «Россия не бросит крымчан», «наша общая российская история», «общая победа над фашизмом», «Россия – Крым – навсегда» и др. Лексика, ставшая привычной для телеканала в период Крымской весны, настраивала крымчан на позитивное решение «крымского» вопроса, вселяла уверенность в мирную и благополучную жизнь после проведения референдума. Гости эфиров нередко называли уже соседнее государство, Украину, «страной возрождающегося неофашизма», «коричневой чумой» и т. д. Подобная лексика подчеркивала непростые отношения Крыма и Украины и тем самым усиливала воздействие на зрителя. Гостями студии становились люди преимущественно пророссийских взглядов, которые открыто высказывались за необходимость проведения референдума, за восстановление исторической справедливости. Следует отметить, что в телестудию ТРК «Крым» приглашались и гости, оппозиционно настроенные по отношению к происходящему в Крыму, не поддерживающие пророссийский курс полуострова. Однако чаще всего оппозиционеры отказывались выходить в эфир государственной компании, определив для себя другую информационную площадку – оппозиционный телеканал «АТР».

Следует отметить, что в марте 2014 г. ТРК «Крым» выбрал позицию открытости и абсолютной информационной прозрачности. Подтверждением данному тезису может служить факт организации на базе ТРК «Крым» Открытого международного пресс-центра. За две недели активной работы (с 1 по 16 марта 2014 г.) пресс-центр провел более 120 пресс-конференций и аккредитовал около 2000 журналистов из разных стран мира. Каждые полтора часа в пресс-центре выступали новые спикеры, а в зале одновременно работали по 400 журналистов. Иностранные журналисты представляли разные европейские СМИ, а значит и разные мнения о происходящих в Крыму событиях. Сотрудники ТРК одинаково открыто взаимодей-

ствовали и оказывали всестороннюю поддержку каждой из международных групп, несмотря на политические взгляды их редакций.

Многие крымчане, журналисты, политологи осуждали ТРК «Крым» за ее пропагандистскую тактику. Однако из анализа медиаобстановки периода весны 2014 г. следует вывод о том, что Крым, находясь в то время еще в украинском информационном пространстве (украинские каналы вещали в свободном доступе, а российские СМИ только появлялись на Крымском полуострове), вы противостоять информации, приходящей из украинских СМИ. Между тем украинские СМИ целенаправленно нагнетали ненависть к настоящему и к прошлому, ко всему тому, что считалось святым: к общей российско-украинской истории, к общей победе над фашизмом, к русскому языку, к общим славянским корням, пытаясь «переписать» крымскую, российскую и украинскую историю. Медийное пространство стало полем информационной войны, в которую пришлось «ввязаться» и крымским телеканалам.

Во время переходного периода в выпусках новостей и информационно-аналитических передачах ТРК «Крым» обсуждались вопросы преобразования полуострова. В ток-шоу «Открытая политика» рассматривались положительные и отрицательные аспекты грядущих перемен, внимание было акцентировано на перспективах развития Крыма в составе России. После референдума передачу символично назвали «Крымской весной» – в знак возрождения Крыма, духовного и патриотического подъема крымчан. Затем ток-шоу было переименовано в «Крым.ру», где обсуждались уже тревожащие жителей полуострова социальные вопросы: пересчет пенсий, выплаты льготникам, возврат украинских банковских депозитов и т. д. Сегодня ток-шоу носит название «Все как есть». Контент программы мало изменился: в эфир приглашаются политики, политологи, общественники, которые дискутируют о развитии Крыма в составе России.

Телеканал «ТВ FM» – негосударственный телеканал, который также занял позицию поддержки крымской власти на пути воссоединения с Россией. Во время переходного периода в эфире телеканала появилось новое ток-шоу «Ситуация», на съёмочной площадке которого обсуждались актуальные вопросы, связанные с референдумом и переходом Крыма в состав России: «Крым переходного периода», «Крым – Новороссия», «Украина: марш в пропасть» и т. д. «Остроты» в программе было немного, тематика шоу демонстрировала откровенную поддержку телеканалом происходящих перемен. Накануне референдума в студии был вывешен агитационный плакат «Крым – Россия», «16 марта сделай правильный выбор – вместе с Россией». Но случайно ли это? Напомним, владельцем телеканала является депутат Госсовета Республики Крым, который еще в украинскую бытность несколько лет занимал депутатское кресло в Верховном Совете АРК. Вполне очевидно, что телеканал, принадлежащий депутату Госсовета, будет и, возможно, должен поддерживать официальную политику крымских властей. Вскоре в рамках ток-шоу «Ситуация» появился проект «Актуальное интервью». Как и ТРК «Крым», телеканал «ТВ FM» транслировал информационно-аналитические и публицистические передачи, рассказывающие об истории России, о малоизвестных исторических фактах, о достопримечательностях России, о ее народных умельцах.

Одновременно крымский телеканал «ИТВ» занял нейтральную позицию, схожую с личной позицией собственника медиа – полуопозиционного депутата

Верховного Совета АРК, который, возможно, рассматривал два варианта развития крымской ситуации весной 2014 г., а потому придерживался нейтралитета, не комментируя свое медиа (неизвестно, куда могла бы повернуть история. – *Прим. авт.*).

Так, в ток-шоу «Народный вердикт» регулярно поднимались вопросы украинско-российских отношений, и ведущий строил беседу исключительно на противоречиях и конфликте, анализируя, кому могут быть выгодны пророссийские протесты в Крыму и чей все же полуостров: российский или украинский. В начале марта 2014 г. в студию приглашались разные по политическим взглядам гости, из-за чего дискуссии в эфире часто проходили на повышенных тонах, создавая эффект разности мнений. Делалось ли это сознательно, чтобы показать крымчанам все стороны ситуации, или же объективность была лишь элементом пиара телеканала – сказать трудно. Перед решающим днем для крымчан, днем Всероссийского референдума, в «Народном вердикте» поднималась противоречивая тема о том, что даст крымчанам присоединение к России: «Спасение для полуострова или амбиции отдельных политиков? Куда и зачем мы рвемся? Что нам обещает соседнее государство?» С одной стороны, это актуальные вопросы, необходимые для рассмотрения и анализа. Но если анализировать подбор спикеров и аудитории, становится ясно, что редакция ток-шоу сознательно заставляла зрителя усомниться в правильности крымского выбора.

Следует отметить, что во время исторических перемен зритель был максимально восприимчив к информации. Нестабильной ситуацией пытались воспользоваться оппозиционные СМИ. Крымско-татарский телеканал «АТР» открыто демонстрировал негативное и даже агрессивное отношение к происходящему. Телеканал круглосуточно выступал против референдума – все происходящее в Крыму комментировалось исключительно с негативным подтекстом. Редакция «АТР» сознательно вела зрителей к провокациям на Крымском полуострове, расшатывая и без того непростую ситуацию межнациональных отношений.

В ток-шоу «Гравитация», ведущей которого являлась противница воссоединения Крыма с Россией Лилия Буджурова, акцент ставился на откровенном нежелании крымских татар жить в составе России. Ситуацию накаляли регулярные «вбросы» заведомо ложной информации, например, о том, что крымские татары могут быть снова депортированы, если Крым воссоединится с Россией и т. д. Во время переходного периода в «Гравитации» звучали заявления, что Крым захватили террористы, пророссийски настроенные крымчане – сепаратисты, самооборона избивает журналистов, предстоящий референдум – незаконный, а полуостров и вовсе оккупирован. Гостями программы становились преимущественно оппозиционеры. Журналисты «АТР» не оставались в стороне, открыто поддерживая и участвуя в акциях, направленных против проведения референдума, а после отрицали его легитимность.

Перед референдумом Лилия Буджурова смело заявила, что «Украина – это еще наша страна» отмечая, что крымским татарам не давали право голоса. Да, и ставка программы гласила: «Крым – Украина». При этом ведущая часто винила украинскую власть в бездейственности по защите полуострова.

Крымчан возмущали провокации телеканала «АТР», т. к. провокационные тезисы цитировали с известной долей цинизма украинские и зарубежные СМИ, ти-

ражируя заведомо ложную информацию, что Крым аннексирован, а крымчан заставляют голосовать на референдуме под дулами автоматов.

Стоит отметить, что владелец телеканала «АТР» (бизнесмен Ленур Ислямов, который, по сообщениям СМИ, подозревается в спонсировании этнического раскола между крымскими народами, в причастности к запрещенной в России группировке «Хизбут-Тахрир», является координатором «блокады Крыма» осенью-зимой 2015–2016 гг. [1, 2]) с самого начала крымских событий открыто демонстрировал отрицательное отношение как к референдуму, так и к грядущим геополитическим преобразованиям. В апреле 2015 г. телеканалу «АТР» не продлили лицензию на вещание. Редакция медиа-холдинга организовала интернет-вещание из Киева. Каждый выпуск новостей «АТР» начинается словами: «Со дня аннексии Крыма прошло ... дней». На сайте телеканала вывешено объявление с просьбой финансово поддержать телепроект. Степень объективности телеканала «АТР», на наш взгляд, не требует комментариев.

ВЫВОДЫ

Региональное телевидение Крыма проявило себя по-разному во время Крымской весны. Во многом контент и идейная направленность массмедиа зависели от позиции владельцев телеканалов. Этот фактор формировал эфирную позицию журналистов телеканалов, а также контент телеэфиров. Несмотря на различную идейную направленность телеканалов, их работа повлияла на подготовку референдума, на «переходный период», успокаивая крымчан, формируя их мнение, настраивая на мирное и бескомпромиссное решение «крымского» вопроса.

Следует отдельно отметить влияние федерального телевидения на концепцию и структуру крымского телевидения. Региональная журналистика во многом не похожа на центральную прессу, а по некоторым параметрам и вовсе отстает, так как развивалась и развивается в совершенно иных условиях. После вхождения Крыма в состав России произошли изменения в информационно-аналитической составляющей крымского регионального телевидения, стала заметна экспансия крымскими журналистами жанров, распространенных на центральных телеканалах. Например, на телеканале «Первый Крымский» появилась информационно-аналитическая программа «Особый взгляд», где ведущие пытаются осмыслить и проанализировать главные темы недели. Программа выходит по воскресеньям. Подобный информационно-аналитический проект уже имеется на федеральном телеканале «Россия 1»: «Вести недели» с Дмитрием Киселевым.

Концепции сатирической информационно-аналитической программы «Прожекторперисхилтон» и документального проекта Михаила Леонтьева «Однако» («Первый канал») удачно соединились в передаче «Коломыйка» на телеканале «Первый Крымский». Но об этом – в наших следующих публикациях. Таким образом, происходит невольное заимствование жанров и программ центральных СМИ, а крымские журналисты справедливо ориентируются на профессионализм и опыт федеральных коллег.

Переходный период в Крыму после референдума 16 марта 2014 г. только начался. По меркам ученых, два года – недостаточный срок, чтобы делать выводы

об успешности или безуспешности этого периода. Продолжительность переходного периода, по мнению исследователей, достигает 10, а то и 20 лет.

В то же время сравнивая позиции крымских телеканалов, можно сделать вывод, что благодаря информационной политике, проводимой телеканалами «Крым» и «ТВ FM», зрители не поддались на провокации оппозиционных телеканалов «ИТВ», «ATR» и сделали свой выбор, который привел к торжеству исторической справедливости и способствовал воссоединению Крыма с Россией.

Список литературы

1. Ислямов пообещал приехать в Крым для защиты экстремистов из «Хизбут-Тахрир» // Lenta.ru. – Февраль 2016. – Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2016/02/11/galoperidolujenedeistvuet> (дата обращения 16.05.2016).
2. Телеканал ATR сеет рознь и вражду между народами // Милли Фирка. – Март 2014. – Режим доступа : <http://www.milli-firka.org/content/DBAGGKAH> (дата обращения : 16.05.2016).

ABOUT THE IDEOLOGICAL COMPONENT OF CRIMEAN JOURNALISM IN THE PERIOD OF THE CRIMEAN SPRING

Pervykh D. K., Onofronchuk K. I.

The article attempts to outline the activity of the Crimean TV channels during the transition period, the period of the Crimean spring, to identify the specific content of the Crimean esters, to identify thematic features of the Crimean television journalism. For the analysis of selected current Affairs program and talk show, released in the spring of 2014 in the TV channels of broadcasting company "Crimea", "FM TV", "ITV" and "ATR".

Keywords: TV journalism, the Crimean spring, the transition period, the talk shows.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.2

СТАНОВЛЕННЯ ІДЕЙНО-ЕСТЕТИЧНИХ ЗАСАД СОЦРЕАЛІЗМУ ЯК ТИПУ МАСОВОЇ КУЛЬТУРИ

Багрій М. Г.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського,
м. Сімферополь
E-mail: yuskiv77@mail.ru*

Сучасний науковий світ та читацька аудиторія дещо суб'єктивно упереджено ставляться до соціалістичного реалізму як явища. Ця наукова тема і проблема залишаються в українському літературознавстві маловивченими і малозрозумілими. Мова йде про те, щоб дослідити національні шляхи та специфіку створення поетики та ідеології соцреалізму; пояснити внесок української літератури у створення нової платформи і парадигми лівого мистецтва в Європі, зрозуміти, наскільки щирим, а наскільки трагічно роздвоєним, примушеним відчував себе літератор в ситуації співпраці з тоталітарною системою імперської держави і яким чином намагався хоч якось зберегти свою творчу індивідуальність, розставити національні і духовні акценти в ній на протиположності суцільної агресивної класовості та партійності літератури.

Ключові слова: соцреалізм, соціалізм, ідеологія, авангард, Пролеткульт.

ВСТУП

Джерела соцреалізму як методу (стилю) треба шукати не тільки в офіційних постановках і теоретичних розпрацюваннях початку 1930-х рр., його головні ідеологеми і естетичні засади почали проявлятися відразу після утвердження радянської влади. Соцреалізм був прив'язаний до широкого спектру лівих ідей та авангардизму у європейській культурі початку ХХ ст., засвоїв їх, трансформував і використав для боротьби із високою культурою. Соцреалізм в СРСР мав дуже виразну саме російську ментально-цивілізаційну та культурну особливість: він виходив із традицій російської народницької та пізньоромантичної літератури, яка проповідувала громадянське служіння нижчим класам та ілюстративність, фотографізм життя як принцип; відтак соцреалізм мав явні ознаки культурного імперіалізму в інших радянських національних республіках, оскільки нівелював їхні ментальні і культурні особливості, ставав фактором денационалізації в умовах постійного тиску і підозр центру до периферій.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Глибокий і точний «розтин» ідейно-естетичної бази соцреалізму здійснив український вчений Дмитро Наливайко у двох концептуальних статтях: «Про своєрідність генези й типології соціалістичного реалізму» (1987) і «Замітки щодо генези й типології соціалістичного реалізму» (2008). Загалом дослідник обґрунтовує тезу про те, що джерела соцреалізму виходять із пізньоромантичної громадянської літератури кінця ХІХ ст., саме тоді в російській літературі з'явилася доволі масштабна тема пролетаріату. Він наголошує, що саме «ліве мистецтво» дуже активно підтримало революцію, однак таке експериментально-творче, перетворювальне щодо дійсності мистецтво виявилось непотрібним для

комуністичної влади, яка прагнула вже від середини 1920-их років лише ідеологічно «обробляти» суспільство, маніпулювати ним, поширювати пропаганду своїх політичних ідеалів, а для цього найліпше підходила спрощена естетика реалізму, причому не високого психологічного реалізму XIX ст., а саме реалізму народницького гатунку – агітаційного, наскрізь соціалізованого за тематикою і проблематикою, ілюстративного. Дмитро Наливайко так визначає сутність літературної перемоги соцреалізму в СРСР: це була «специфічна доктрина літератури та мистецтва, сконцентрована компартійною бюрократією та ангажованими митцями, накинута зверху державною владою і випроваджувана під її керівництвом і постійним контролем» [10, с. 51].

Валентина Хархун, сучасна дослідниця соцреалізму, посилаючись на сучасну російську дослідницю Марію Літовську, називає серед джерел соцреалізму державне замовлення нової влади, потужну реалістичну течію російського мистецтва, звичку письменників до держзамовлень (ще від XVIII ст.), орієнтацію літераторів на рівень малопідготовленого, малокультурного читача [10, с. 60-61]. Водночас дослідниця чітко пояснює, що у прийнятті письменниками засад соцреалізму «вирішального значення набувала роль терору, зважаючи на особливості літературної політики в радянській Україні й на обсяг мартирологу українських письменників у 1930-их» [10, с. 61].

Додамо, що в українських умовах, як і в умовах інших радянських національних республік, ця доктрина впроваджувалася компартією з подвійною наполегливістю, суворістю та каральністю, оскільки передбачала одночасно ще й боротьбу з місцевим «буржуазним націоналізмом» у культурі.

Як відомо, після перемоги більшовиків-комуністів у громадянській війні в Російській імперії і створення СРСР у свідомості і культурній програмі «керівної партії» не було чіткого бачення і розуміння того, якими мають бути мистецтво, література в суспільстві «ідеального майбутнього». Стихійно окремі думки про «справжнє пролетарське мистецтво» висловлювалися в більшовицькій публіцистиці під час громадянської війни 1917–1920 рр., однак вони не мали якоїсь концептуальності чи глибини. Художня література і всі інші види мистецтва мали ідейно обґрунтовувати тезу «мистецтво повинно служити народу». У загальноприйнятій підтекстовості це означало, що воно мало пояснювати народові, що він живе «добре», живе «правильно», а якщо й трапляються якісь недоліки в його самоорганізації, то в цьому винні «вороги народу і комунізму». Ідеологічна мораль тих часів диктувалася простим принципом: хто не з нами, той проти нас. Літературні дискусії, що ними були багаті 1920-ті роки зводилися до одного: ти породження революції і повинен лише їй служити. Тому упродовж 1920-их років йшла постійна робота в ідеологічній сфері СРСР з розпрацювання теорії нового соціалістичного мистецтва, яке передусім мало бути агітаційним. Відтак уже у творах 1920-1921 років спостерігаємо окремі випадки впровадження марксистських ідеологем у літературу.

При осмисленні теми зародження соцреалізму в Україні треба брати до уваги і роль російського Пролеткульту, створеного ще у 1917 р., який у дуже агресивних формах взявся впроваджувати «нову естетику» пролетаріату в літературу. Його провідні критики (А. Богданов, В. Плетньов та ін.) систематично нападали на «непролетарських» письменників за їхню нібито відчуженість від

ідеалів комунізму. Саме у середовищі Пролеткульту з'явилося визначення «неправовірних» літераторів як «попутників». Це постійно давало підстави компартії цькувати, принижувати і репресувати незалежних і талановитих авторів. Цей власне російський струмінь насправді антимистецької деструкції був настільки сильним, що налякав самих комуністів, які все-таки усвідомлювали організуючу роль мистецтва. Тому згодом впливи Пролеткульту були обмежені владою, яка цілком логічно злякалася його тотально нігілістичної позиції.

Пролеткульт був і носієм агресивно космополітичної ідеології в душі засліпленого революціонізму. Тому-то він майже не прижився в національних республіках СРСР, лише поодинокі його адепти пробували проводити ідеї пролетлітератури. Зокрема пролеткультівство відбилося на діяльності українського «Гарту», «Молодняка» та ВУСППу, в літературно-критичних теоріях І. Кулика, В. Коряка, С. Щупака, О. Ключі, А. Хвилі, О. Полторацького та ін. Як відомо, один час до української філії Пролеткульту належав і В. Сосюра. Значною мірою пролеткультівство відбилося й на теорії масовізму лідера «Плугу» С. Пилипенка.

Тож на початку 1920-х рр. склався складний симбіоз ідей, теорій, підходів щодо літератури, головною тенденцією якого було вироблення такої естетики творчості, яка б допомагала творити нове соціалістичне життя, його головну «клітину» – «радянську людину». Важливою темою стає тема війни культури міста проти «куркульської» культури села. І це було закономірно з погляду марксистської філософії: головним середовищем, де діяв і жив пролетаріат, є місто, а село (до якого особисто Карл Маркс мав просто патологічну ненависть) є середовищем найбільш консервативних, релігійних і патріархальних уявлень і форм життя, тому його треба було рішуче побороти задля прогресу і щастя всього людства.

Дуже точно формулює домінуючий естетичний концепт цієї епохи Анна Біла: «Футуризм плюс урбанізація всієї країни» (назва розділу у монографії [4]). Відтак саме авангардистські угруповання в Україні стають трибунами, з яких громилася традиційна культура, високе мистецтво, національна специфіка літератури. Урбанізм стає гаслом епохи. Проте в українській ситуації відбулося одне суттєве ускладнення: українське село було настільки сильним в духовному і соціальному планах, настільки масовим і значимим для української самосвідомості, що розгорнути проти нього тотальну війну дискредитації поки що, у 1920-і рр., не вдалося. Село добило вже тільки у 1930-і рр. Художня література відповіла на виклики комунізму таким широким й естетично могутнім розпрацюванням селянської тематики, що влада відмовилася від свого початкового задуму цілковитої нівеляції селянської культури і самосвідомості.

Окрім названих вище філософських засад – матеріалізм, прогресизм, революціонізм, космополітизм, культ боротьби і протистояння, класова свідомість і солідарність – у теоріях раннього соцреалізму поступово починають з'являтися й естетично-поетикальні категорії. Виокремимо головні з них, опираючись на дослідження провідних світових та вітчизняних науковців (В. Агеєва [1], М. Балина [2], Н. Бернадська [3], Ю. Борев [5], Є. Добренко [6; 7], І. Захарчук [8], В. Кандинська [9], В. Хархун [10]).

Культ праці. Згідно із настановами соціалізму, праця – це визначальний фактор людського прогресу, люди праці – це сіль Землі, це справжні творці цивілізації, носії справжньої етичності. Відповідно, у царстві торжествуючого

соціалізму все має бути підпорядковано ідеї вільної праці, інтересам працюючих мас. У літературі щораз більше і більше з'являлося тем про будівництво заводів, працю металургів і шахтарів, про трудівників села. Виробнича тематика згодом стає неодмінною вимогою щодо нової пролетарської літератури.

Оптимізм. У комуністичній історіософській «есхатології» уся історія людства розбивалася на великі періоди різних виробничих відносин, в яких формувалися два головні класи – експлуататорів і експлуатованих, між якими тривала постійна боротьба. Лише перемога соціалізму кардинально змінювала виробничі стосунки в суспільстві, відміняла боротьбу. Пролетарська література повинна була оптимізмом наснажувати народ до невгаваючої боротьби із залишками експлуатарського класу у власній країні і класовими ворогами, себто буржуями, у решті світу.

Позитивний герой як абсолют. За довгу історію людства істина перед ним почала відкриватися лише перед настанням ери комунізму. Лише комуністи були носіями найглибших і найдосконаліших людських чеснот – жертвовності, любові, сили духу, чесності, вольовитості і т. ін. Тому завданням художньої літератури було розкрити перед суспільством красу справжнього комуніста – безкомпромісного, відданого, справедливого. Був і інший тип позитивного героя: це чоловік, який жив у капіталістичних суспільних умовах, але інтуїтивно, шляхом аналізу подій наближався до розуміння комуністичних ідей та світогляду; це жінка, яка об'єктивно відірвана від класової боротьби і свідомості, але силою своїх почуттів може піднятися до розуміння світлих ідеалів комунізму, теперішнього чи прийдешнього. Пролетарський художній твір не міг бути без позитивного героя, треба було давати людям надію, засвічувати у них буттєвий оптимізм.

Публіцистичність. Соціалістична свідомість передбачала громадянську мобілізованість буквально всіх членів суспільства. Увесь світ вибудовувався перед нею як нескінченний простір проблем (проблемою було засіяти земляні площі, зібрати урожай і т. ін., тому типовими були образні формули: «битва за урожай», «героїка буднів» і т. ін.). Категорично засуджується буржуазна безтурботність, паразитизм, розбещеність. Соціалістична людина кожної миті повинна була відчувати настороженість щодо ворожого світу спокус, капіталізму, прихованих ворогів і т. ін. Загалом несерйозним вважалося писати про особисті переживання героїв (це засуджувалося як «хворобливий психологізм»), про розваги (це засуджувалося як «безпроблемність твору»), про інтимні стосунки (це засуджувалося як «аморалізм»). Письменник мав постійно ставити перед читачем конкретні проблеми: як виявити непохитність і нещадність до класових ворогів, як покращити рівень виробництва, якісніше виховувати справжнього будівника комунізму і т. ін.

Правдивість. Мистецтво мало відображати правду життя. Тому в літературі вже від початку 1920-х років розгорнулося справжнє змагання між письменниками у зображенні найрізноманітніших і найтонших аспектів життя пролетарів. Кожна дрібниця в житті пролетаріату мала бути сфотографована. Відтак початки радянської літератури кишать натуралізмом, часто вульгарним, позбавленим елементарного художнього смаку. Однак згодом, коли щастя комунізму вперто не наставало, зображати реально життя радянських трудящих стало незручно. Тому соціалістичне мистецтво почало прикрашати дійсність, видумувати її (міфологізм

соцреалізму). Так задуманий поглиблений реалізм соціалістичної літератури перетворився в антиреалізм.

Ідеалізація. Оскільки реалії історії і міжлюдських стосунків у суспільстві часто розходилися із теоретичними розпрацюваннями і побажаннями соціалізму, а життя підкидало все нові та нові проблеми (нуртування національних почуттів поневолених Радянським Союзом народів, реальна бідність і несправедливість в країні, розбещене і безкарне життя комуністичної номенклатури, факти масових репресій, дух і рухи опору в СРСР та ін.), то компартія настійливо зверталася до літератури відтворювати «кращі сторони радянського життя». На практиці це оберталася в суцільну ідеалізацію всього, що відбувалося в СРСР. Література ставала фарсом.

Колективізм. Важливим завданням соціалістичної ідеології і стратегії стало виховання колективістської свідомості в суспільстві, оскільки саме так можна було вгамувати природній індивідуалізм людини. Колективістська свідомість плекала вірнопідданість (бути таким, як всі), дисциплінованість (бути вірним спільним ідеалам), спаяність суспільства (служити спільним інтересам). Відтак у літературі соцреалізму з'являється мегатема, яка пронизує усі жанри, світовідчуття, світоуявлення цієї літератури: тема народної маси як носія вічної істини, етики справедливості, що була нібито століттями притлумлювана експлуататорськими класами, які завжди зневажливо дивилися на просту людину, її культуру, цінності та ідеали. Власне, від імені цієї «простой людини з народу» робилися усі оцінки та висновки про людську правду, сенс життя, закони історії, від її імені засуджували усі прояви некомуністичного життя. Так творився гігантський міф про «добру і мудру» людину з народу, яка нарешті, в умовах соціалізму, знайшла собі можливість утвердити принципи свого світогляду, наскрізь чистого і правильного. У творчості В. Сосюри апеляція до цієї простонародної «істинності» є чи не наймогутнішою в українській літературі, тому його можна вважати головним фундатором нової «соціалістичної» етики в свідомості українського соціуму.

Ідеологічна ієрархізованість. Соціалістична ідеологія від самих початків свого утвердження в суспільстві виробила систему ідейних пріоритетів, які треба було поширювати в свідомості мас. До таких належали наступні: 1) вірність світоглядній доктрині філософії марксизму-комунізму; 2) віра у майже сакральну, спасительну місію вождя світового пролетаріату – В. Леніна; 3) віра у перемогу комунізму у всьому світі; 4) віра у священну, визвольну і керівну роль компартії (своєрідної нової Церкви); 5) строга підпорядкованість інтересам пролетаріату – виразника настроїв та ідеалів усього «простого народу»; 6) підпорядкованість принципам і планам соціально-економічного прогресу; 7) відданість конкретним вождям – представникам компартії, які втілюють безкомпромісно високі ідеали марксизму в життя; 8) вшанування етичного кодексу «будівника комунізму» і т. п. Побудова цієї чіткої ієрархії цінностей допомагала виховувати в радянському суспільстві особливу дисциплінованість, покірність, колективну відповідальність.

Антидійсність. Внаслідок застосування вище названих принципів у мистецтві соцреалізму, яке не передбачало реального аналізу і критики радянської дійсності, витворювалася художня ілюзія антидійсності, цілковито вигаданої, ідеалізованої. Так соцреалізм став великим запереченням традицій реалізму в літературі. Йому стали глибинно властивими такі риси, як декларативність,

утопійність, декоративність, вдавання. І тут зринула міфологічність соцреалізму, який передбачав повну взаємодію з читачем лише за умови прийняття ним уявності як норми, загальноприйнятої фальші.

«Новий класицизм». Суворий контроль, тиск з боку компартії щодо літератури породили гіперумовність і гіперідеалізацію як форми художнього мислення в соцреалізмі. У такий спосіб він наблизився до стилістики європейського класицизму XVII – XVIII ст.: цілковита умовність зображення, постійний пафос, монументальність, проповідництво, моделювання суперпозитивних героїв, штучність, котурняність проблем та ситуацій, дія суворих приписів, за якими повинно творитися «справжнє соціалістичне (комуністичне) мистецтво». У підсумку автор епохи соцреалізму був дуже скутий висунутими до нього вимогами ідеологічного і псевдоестетичного характеру. Загалом уся творчість набула трафаретного змісту і типу. З природи соцреалізму вийшли такі сутнісні і важливі якості художності, як психологізм (бо компартія вимагала ясних і спрощених характерів героїв, зрозумілих народним масам), як художня експериментальність (бо компартія остерігалася будь-якого кроку у відході від визначеного канону), як вільна філософічність (бо все було визначено наперед філософією марксизму), як жанрово-стильовий поліфонізм (бо надто сміливі новаторства були проголошені «хворобливими» і «зайвими»), як різноманіття проблематики (бо комунізм почав боятися надто багатьох тем) і т. ін. У підсумку він закам'янів уже у 1930-і роки.

ВИСНОВКИ

Утвердження соцреалізму як художнього методу в СРСР мало винятково політичний характер і мету; художня література розглядалася компартією як другий після політичної пропаганди чинник ідеологічного опрацювання мас, тому відразу після 1920 р. в Україні, від неї влада почала вимагати «спрощеності», «зрозумілості», «доступності», «народності»; центральною метою соцреалізму було зрозуміло і доступно втовкмачувати в голови «простих людей» ідеологеми марксизму: матеріалізм, революціонізм, прогресизм, класовість, космополітизм, науковий раціоналізм, тому він сформувався у специфічних формах масовізму; література соцреалізму культивувала спеціально виробничу тематику, максимально наближаючи радянську людину до принципу матеріалістичного сприйняття світу; у соцреалізмі домінує виразна публіцистичність як вияв крайньої заідеологізованості літератури, її націленості на виховання нового типу позитивної людини; через надмірну ідеалізацію дійсності і цензурованість соцреалізм насправді став антиреалізмом. Отже, українська література пореволюційної доби в радянській Україні пережила надзвичайні трансформації і видозміни, зумовлені відповідними суспільно-політичними умовами. Однак, до гідності українського письменства, воно сприйняло не покірно, не по-рабськи цей виклик з боку радянської державної системи і культури, а спробувало створити цілком оригінальні (подекуди – національні) потоки художньої творчості.

Список літератури

1. Агеева В. Портрет модерніста в соцреалістичному інтер'єрі / Віра Агеева // Стильові тенденції української літератури XX століття : [зб. наук. праць / наук. ред. В. Г. Дончик, упоряд. Н. М. Шумило]. – К. : ПЦ «Фоліант», 2004. – С.181–207.

СТАНОВЛЕННЯ ІДЕЙНО-ЕСТЕТИЧНИХ ЗАСАД СОЦРЕАЛІЗМУ ЯК ТИПУ МАСОВОЇ КУЛЬТУРИ

2. Балина М. Дискурс времени в соцреализме / М. Балина // Соцреалистический канон. – СПб. : Академ. проект, 2000. – С.585–595.
3. Бернадська Н. Канон соцреалістичного роману / Ніна Бернадська // Слово і час. – 2005. – № 2. – С.44–52.
4. Біла, А. В. Український літературний авангард : пошуки, стильові напрямки [Монографія] / Анна Вікторівна Біла. – К. : Смолоскип, 2006. – 464 с.
5. Боров Ю. Социалистический реализм. Взгляд современника и современный взгляд / Юрий Боров. – М. : АСТ, 2008. – 480 с.
6. Добренко Е. Соцреализм в поисках “исторического прошлого” / Евгений Добренко // Вопросы литературы. – 1997. – № 1. – С.26–57.
7. Добренко Е. Формовка советского читателя : Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Евгений Добренко. – СПб. : Академ. проект, 1997. – 321 с.
8. Захарчук І. Соцреалістичний канон: трансформація архетипів / Ірина Захарчук // Вісник Львів. ун-ту. : Серія : Філологія. – 2004. – Вип. 33, Ч. 2. – С.66–73.
9. Кандинська В. Деякі аспекти естетики соціалістичного реалізму / Віра Кандинська // Збірник наукових праць на пошану пам'яті Віктора Китастого / [упор. і наук. ред. В.Моренець]. – К. : Києво-Могилянська Академія, 2004. – С.274–282.
10. Хархун, В. П. Соцреалістичний канон в українській літературі : генеза, розвиток, модифікації [Монографія] / Валентина Петрівна Хархун. – Ніжин : ТОВ “Гідромакс”, 2009. – 508 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОЦРЕАЛИЗМА КАК ТИПА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Багрий М. Г.

Несмотря на современную субъективную предвзятость и научного мира, и читательской аудитории к социалистическому реализму как явлению, эта научная тема и проблема остаются в украинском литературоведении малоизученными и малопонятными. Ведь речь идет о том, чтобы исследовать национальные пути и специфику создания поэтики и идеологии соцреализма; объяснить вклад именно украинской литературы в создание новой платформы и парадигмы левого искусства в Европе, понять, насколько искренним, а насколько трагически раздвоенным, принужденным чувствовал себя литератор в ситуации сотрудничества с тоталитарной системой имперского государства и каким образом пытался хоть как-то сохранить свою творческую индивидуальность, расставить национальные и духовные акценты в ней в противовес сплошной агрессивной классовости и партийности литературы.

Ключевые слова: соцреализм, социализм, идеология, авангард, Пролеткульт.

FORMATION OF THE IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PRINCIPLES OF THE SOCIALIST REALISM AS A TYPE OF MASS CULTURE

Bahriy M. G.

Despite modern subjective bias of both the scientific world, and reader's audience to socialist realism as to the phenomenon, this scientific subject and a problem remain in the Ukrainian literary criticism low-studied and obscure. It is about investigating national ways and specifics of creation of poetics and ideology of a socialist realism; to explain a contribution of Ukrainian literature to creation of a new platform and a paradigm of the left art in Europe, to understand how sincere, and how tragically doubled, forced the writer in a situation of cooperation with totalitarian system of the imperial state felt and how tried to keep somehow the creative identity, to place national and spiritual focuses in her as opposed to a continuous aggressive classovost and party membership of literature.

Key words: socialist realism, socialism, ideology, vanguard, Proletkult.

УДК 821.161.1-2-09

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧЕ ЕСЕ МИКОЛИ МИХ-СТЕПНЯКА ПРО КОБЗАРЯ В КОНТЕКСТІ РОСІЙСЬКОЇ ШЕВЧЕНКІАНИ

Гуменюк В. І.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського,
м. Сімферополь*

E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru

Микола Мих-Степняк – автор наукових розвідок, присвячених осмисленню таких постатей як Лев Толстой, Олександр Солженіцин, Пантелеймон Куліш. У статті розглядається нова літературознавча праця російського дослідника – «Дорогами великого Кобзаря», видана в Тулі 2014 року з нагоди 200-ліття Тараса Шевченка. Російська літературознавча шевченкіана має глибокі й давні традиції, останнім часом представлені зокрема у вагомих дослідженнях таких відомих науковців як Юрій Барабаш, Петро Жур. Не без успіху прагне плідно розвивати ці традиції М. Мих-Степняк, про що свідчить його книга. Автор уточнює окремі моменти біографії Т. Шевченка, насамперед періоду заслання, подає свої слушні інтерпретації відомих фактів, прагне зняти з постаті поета хрестоматійний глянець, наблизити його до сучасного читача.

Ключові слова: Шевченко, художній світ, життєвий шлях поета, російське літературознавство.

ВСТУП

Російська літературознавча шевченкіана має глибокі й давні традиції. Осягнення та узагальнення її досвіду – одне з актуальних наукових завдань, яке ще потребує свого належного розв'язання. Серед найбільш відомих сучасних російських шевченкознавців – Юрій Барабаш, відомий зокрема глибокими порівняльно-типологічними студіями творчих постатей Миколи Гоголя і Тараса Шевченка [1]. Багато років плідно працював над науковим окресленням біографії великого українського поета Петро Жур [9]. Перше видання його ґрунтовної праці «Труды и дни Кобзаря» вийшло 1996 року в підмосковному місті Люберці [5]. Не без успіху прагне гідно продовжувати ці традиції історик-краєзнавець із Тули Микола Олександрович Мих-Степняк. Завданням пропонованої публікації є розгляд його літературознавчого есе «Дорогами великого Кобзаря», яке вийшло друком у рідному місті автора 2014 року під гаслом «К 200-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко», але ще не стало об'єктом наукового поцінування [7].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Насамперед варто сказати кілька слів про шлях автора до цієї книжки. Як тультський краєзнавець він захопився постатями пов'язаних з Тулою видатних письменників – Льва Толстого та Олександра Солженіцина. Відтак зацікавився не менш яскравою постаттю українського класика Пантелеймона Куліша. П. Куліш, як відомо, після арешту, пов'язаного з його причетністю до Кирило-Мефодіївського товариства, був 1947 року засланий до Тули, де протягом кількох років проживав з дружиною Олександрою Білозерською (виступала в літературі під псевдонімом Ганна Барвінок). Видавши книжки про Л. Толстого, О. Солженіцина та П. Куліша, М. Мих-Степняк зрештою занурився в художній світ Тараса Шевченка, якого єднали з П. Кулішем тісні дружні стосунки й творчі взаємини. Це привело автора до написання нової книги.

Хочеться насамперед відзначити легкий невимушений літературний стиль, характерний для аналізованого твору. Можна навіть сказати, що це якоюсь мірою ліричний стиль, оскільки в ньому вчувається глибока зацікавленість автора долею свого головного персонажа, а відтак прагнення без зайвого пафосу й занудства (таких поширених в різноманітних інтерпретаціях Шевченкової творчості) донести до читача свої враження й спостереження стосовно тих чи інших, на думку М. Мих-Степняка, прикметних рис життєвого й творчого шляху Т. Шевченка. Автор не прагне в черговий раз переповісти загальновідомі факти й аксіоми, детальніше зупиняється на окремих ключових моментах, які допомагають читачеві в аспекті більш конкретному й людяному сприйняти хрестоматійний образ. При тому наратор часто зводить до мінімуму власні коментарі й подає доволі просторі, але в контексті його оповіді цілком доречні цитати, здебільшого з мало відомих широкому читачеві документів. Характерне з цього погляду посилання на «журнал следователей от 17 апреля 1847 г.» (себто дня, коли арештованого ще 5 квітня на березі Дніпра поета було зрештою доставлено в петербурзьку Петропавловську фортецю): «В 3 часа пополудни доставлен в III отделение из Киева художник Шевченко со всеми его бумагами, и к разбору оных тотчас было преступлено. Бумаг у него не оказалось таких, которые бы прямо относились к Славянскому обществу и пояснили бы дело, равно нет и писем особенно важных, но стихотворения заключают в себе самые наглые дерзости, устремленные против государя императора и вообще русских, возгласы о мнимом угнетении малороссиян и возмутительные мысли о прежней свободе их родины. Рассказывая о Славянском обществе и участии в оном, Шевченко показал упорное несознание, отзываясь, что ему не было известно ни о каких замыслах друзей его» [7, с. 13].

Доволі детально М. Мих-Степняк оповідає про вкрай тяжкий період перебування Т. Шевченка на засланні, наголошуючи і на глибоко драматичних, навіть трагічних відчуттях незламного поета, і на окремих просвітленнях в його долі й світосприйманні.

Не раз і в листах, і в творах Т. Шевченка (згадаймо, зокрема, «Юродивого») постає «Київ наш великий», увінчаний дивовижними храмами, які відкриваються очам того, хто дивиться на древнє місто з лівого берега Дніпра. На сприйняття Шевченком цього заповітного краєвиду перед арештом 5 квітня звертає увагу автор: «...плыл Шевченко на пароме через широко разлившийся Днепр. “Я из Броварского леса вышел... И утром погожим вижу Киев наш великий... В вышине сияют храмы” – писал поэт, вспоминая. Когда паром приблизился к берегу, он заметил на причале жандармов» [7, с. 12]. А по прибутті поета 9 червня 1847 року до Оренбурга звертається увага на його сприйняття в дещо подібному контрастному ключі аналогічного пейзажу: «...Солнце только что закатилось, когда я переправился через Самару, и первое, что я увидел вдали, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом...» [7, с. 15].

Про перебування поета на засланні йдеться в центральних розділах книжки – «В физиономии Оренбурга есть что-то антипатическое...» (це власне ще підрозділ попереднього ширшого розділу «Как все начиналось»), «Орская крепость», «В неисхоженные киргизские степи», «Оренбургская зима», «Считаю в ссылке дни и ночи». Тут знову ж таки насамперед на основі документальних матеріалів зримо постають перед читачем митарства, душевні потерпання, рідкісні дорогоцінні моменти

втіхи в часи вимушених дальніх мандрів поета. Наголошується, що певною віддушиною в непривабливому солдатському бутті була участь Шевченка в експедиції «молодого географа і моряка» Олексія Бутакова на Аральське море, розпочатій навесні 1848 року. Ця експедиція принесла Шевченкові багато незабутніх вражень, на якийсь час фактично скасовувала заборону писати й малювати. За наслідками експедиції капітан О. Бутаков був на початку 1849 року обраний дійсним членом Російського географічного товариства, а 1853 року за рекомендацією Олександра Гумбольдта – почесним членом Берлінського географічного товариства, згодом ще й удостоєний медалі лондонського Королівського географічного товариства. Ясна річ, в цих досягненнях була неабияка заслуга й Т. Шевченка, якому й далі судилося потерпати в неволі.

Під час експедиції Т. Шевченко здружився з Карлом Івановичем Герном. К.І. Герн – «відомий інженер і картограф Оренбурзького краю. Автор військово-статистичних праць, будівничий укріплень. У 1860-х роках пішов у відставку в чині генерал-майора» [11, с. 63]. По прибутті з експедиції поет мешкав не в казармі, а на квартирі свого приятеля, вів більш-менш вільний спосіб життя, мав можливість творити. Та несподівано становище його знову стало вкрай скрутним.

Ось як розповідається про причину цієї нової скрути в книзі відомого літературознавця Павла Зайцева «Життя Тараса Шевченка»: «До Гернкової жінки почав залицятися молоденький прапорщик Мик. Гр. Ісаєв, що з його брата Шевченко змалював портрет. Шевченка обурювали інтимні зустрічі закоханої пари. Повний вдячності Гернові за його братерське ставлення до себе, Шевченко не міг байдуже відноситися до кривди, що діється приятелеві... У Страсну П'ятницю 25 квітня Шевченко підстеріг закохану пару і привів додому Герна. Ганебно випроваджений з хати Шевченком і Герном, Ісаєв не викликав Герна на дуель, але на другий день з'явився з рапортом у Обручева й подав йому на письмі донос про те, що Шевченко ходить у цивільному одязі і, не зважаючи на царську заборону, пише вірші та займається малярством. Обручев [губернатор, який начебто прихильно ставився до Шевченка] остовпів. Не дати ходу справі він не міг...» [4, с. 256–257].

М. Мих-Степняк іншої думки про те, що ж саме привело поета до гауптвахти. Тепер тут в Оренбурзі, як зазначає він, Музей-гауптвахта Шевченка, та підкреслює, що працівники цього музею схилиються до іншої версії. Ось що пише М. Мих-Степняк з цього приводу: «Пребывая в Оренбурге в осенне-зимне-весенние месяцы 1849-50 годов, Шевченко мог даже выезжать за пределы города. Скажем, он был в укреплении «Илецкая Защита», расположенном в шестидесяти пяти верстах от Оренбурга. (Нынешний г. Соль-Илецк.) И еще ближе – в татарской слободе Каргала, где, вероятнее всего, проживала его зазноба Забарджад... «Неизменной подругой Тарасовой была татарка Забарджад, замечательной красоты», – вспоминал дружеские вечера-встречи Федор Матвеевич Лазаревский... Дело в том, что Забарджад нравилась и прапорщику Исаеву, который и написал донос на явного и опасного соперника» [7, с. 39–40].

Жодна з наведених версій не має цілковитого підтвердження. Та слід зауважити, що перша не дуже в'яжеться з реальним образом високошляхетного романтичного поета. Звичайно, в житті всяке трапляється, та все ж більше хочеться вірити в другу версію.

Досить ґрунтовно розроблена науковцями тема «Шевченко й театр». Ведучи мову про те, що якось скрашувало поетові перебування на засланні, М. Мих-Степняк наводить відомий, але рідко згадуваний факт захоплення Тараса Григоровича мистецтвом Мельпомени: «В конце 1851 года в Новопетровском укреплении составиля кружок любителей, решивший устроить настоящий спектакль... Выбор пал на «Свои люди – сочтемся» молодого драматурга А. Н. Островского. И главным декоратором, постановщиком и блестящим актером был поэт, позже знакомый и лично с Островским» [7, с. 46–47].

За всієї відзначеної вище невимушеності, навіть певної елегантності притаманного книжці літературного стилю, думається, авторське жанрове визначення – «документальна повість» – не зовсім коректне. Повість, хай навіть документальна, усе ж таки вимагає більш розробленої сюжетної лінії, ширших образних аспектів. Це швидше за все науково-популярний нарис есеїстичного характеру.

Є в книжці й певні недогляди. Автор широко користується російськими перекладами поезій Шевченка й не вказує імен перекладачів. Рясні цитування різних документів та матеріалів далеко не завжди супроводжуються точними посиланнями. Майже немає посилань і на новочасні шевченкознавчі дослідження. Автор раз у раз цитує відому книгу Марієти Шагінян «Шевченко», вперше видану ще 1941 року й, зрозуміло, не позбавлену певних ідеологічних стереотипів. Може скластися враження, ніби інших авторитетів для нього не існує. Його праця значно б виграла, якби в ній з'явилися відповідні посилання на дослідження Петра Жура [5], Євгена Нахліка [8], Валерії Смілянської [10], Івана Дзюби [3], інших шевченкознавців. Скажімо, автор звертає увагу на те, що під час Аральської експедиції Шевченко побачив неподалік від річки Карабутак одне-єдине в безмежнім степу дерево, що йому поклонялися місцеві мешканці. Відтак народилися акварельний малюнок «Джангісагач» (з датою 26 травня 1848 року) та поетична легенда «У Бога за дверима лежала сокира». Цілком слушно М. Мих-Степняк наголошує на багатогранній та водночас промовистій символіці цього Шевченкового вірша [7, с. 26–27]. Цілком доречно було б доповнити ці спостереження аналітичними міркуваннями Григорія Клочека, який детально розглядає поезію «У Бога за дверима лежала сокира» в одній із своїх останніх монографій [6, с. 150–178]. Г. Клочек у підрозділі «Пророчість поета-візіонера» підкреслює: «Про екологічну катастрофу, що спіткала Аральське море, зараз відомо багато. Від колишніх берегів, які змальовував Шевченко як учасник експедиції Бутакова, це море відійшло вже на десятки, а в окремих місцях й на сотні кілометрів... Подібних сюжетів чимало можна зустріти і в наших українських реаліях [6, с. 176–177]. Автор книжки не раз доречно порівнює літературні й живописні роботи Т. Шевченка, відзначає мальовничість його поетичної мови й поетичність живопису та графіки. Тут би йому дуже в пригоді стала ґрунтовна монографія Лесі Генералюк, присвячена означеній проблемі [2].

ВИСНОВОК

І все ж не вказані недогляди й недоліки визначають загальний характер книжки. Ця праця – вагомий плід справді вдумливого й водночас щиро-задушевного ставлення автора до феномену Великого Кобзаря, прагнення зняти з нього хрестоматійний глянець та наблизити його до якомога ширшого кола читачів.

Список літератури

1. Боронь О. Барабаш Юрій Якович / Олександр Боронь // Шевченківська енциклопедія : в 6 т. / Керівник проекту В. Л. Смілянська. – К. : НАН України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка, 2012–2014. – Т. 1. – С. 326–327.
2. Генералюк Л. Універсализм Шевченка: Взаємодія літератури і мистецтва / Леся Генералюк. – К.: Наукова думка, 2008. – 544 с.
3. Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя і творчість. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 720 с.
4. Зайцев П. Життя Тараса Шевченка / Павло Зайцев. – К.: Обереги, 1994. – 456 с.
5. Жур П. Труды и дни Кобзаря / Петр Жур. – Люберцы: Люберецкая книга, 1996. – 568 с.
6. Ключек Г. Поетика візуальності Тараса Шевченка: Монографія / Григорій Ключек. – К.: Академвидав, 2013. – 256 с.
7. Мых-Степняк Н. Дорогами Великого Кобзаря: Документальная повесть / Николай Мых-Степняк. – Тула: Антара, 2014. – 160 с.
8. Нахлік Є. Доля – Los – Судьба: Шевченко і польські та російські романтики / Євген Нахлік / НАН України, Львівське відділення Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка. – Львів, 2003. – 568 с.
9. Павлюк М. Жур Петро Володимирович / Микола Павлюк // Шевченківська енциклопедія : в 6 т. / Керівник проекту В. Л. Смілянська. – К. : НАН України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка, 2012–2014. – Т. 2. – С. 637–638.
10. Смілянська В. Шевченкознавчі роздуми: Збірник наукових праць / Валерія Смілянська / НАН України, Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. – К., 2005. – 491 с.
11. Яковина О. Герн Карл Іванович / Оксана Яковина // Шевченківська енциклопедія: в 6 т. / НАН України, Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. – Т. 2. – К., 2012. – С. 65–66.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ ЭССЕ НИКОЛАЯ МИХ-СТЕПНЯКА О КОБЗАРЕ В
КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ШЕВЧЕНКИАНЫ

Гуменюк В. И.

Николай Мих-Степняк – автор научных изысканий, посвященных осмыслению творческого и жизненного пути таких писателей как Лев Толстой, Александр Солженицын, Пантелеймон Кулиш. В статье рассматривается новая литературоведческая работа русского исследователя – «Дорогами великого Кобзаря», изданная в Туле в 2014 году по случаю 200-летия Тараса Шевченко. Российская литературоведческая шевченкиана имеет глубокие и давние традиции, в последнее время представленные в частности в весомых исследованиях таких известных ученых как Юрий Барабаш, Петр Жур. Не без успеха стремится плодотворно развивать эти традиции М. Мих-Степняк, о чем свидетельствует его книга. Автор уточняет отдельные моменты биографии Т. Шевченко, прежде всего периода ссылки, представляет свои резонные интерпретации известных фактов, стремится снять с образа поэта хрестоматийный глянец, приблизить его к современному читателю.

Ключевые слова: Шевченко, художественный мир, жизненный путь поэта, русское литературоведение.

Nikola Mykh-Stepnyak's Literary Essay about Kobzar in the Russian Shevchenkean Context
Humeniuk V. I.

Nikola Mykh-Stepnyak is the author of scientific investigations dedicated comprehension such outstanding figures as Lev Tolstoy, Oleksandr Solzhenitsin, Panteleymon Kulish. The article is obtained the Russian researcher's new literary work "The Ways of Great Kobzar", published in Tula 2014 on the occasion of Taras Shevchenko's 200 years old. The Russian literary Shevchenkean has deep and ancient traditions, recently presented particularly in important studies such renowned scientists as Yuriy Barabash, Peter Jour. With success M. Mykh-Stepnyak aims at fecund development these traditions indicative of his book. The author defines more accurately individual moment T. Shevchenko's biography, first of all period of banishment, presents his essential interpretation of well-known facts, aspires to remove textbook gloss from the image of poet, brings his closer to the modern reader.

Key words: Shevchenko, world of arts, the path of life, the Russian literary criticism.

СВОЄРІДНІСТЬ ПОЄДНАННЯ ЛІРИЧНИХ ТА ЕПІЧНИХ АСПЕКТІВ У КРИМСЬКОТАТАРСЬКОМУ ПОЕТИЧНОМУ ФОЛЬКЛОРИ (НА ПРИКЛАДІ ПІСНІ «ЗЕВАЙ»)

Гуменюк О. М.

*ДБОЗ ВО «Кримський інженерно-педагогічний університет»,
м. Сімферополь
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

У кримськотатарській народній ліриці стрічаються пісенні зразки, в жанрово-стильовій структурі яких відчутно дається взнаки родовий синкретизм. Він полягає головним чином в увиразненні та відтіненні провідної ліричної стихії фольклорного твору елементами епічними, а також драматичними. З цього погляду особливо характерною є пісня «Зевай», зафіксована зокрема у фольклорних збірниках Я. Шерфедінова та Ф. Алієва. У статті детально аналізується художній світ цієї пісні, в основі образності якої лежить епічно означений сюжет, а також драматична фабульна напруга, що сягає граней трагізму. Однак ця сюжетність і фабульність здебільшого лише вгадуються завдяки окремим промовистим деталям (намащені хною пальці ліричного героя як прикмета молодого на весіллі, виблискування келихів та зброї, тривожний рух запряженої підводи в сподіванні на порятунок пораненого). Превалює тут тривожна непевність, загадкова недомовленість, яка особливо відчутна у варіанті, зафіксованому в збірнику Я. Шерфедінова. Звертається увага на ритмічну й звукову організацію поетичного тексту пісні, відповідну її образному та інтонаційному ладу.

Ключові слова: фольклор кримських татар, лірична пісня, поезика, родовий синкретизм.

ВСТУП

З усіх жанрів кримськотатарського фольклору лірична пісня вивчена чи не найбільше. На це зокрема вказує відомий дослідник, автор докторської дисертації присвяченої тюркському фольклору (фактично це перша докторська дисертація про кримськотатарський фольклор) Рефік Музафаров [12; 13]. Серед літературознавчих та музикознавчих досліджень кримськотатарської народної пісні виділяються праці таких науковців як Олексій Олесницький [14], В'ячеслав Пасхалов [15], Асан Рефатов [21], Яг'я Шерфедінов [18; 19; 20], Муртаза Веліджанов [7;8], Михайло Гайдай [9], Февзі Алієв [1] та ін. І все ж далеко не всі аспекти пісенного фольклору кримських татар набули належного вивчення. Це насамперед стосується питань поезики, зокрема жанрово-стильової специфіки ліричної пісні. Немає окремих праць, присвячених такій характерній для багатьох її зразків рисі як родовий синкретизм, власне взаємодія з провідними родовими аспектами ліричного фольклорного твору аспектів епічних та драматичних. Майже немає в опублікованих фольклористичних працях детального художнього аналізу окремих пісень. Певною мірою виповнити цю прогалину покликана пропонована публікація.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Серед кримськотатарських народних ліричних пісень особливою складністю жанрово-стильової структури, насамперед вишуканим поєднанням ліричних та епічних аспектів виділяється пісня «Зевай», представлена зокрема в одному із збірників Я. Шерфедінова [18, с. 135–136]. Це доволі рідкісний у кримськотатарській фольклорній ліриці твір, у якому можна углядіти риси балади – за образними та інтонаційними деталями виразно вгадується розгорнутий сюжет, сповнений драмати-

зму, навіть трагізму. Зевай – наречений, про що зокрема свідчить характерна деталь – згідно зі звичаєм його пальці обарвлені хною. Серед весілля («меджліснинь ичерсинде») молодого поранено, очевидно, ревним суперником, і його на гарбі спішно везуть рятувати:

*Эки къая арасында,
Шишелер ялтырай,
Аман!
Бильмем шише, бильмем пычакъ,
Яш юрек къалтырай.*

*Акъшамлар олду, кунь къавушты,
Меджліслер къурулды.
Аман!
Шу меджліснинь ичерсинде
Зевай да урулды.*

*Зевай огъланнынъ беш пармагъы,
Беши де къыналы,
Аман!
Яваш да айда арабанъы,
Зевай да яралы*

(Поміж двох скель
Келихи виблискують,
Ой жаль!
Чи то келихи, чи то ножі,
Юне серце тріпоче.

Вечір настав, сонце зайшло,
До учти приготувались,
Ой жаль!
Саме в розпал урочистостей
Вдарено Зевая.

В молодого Зевая
Всі пальці у хні,
Ой жаль!
Тихше гарбою прав,
Адже поранено Зевая).

У варіанті, зафіксованому в об'ємній антології Ф. Алієва [1, с. 240], композиційно дещо відмінному від варіанту Я. Шерфедінова, маємо четвертий куплет, в якому виразнюється саме трагічна розв'язка:

*Зевай огъланынъ беш пармагъы,
 Менде олгъайды, аман.
 Языкъ та олсун, Зевай огълан,
 Дюнъягъа тоймады
 (В молодого Зевая пальці в хні,
 А могли б бути в мене, ой жаль.
 Дуже шкода молодого Зевая,
 Світом не натішився).*

Мабуть, доречно потрактувати цей куплет так – оповідач щиро співчуває Зеваєві, бо й сам міг опинитися на його місці. Можливо, він також закоханий в ту наречену, втрати якої не потерпів якийсь інший претендент на її руку, лютий ревнивець.

Певна таємничість, недомовленість є прикметною стильовою рисою цієї лаконічної пісні. З цього погляду дещо оптимістичніший варіант, зафіксований Я. Шерфедіновим, виглядає більш послідовним. Тривожна непевність образності («*Бильмем шише, бильмем пычакъ*» – «Чи то келихи, чи то ножі») тут більшою мірою дається взнаки, більш характерна для цього варіанту. А у відповідному куплеті пісні, представленій у виданні Ф. Алієва, маємо такий вираз: («*Бильмем къама, бильмем пычакъ*» – «Чи то кинджали, чи то ножі»). Вочевидь більш виражена тривожна непевність першого варіанту сильніше вражає, аніж різка означеність, притаманна другому (алієвському) варіанту.

Елегійна гра образно-інтонаційних півтонів, за якою виразно проступають риси гіркої життєвої драми, характерна для пісні «Зевай». Винесене в заголовок називання імені героя, присутнє також у тексті, увиразнює співчуття до нього, яке надає твору попри його загалом суворо-тривожну тональність особливої ліричної проникливості. Тривожну непевність пісні посилює і водночас відтіняє доволі жвавий і чіткий, але разом з тим дещо уривчастий віршований ритм – традиційне поєднання чотирискладової й трискладової стоп змінюється поєднанням двох трискладових, а після вигуку «*аман*» здебільшого йде поєднання спершу двох чотирискладових, а потім двох трискладових стоп, причому ця регулярність часом порушується, що відповідає відзначеній тривожності твору. Рима тут не часта, черезрядкова, але дуже чітка, можна сказати, ударна (*ялтырай – къалтырай; къурулды – урулды; къыналы – яралы*). Доволі виразний звукопис – часто стрічаються завуальовані пронизливі вигуки «*ай*», різкі звукосполучення, особливо поширені «*ра*» та «*ар*», які неодмінно огортаються бентежним шелестінням (в кожному куплеті кількакратно повторюється «*ш*», а в другому до нього приєднується ще й «*дж*»).

В образності пісні відчутна побутова конкретика, що окреслюється з допомогою влучних колоритних деталей, в сув'язі яких вгадується сюжет баладного типу. Проникливий ліризм пісні невіддільний від її глибоко драматизму, що сягає граней трагізму. Разом з тим тут дається взнаки певна епічна піднесеність, відстороненість. Оповідь тут ведеться не від імені ліричного героя, яким є насамперед Зевай, а від імені співчутливого до нього спостерігача, який зокрема просить не надто поганяти коней, щоб рани Зеваєві не дуже боліли. Присутність цього спостерігача-оповідача ненав'язливо підтверджується вживанням у першому куплеті дієслова у формі першої особи однини («*бильмем*» – «я не знаю»). У варіанті Ф. Алієва, де йо-

го роль посилюється, ця присутність увиразнюється також займенником («Менде олгъайды» – «У мене могли бути»).

ВИСНОВКИ

Багата стилістики, поетична витонченість цієї пісенної мініатюри зумовлює особливу її естетичну впливовість та самобутність. Чи не найбільш характерною її рисою є таємнича непевність, тривожність, недомовленість. Ця особлива настроєвість та пов'язана з нею емоційна насиченість зумовлюють превалювання в пісні ліричної стихії, яка в свою чергу зумовлює її родову визначеність. Та разом з тим у художній структурі твору відчутно даються взнаки епічні, а також драматичні аспекти. Основу згаданої тривожної настроєності становить епічно означений, драматично напружений сюжет, який сягає трагедійних граней. Однак цей сюжет майже не розгортається в конкретних соціально-побутових деталях, окреслюється доволі нечітко, здебільшого тільки вгадується реципієнтом. Можна сказати, що він імпресіоністично розчиняється в ліричній атмосфері. Це становить рідкісну художню своєрідність цього фольклорного твору.

Список літератури

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки – Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф. М. Алиев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 600 с.
2. Бахшыш Ибр. Къырым татар йырлары / Ибр. Бахшыш, Ил. Бахшыш. – Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 1940. – 142 с.
3. Бахшыш Ил. Къырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш, Э. Налбандов. – Акъмесджит: Таврия, 1996. – 448 с.
4. Бахшыш Ил. Къырымтатар халкъ йырлары / Ильяс Бахшыш. – Симферополь: Къырым девлет окъув нешрияты, 2002. – 384 с.
5. Бахшыш Ил. Сабанынъ саарь вакъында: Къырымтатар халкъ йырлары / Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына Эдебият ве сангъат нешрияты, 1977. – 376 б.
6. Болат Юс. Къырым татар йырлары / Юсуф Болат, Ибраим Бахшыш. – Къырым АССР девлет нешритты, 1939. – 150 с. [Передмова: Йыр акъкъында. – С. 3–30].
7. Велиджанов М. Къырымтатар халкъ йырларынынъ сёзлери акъкъында / Муртаза Велиджанов // Йылдыз. – 1992. – № 5-6. – С. 174–208; 1993. – № 1. – С. 198–202; № 4. – С. 208–223.
8. Велиджанов М. Къырымтатар халкъ йырларынынъ сёзлери акъкъында / Муртаза Велиджанов // Къырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш, Э. Налбандов. – Акъмесджит: Таврия, 1996. – С. 5–57.
9. Гайдай М.М. Фольклор кримських татар / М. М. Гайдай // Під одним небом: Фольклор етносів України / Упор. Л. К. Вахніна, Л. Г. Мушкетик, В. А. Юзвенко. – К.: Гол. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1966. – С. 98–103.
10. Кончевский А. К. Песни Крыма / Собраны и записаны А.К. Кончевским – М., 1929. – 50 с.
11. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы: Хрестоматия / Джафер Бекиров. – Ташкент: Укитувчи, 1991. – 248 б.
12. Музафаров Р. Очерки фольклора тюркоязычных народов: Автореферат дис... д. филол. н. / Рефик Музафаров. – Баку : Академия наук Азербайджанской ССР, 1967. – 28 с.
13. Музафаров Р. Об изучении фольклора крымских татар // Советская тюркология. – Баку, 1970. – № 6. – С. 110–113.
14. Олесницкий А. Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка / Алексей Олесницкий; Под ред. Вл. Гордлевского. – М. : Издание Лазаревского институт восточных языков, 1910. – 12 (вступ. статья), 147 (текст), 10 (ноты) с.
15. Пасхалов В. Музыкальная структура крымских песен / Вячеслав Пасхалов // Песни Крыма / Собраны и записаны А. К. Кончевским. – М., 1929. – С. 6–9.
16. Радлов В. Образцы народной литературы тюркских племен. – Ч. 7: Наречия Крымского полуострова. – Санкт-Петербург: Издание Императорской академии наук, 1896. – XVIII + 932 с.

17. Самойлович А. Н. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы (за 1916 г.) – Симферополь, 1917. – Т. 6. – С. 118–124.
18. Шерфединов Я. Звучит кайтарма – Янърай кьайтарма / Ягъя Шерфединов. – Ташкент: Изд. лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
19. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар / Ягъя Шерфединов. – Симферополь: Крымское гос. изд.; М.: Гос. муз. изд., 1931. – 94 с.
20. Шерфединов Я. Янъра кьайтарма – Звучи хайтарма / Тертип эткен – Составитель Я. Шерфединов. – Ташкент: Г. Гюляма адына эдебиет ве санъат нешрияты, 1990. – 230 с.
21. Refatov N. Qъgъm tatar jъglarъ / Hasan Refatov. – Qъgъm devlet nesrijatъ, 1932. – 52 + 98 b. [У виданні вміщена вступна стаття кримськотатарською та російською мовами: Azizof J. Muqaddime. – Азизов Я. Вступительная статья. – С. 3–12; передмова: Refatov N. Qъgъm tatar halq musikas. – С. 13–20; подаються тексти – с. 21–52; ноти – с. 1–97; на звороті титульної сторінки нотного розділу зазначено: Нотная часть сборника исполнена в нотопечатне Гиза РСФСР, Москва].

СВОЕОБРАЗИЕ СОЧЕТАНИЯ ЛИРИЧЕСКИХ И ЭПИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСНИ «ЗЕВАЙ»)

Гуменюк О. Н.

В крымскотатарской народной лирике встречаются песенные образцы, в жанрово-стилевой структуре которых весьма ошутим родовой синкретизм. Он заключается преимущественно в подчеркивании, контрастном усилении ведущей здесь лирической стихии элементами эпическими, а также драматическими. В этом отношении особенно характерна песня «Зевай», зафиксированная в частности в фольклорных сборниках Я. Шерфединова и Ф. Алиева. В статье детально анализируется художественный мир этой песни, в основе образности которой лежит эпически обозначенный сюжет, а также драматическая фабульная напряженность, достигающая граней трагизма. Однако эта сюжетность и фабульность преимущественно только угадываются благодаря отдельным красноречивым деталям (намазанные хной пальцы лирического героя как примета молодого на свадьбе, мерцание кубков и оружия, тревожное движение запряженной повозки в надежде на спасение раненого). Преобладает здесь тревожная неопределенность, загадочная недосказанность, особенно ошутимая в варианте, зафиксированном в сборнике Я. Шерфединова. Обращается внимание на ритмическую и звуковую организацию поэтического текста песни, соответствующую ее образному и интонационному строю.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, лирическая песня, поэтика, родовой синкретизм.

ORIGINALITY COMBINATION OF LYRICS AND EPIC ASPECTS IN CRIMEAN TATAR POETIC FOLKLORE (BY WAY OF EXAMPLE SONG OF “ZEVAY”)

Humeniuk O. M.

The song patterns are found in Crimean Tatar national lyrics, in which genre and style structure have essence kind of syncretism. It is mainly to emphasize, contrast enhancement the leading lyric elements by epic elements as well as dramatic. Out that opinion peculiar typical is the song “Zevay”, recoded in Ya. Sherfedinov and F. Aliev’s folklore collections. The article under discussion is obtained to analyze in detail the world of arts of this song, in which imagery bases underlies definite epic plot and also dramatic plot tension that reaches tragic planes. However, this plot and fable mostly just guessed thanks to separate eloquent details (the fingers smeared with henna of lyrical character as bridegroom sign, flicker cups and arms, troubling movement harnessing carts in the hope of saving the wounded). It prevails over troubling doubtfulness, enigmatic vagueness that especially appreciable in the variant noted in Ya. Sherfedinov’s collection. It takes note of rhythmic and sound organization of poetic lyrics corresponding to its picturesque and intonation system.

Key words: Crimean Tatar folklore, lyrics, poetics, kind of syncretism.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ЕВГЕНИЯ РЕЙНА

Левицкая Н. Е.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь
E-mail: legora@list.ru*

В статье представлен анализ образной сферы картина мира автора в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна. Природные номинации в художественном образе выполняют несколько функций, при этом они актуализируются по-разному в соответствии с периодами эстетической деятельности автора. Природные номинации в картине мира Е. Рейна онтологизируют художественный образ, позволяют автору говорить на языке природы, что является одной из общих тенденцией русской лирике второй половины XX века.

Ключевые слова: поэзия, лирика, картина мира, метапейзажный дискурс, образная сфера, реверсивная поэтика, континуальность и дискурсивность пейзажного образа.

ВВЕДЕНИЕ

Художественный мир обладает главной ценностью – оригинальностью и неповторимостью. Задача исследователя – выявить его индивидуально-авторскую специфику, которая, при всей её неповторимости, обуславливает определённое место писателя в действующей парадигме художественности.

Как представляется, пейзажный дискурс лирики является одним из наиболее презентативных аспектов художественного мира, позволяющих на поэтикальном уровне выделить творческие стратегии авторского сознания, направленные на формирование эстетической реальности. Авторское сознание, по мнению Н. М. Мирошниченко, «является синтезом личностного сознания биографического автора и его творческой интенции, выводящей личность на «надличностный» уровень. В смысловое поле авторского сознания входит фигура «автора-творца» и продуцирующие его индивидуально-психические и культурно-духовные интенции» [3, с. 208]. Н. М. Мирошниченко соотносит авторское сознание «со всем творчеством писателя» и выявляет его особенности через архитектонику, а автор-творец, по её мнению, «обнаруживается через картину мира в художественном тексте» [3, с. 208]. Полагаем, что категория картины мира в методологическом аспекте наиболее функциональна при анализе лирики. Зачастую исследователь, подпадая под эмоциональное воздействие тонкой лирической материи, сбивается на субъективизм в интерпретации текста. Концептуальность и системность категории картины мира, обобщённые в работах И. В. Остапенко [4], позволяют использовать её как методологический инструментальный. Картина мира, по мнению исследовательницы, эксплицирована в лирике пейзажным дискурсом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Применение категорий картины мира и пейзажного дискурса относительно поэзии Е. Рейна уже было нами предпринято в предыдущих работах [2]. Выявлена специфика субъектной сферы и пространственно-временной парадигмы картины мира автора в пейзажном дискурсе его лирики. Цель данной статьи – изучение образного строя поэзии Е. Рейна, выявление стратегий авторского сознания на уровне формирования и функционирования художественного образа. В качестве исследуемого материала использована книга «Избранные стихотворения и поэмы» (2001) [1]. Выбор текстов обусловлен общим научным интересом автора статьи по выявлению специфики функционирования пейзажного дискурса в русской лирике двух последних десятилетий XX века. Кроме того, сборник «Избранного» позволяет проследить эволюцию авторского сознания на текстовом и метатекстовом уровне.

В концептуальном смысле в парадигму картины мира автора, понимаемую как «пред-ставленность» мира перед «человеком-субъектом», в качестве одного из её аспектов входит способ и средства презентации мира. Номинации реалий физического мира, а в контексте интересующего нас пейзажного дискурса – природного мира, становятся «образами» мира (А. А. Потеня) и формируют картину мира в сознании человека-субъекта. В процессе творческой деятельности сознание человека приобретает статус художественного и из уже имеющихся «образов» первичной действительности создаёт вторичную действительность – художественное произведение. В лирике в соответствии с её генетической и исторической природой функционируют субъект-субъектные отношения, следовательно, субъектно-образные отношения также сформированы на основе принципа синкретизма. В эпоху модальности природа образности, по С. Н. Бройтману, характеризуется одновременным присутствием в лирическом тексте разных художественных языков – «простого», риторического и условно-поэтического, что обуславливает неосинкретизм современной лирики на образном уровне.

В данном исследовании сосредоточимся не столько на выборе автором объектов действительности, которые презентуют пространственно-временной пласт его картины мира, сколько на средствах и способах введения их в художественный мир лирического текста. В названном ракурсе рассмотрим поэтические тексты Е. Рейна. Сосредоточимся не на собственно средствах художественной выразительности, а на специфике использования номинаций природных реалий и их характеристик в художественном мире на внутритекстовом уровне.

Начнём с наиболее презентативного авторского приёма, где номинации природных реалий использованы в качестве маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта в мире художественном: «Вдруг над Черноморьем долгие раскаты, / хлябь, гром» [5, с. 305], «где-то у Обводного канала, / где вокзал и где районный сад» [5, с. 356]. Показательно, что топосная сфера лирического субъекта представлена как собственно природным пространством, так и городским, притом урбанистические реалии преобладают, что уже отмечалось при анализе пространственной парадигмы картины мира автора. Описания открытого природного пространства, что традиционно именуется собственно пейзажем, практически отсутствуют. Реалии же природного мира включены в пространственную сферу городского мира, о чем свидетельствуют номинации растительного и животного

мира, презентующие живую природу, окружающую городского жителя: «на веточке качается скворец» [5, с. 237], «собака в подворотне так добра» [5, с. 256], «Зеленью, куриной слепотою зарастает поле под окном» [5, с. 420]. Зачастую акцентируется утилитарное значение названий природных реалий: «чай с брусникой», «клубника на базаре», «кислятина колхозных груш», но и чисто практический смысл образа может намеренно эстетизироваться, хоть и с ироническим оттенком: «где можно жить на помидорах и украшать черешней рот» [5, с. 254]. Художественность пейзажному образу могут придавать акцентирование лексического значения (ст.-сл. «небеса»), метафорические эпитеты и языковая метафора: «*неуёмный* дождь над заливом, / *бьёт с небес* по лаврам, акациям, розам» [5, с. 287], кумулятивное соположение прямых и метонимических номинаций: «От пляжей, сосен, молока и солнца» [5, с. 235]. Так из семантики непосредственных маркеров физического мира, природного и городского, расширенной за счёт актуализации метафорического и метонимического значений формируется художественный образ: «Что мне стоит припомнить Крестовский проспект, / где балтийские волны гудят нараспев / в ноябре, в наводнение, когда острова / заливают запоем залив и Нева?» [5, с. 391]. Уже в данном примере наглядным становится синкретизм художественных языков автора: простого слова – номинации «Крестовского проспекта», «Невы», «залива», риторического – языковая метафора «волны гудят», олицетворение «острова заливают... залив и Нева», и условно-поэтического – «заливают запоем» (образность усиливается за счёт аллитерации), «гудят нараспев». Притом для воссоздания динамики природного мира автором используется культурологические модели – «нараспев», «запоем».

Показательным для картины мира Е. Рейна является прием олицетворения: «Невка мелкою волной / молчит под утро» [5, с. 337], «Полнеба задвигает, свергает синева» [5, с. 397], «Таллин на рассвете как первая любовь» [5, с. 429], усиленный метафорическими коннотациями природных маркеров. Иногда, но довольно редко, что отмечалось при анализе субъектной организации, олицетворение позволяет перевести природную номинацию в субъектную сферу: «апрель вступает в календарную артель» [5, с. 236]. Изредка субъектная форма в виде пространственной номинация выступает как «другой», коммуникативный партнёр перволичного лирического субъекта в лирическом сюжете текста: «площадь огорошила меня, / происходило лютное движенье, / сюда заброшенное от ствола Садовой, / грузовики стремились в представленье, / свергая предыдущее строенье, / и, прислоняясь к домику Главпива, / я бросился хоть что-нибудь спасти» [5, с. 257]. Здесь «площадь», «Садовая», «грузовики» становятся участниками динамического события, организующую роль в котором для реализации лирического сюжета должно сыграть лирическое «я».

И описанный приём олицетворения у Е. Рейна, и последующие примеры тропов (сравнения, метафоры, метонимии) восходят, как представляется, к приёму параллелизма, который для автора выглядит органичным, что подтверждает историко-литературную природу данного вида художественного языка. У Е. Рейна параллелизм выявляет субстанциальную близость человека и природы, определяет его онтологическую парадигму: «ранней осени бессмертная прохлада, / поздней жизни перекопанная нива» [5, с. 327], «И жёлтое небо заката / тревожно, и так же почти / неясным волненьем объята / душа на обратном пути» [5, с. 405], притом актуальна для Е. Рейна не только сугубо природа, но мир в его универсальном смысле как место пре-

бывание человека на земле: «Ступать бы по улицам мокрым, по жёлтому свету души» [5, с. 242].

Как известно, параллелизм, по А.Н. Веселовскому, является один из первых художественных языков, на основе которого сформировался более поздний язык тропов. Поэтому в сравнении, метафоре, метонимии, которые чаще всего встречаются в лирике Е. Рейна, обнаруживается модель параллелизма, но в чистом виде отдельно взятые тропы встречаются редко, преимущественно они образуют сложный художественный образ из переплетения и перетекания тропеических моделей одна в другую. Для наглядности все же приведём несколько примеров отдельных тропов, дающих представление о художественном уровне авторского сознания: сравнение («солнце – клюквенный мазок» [5, с. 39], «возле Фонтанки / Ярче малины слащавая муть» [5, с. 412]), метафора («Лучи кидались в зеркало с московской мостовой» [5, с. 246], «дымный закат разливают кагор / над островами» [5, с. 412], «Расплюснутым серебром дождь пасмурный колдовал» [5, с. 34]), метонимия («стоит перед окном апреля нагота» [5, с. 291], «невский сумрак, сырой и бесстрашный, / заползает в твои этажи» [5, с. 297]), парафраза («как свободно, страшно, тесно / небесная блестит слюда» [5, с. 303]).

Но такое намеренное выделение тропов из текста стихотворений не даёт полного представления об авторской технике формирования образа. Посмотрим пристальнее на метафорический образ в целом: «Ночь уходит по серому серым, / погружаясь на лунное дно / и апокалиптическим зверем / залезая под утро в окно» [5, с. 308]. В смысловое поле «ночи» входит и её прямое значение – часть суточного цикла, последовательно сменяющегося «утром», временная семантика коррелирует с пространственной атрибутикой – «лунное». Языковая метафора «ночь уходит» разворачивается за счёт градации («по серому серым»), где метонимический образ соположен с эпитетом, а динамика события усиливается парафразой («лунное дно»). Ассоциативный ряд дополняется символической семантикой («апокалиптическим зверем»). «Окно» как атрибут дома, традиционно «своего» пространства лирического субъекта, с символикой границы здесь является местом проникновения «иномирия». Так, метафорические и символические коннотации значений природных номинаций обуславливают пограничную экзистенцию лирического субъекта в культурологическом пространстве текста с показательным заголовком «Новый символизм». Подобную авторскую технику соединения различных тропеических моделей в процессе продуцирования в целом метафорического образа можно наблюдать во многих примерах: «По железу ранним утром / в тёмном блеске чешет дождь» [5, с. 327], «А небо в лучшем неглиже – / такая облачная тонкость» [5, с. 302], «С площадки я глядел, как плавится закат – / полнеба – гуталин, полнеба – Мамлакат» [5, с. 292] и др.

В продолжение анализа метафорического слоя образного строя картины мира Е. Рейна обратимся к эпитету. Несмотря на то, что критики указывают на «вещественность» поэтического мира автора, отмечают незначительный пласт прилагательных в нем, отметим, что относительно номинаций природных реалий эпитет является достаточно продуктивным художественным образом в картине мира Е. Рейна. Наряду с языковыми эпитетами, довольно часто сопровождающими природные маркеры («желтеющий лист», «предзакатный луч», «серый город»), особое место и в качественном, и в количественном отношении занимают эпитеты метафорические – «Хрустящий изгиб переулка заляпан крахмальным снежком» [5, с. 250], «Рогатый лист мне гороскопы кажет» [5, с. 256], «В кровосмесительном огне полусферических закатов» [5, с. 311], «На балтий-

ском рассвете мутном / изумрудный горит рассвет» [5, с. 284], «только луж овальных, круглых, серповидных / стало больше» [5, с. 287], «румяная Москва и бледный Ленинград» [5, с. 293], «мой неотвратимый серый город» [5, с. 327]. Притом языковые и метафорические эпитеты могут сопологаться в одном образе («последним, растерянным, / предзакатным лучом старину осветив» [5, с. 354]), или в соседстве с парафразой формировать целостный синтетический образ («Медовая московская сирень, / лиловое густое сновиденье / мотались на углах» [5, с. 367]), или через приём градации онтологизировать лирическое впечатление: «летает, летает желтеющий лист. И я подымаю лицо за листом, / он медлит, летя перед самым лицом. / Воздушный гимнаст на трапеции сна, / о, как мне ужасна твоя желтизна./ Посмертный, последний, обёрточный цвет» [5, с. 416]. Обращают на себя внимание также авторские неологизмы в функции метафорических эпитетов – «вечером обыкновеннолетним», «заката свет багрянородный», «бледнопылающий закат». Таким образом, можно утверждать, что в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна метафорическая модель построения образа является наиболее продуктивной и частотной.

Произведённый анализ образной сферы картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна позволяет прийти к следующим выводам. Природные номинации в художественном образе выполняют несколько функций, притом они актуализируются по-разному в соответствии с периодами эстетической деятельности автора. На раннем этапе творчества Е. Рейна пространственно-временные номинации преимущественно фиксируют координаты лирического субъекта в художественном мире. Притом собственно природные маркеры презентуют мир городской природы и соположны урбанистическим номинациям, вводятся они в текст зачастую кумулятивным способом. Изредка через приём олицетворения пейзажные образы могут выполнять субъектную функцию. Природные номинации в картине мира Е. Рейна онтологизируют художественный образ, позволяют автору говорить на языке природы, что в целом присуще русской лирике второй половины XX века.

Список литературы

1. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М.Волошина : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н.М. Мирошниченко. – Симферополь, 2015. – 20 с.
2. Остапенко И. В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира : монография / И. В. Остапенко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык : Собр. тр. / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с. – (Классика мировой гуманитарной мысли).
4. Рейн Е.Б. Избранные стихотворения и поэмы / Сост. при участии В. Ладыгина; Предисл. И. Бродского, В. Куллэ. – М.; СПб.: Летний сад, 2001. – 702 с.
5. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.

ARTISTIC WORLD IN THE LYRIC POETS OF E. REYNA THE SECOND HALF OF XX AGE

Levitskaya N.Ye.

In the article, the analysis of vivid sphere is presented picture of the world of author in landscape discourse of lyric poetry of E. Rhine. Natural nominations in an image execute a few functions, besides they aktualiziruyutsya variously in accordance with the periods of aesthetic activity of author. Natural nominations in the picture of the world of E. Reyna ontologiziruyut image, allow an author to talk in language of nature, that is one of general a tendency to the Russian lyric poetry of the second half of XX age.

Keywords: poetry, lyric poetry, world picture, metapeyzazhnyy diskurs, vivid sphere, reversible poetics, kontinual'nost' and diskursivnost' of landscape appearance.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'32

РЕЧЕВАЯ КОМПОЗИЦИЯ ПСАЛТИРИ КАК СТРУКТУРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЖАНРА

Беспоместных А. Е., Ничик Н. Н.

*Таврическая духовная семинария,
г. Симферополь
e-mail: nichiknelli@rambler.ru*

Изучение речевой композиции Псалтири позволит оценить напряжение духовного содержания боговдохновенного Текста, а также определить специфику жанра псалмов и мотивировать их последовательное использование как связующее звено между творениями отцов ветхозаветного и новозаветного периодов, составляющих основу соборного сознания.

Ключевые слова: сакральная литература, псалом / Псалтирь, жанровая характеристика псалмов, методы описания; богословский, функциональный, семантико-стилистический, концептологический, соборное сознание.

ВВЕДЕНИЕ

1. *Псалтирь* – величайшее духовно-богословское и духовно-литературное творение, воплощающее связь и единство Бога, человека и мира.

Традиционно автором Псалтири считается царь Давид, значение личности которого невозможно переоценить. Он был одним из величайших правителей еврейского народа за всю его историю, потому что смог совершить великое дело объединения разрозненных племён в единое мощное государство (1). Всё это стало возможным благодаря незаурядным личностным качествам царя. Давид-пророк, Давид-царь, Давид-псалмопевец – всё это характеристика одного человека, в котором соединились талант политического деятеля и божественное вдохновение псалмопевца (2).

Эти качества писателя отобразились в каждой строке святой Псалтири, тем самым выразили глубину личных отношений Давида с Богом. Неслучайно сам Господь наш Иисус Христос в Евангелии так часто цитирует божественного Псалмопевца, а это значит, что Псалтирь обретает непреходящий статус и в Новом Завете, являя собой универсальный источник пророческой мудрости для всех поколений христиан.

2. *Актуальность исследования.* Являясь итогом богодухновенных размышлений автора (авторов), Псалтирь представляет собой своеобразное и совершенное произведение, оказывавшее духовное и эстетическое воздействие в течение столетий на поколения людей. Способы выражения идеи в речевой композиции текста позволит обосновать бесконечность существования выдающегося памятника.

Неслучайно Св. Афанасий Великий дает следующее определение памятника: «Я думаю, что в словах этой книги измерена и обнята вся жизнь человеческая, все состояния души, все движения мысли... Все могут найти себе в Божественных

псалмах наставление. Пусть читают слова их о каждом из этих состояний, и каждый будет возносить их Господу, как бы о нем они были написаны» (Письмо к Марк. о Псалтири) (3).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Псалмы, ориентированные на конкретного человека и на аудиторию, обнаруживают различную речевую композицию: реализуют позицию говорящего (монолог), собеседника (диалог) и обобщают духовные переживания широкой аудитории (для 1, 2, 3 лица – полилог). В текстах псалмов встречаются и включения из ветхозаветных духовных произведений на уровне таких речевых структур, как цитаты, аллюзии и реминисценции. Вместе с тем Псалтирь как опыт Богопознания и общения человека с Господом становится источником речевых включений в новозаветные произведения. Изучение речевой композиции Псалтири позволяет оценить напряжение духовного содержания Текста, особенно в тех случаях, когда происходит взаимодействие, комбинация типов речевой организации, а также определить специфику жанра псалмов и их последовательное использование как связующее звено между творениями отцов ветхозаветного и новозаветного периодов, как основа формирования соборного сознания христианской церкви. Внимание к внутритекстовой речевой организации Книги Псалмов позволит богословски и филологически обосновать жанровую квалификацию этого духовного Текста.

3. Различные тексты стали объектом исследования целого ряда новых разделов языкознания и междисциплинарных областей, назвавших себя «лингвистикой текста», «теорией текста», «анализом дискурса», «нарратологией», «стилистикой текста», «грамматикой текста» (4).

По своей структуре, семантике, функциональной направленности все тексты делятся на художественные и нехудожественные. Это зависит от характера изображения действительности.

Художественная литература всегда имела огромную ценность и играла значимую роль в истории человечества, открывая людям доступ к духовным и моральным ценностям, а также способствуя его социальному и культурному прогрессу.

Для нехудожественных текстов характерна однозначность восприятия, поэтому воспринимаются они как факт, так как не имеют вымысла. В их состав входят средства массовой информации, научные и официально-деловые тексты.

Особое место занимают сакральные тексты, которые имеют свои характерные особенности:

1) Современный человек в определенной степени имеет в структуре своего сознания религиозное начало. Это создаёт возможность правильного объяснения сакрального содержания.

2) В сакральных текстах присутствует своя логика, потому что конечной их целью является влияние на адресата. При этом содержание не рассчитано на рациональную оценку, а принимается как данность с целью сообщения определенных духовных и культурных смыслов.

3) Регламентация является основным культуросодержащим элементом сакральных текстов. Она регулирует определенные действия адресата, учитывая определенные условия, описываемые в тексте.

4). В сакральном тексте есть определенные установки произнесения: чаще всего он представляет собой часть сложной системы сакральных текстов, обрядов.

5) Сакральность текста представляет собой стабильное и одновременно переменчивое явление, потому что, с одной стороны, может передаваться в неизменном виде из поколения в поколение, а с другой – может в процессе функционирования потерять актуальность.

6) Сакральному тексту свойственно обилие символов и наличие суггестивности (5).

В свою очередь художественный текст обладает другими характеристиками. Это связано с изображением картин жизни, в которых скрывается подтекстный, интерпретационный план, «вторая реальность». Главное его отличие – это воздействие на эмоциональную сферу человеческой личности, а также наличие собственных интегральных и дифференциальных признаков, которые составляют структурную композицию текста.

Кроме этого, очень важно отметить наличие в художественных текстах определенных типов речевой композиции. Речевая композиция является компонентом структуры литературного произведения и при этом представляет собой систему стилистических приёмов.

Композиция художественного произведения – это его внутренняя организация, которая зависит от замысла и цели писателя, системы методов художественного изображения: характеристика (с точки зрения автора, другими действующими лицами произведения, самохарактеристика), повествование, рассуждения автора, включаемые эпизоды, прямая речь персонажа (внутренний и внешний монологи, диалоги, полилоги), описания и т.д. (6).

4. Среди сакральных текстов особое место занимает Библия в организации речевой композиции, где отображено богочеловеческое общение, и, в частности, Псалтирь. Имея правильный подход к изучению речевой композиции Псалтири, мы делаем ее более доступной и открытой для чтения, изучения и понимания ее православным христианином, новопришедшим и представителем другой конфессии.

5. Общепринятые жанровые классификации псалмов основаны на системе лексических рядов, объединенных единой темой или мотивом, поэтому нередко один и тот же псалом включается в разные жанры.

А. Классификация Г. Гюнкеля

Первым ученым в среде библеистов, который заинтересовался литературной формой текста Псалтири, был немецкий протестантский библеист Герман Гюнкель (1862 - 1932) (7). Он распределил псалмы по пяти жанровым разновидностям, учитывая связь формы и функции псалмов: 1. Гимны хвалы:

- а. псалмы возведения на престол;
- б. чествующие Бога как царя;
- в. псалмы Сиона.
2. Групповые плачевные псалмы.
3. Царственные псалмы (имеющие отношение к земному царю).
4. Индивидуальные плачевные псалмы.
5. Индивидуальные песни благодарения.

Также учёный выделил дополнительные категории:

6. Псалмы объявляющие благословения и проклятия.
7. Песни странников.
8. Национальные песни благодарения.
9. Псалмы, излагающие исторические события.
10. Псалмы о Законе (о Торе).
11. Пророческие псалмы.
12. Псалмы мудрости.

Профессор Уолтер Зорн из Христианской Семинарии Линкольн в книге «Введение в Ветхий Завет» писал, что для Гюнкеля были характерны взгляды на Псалтирь как на формализованную литургическую литературу, которая создавалась для совершения ритуальных действий (8). Такое видение несколько умаляет личное присутствие творца произведения, при этом следует учитывать, что пение псалма было рассчитано на группу людей. Всё же Гюнкель признаёт за большинством псалмов статус авторских произведений, хотя и эти авторы писали псалмы по уже сложившемуся канону. Хотя Зорн и отмечает крупный недостаток классификации Гюнкеля в сильном обобщении разграничений между псалмами, тем не менее он отмечает значимость работ Гюнкеля, которые послужили началом для создания научного подхода к классификации Псалтири.

Б. Классификация В.Белингера.

Особый интерес представляет классификация В.Белингера (9), который смог учесть в ней недостатки обобщенности предыдущих исследований, смог учесть литературные формы, контекст, содержание текста и лексику.

Он выделил 4 основных жанра псалмов:

1. Хвалебные:
  - a) гимны общего содержания (28; 32; 67; 99; 102; 104; 110; 112; 113; 114; 116; 133; 134; 138; 144; 145; 146; 149; 150),
  - b) псалмы сотворения (8; 18; 64; 103; 148),
  - c) псалмы восшествия на престол (46; 92; 94; 95; 96; 97; 99),
  - d) псалмы Сиона (45; 47; 75; 83; 86; 121),
  - e) вводные литургии (14; 23),
  - f) гимны с пророческими предупреждениями (49; 80; 81),
  - g) псалмы доверия (22; 90; 120; 124; 130),
  - h) псалмы благодарения: индивидуальные (29; 33; 40; 65; 91; 115; 117; 137);
групповые (66; 74; 106; 123; 128; 135).
2. Псалмы плача:
  - индивидуальные плачи (3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 12; 15; 16; 21; 24; 25; 26; 27; 30; 34; 35; 37; 38; 39; 41-42; 50; 51; 53; 54; 55; 56; 58; 60; 61; 62; 63; 68; 69; 70; 76; 85; 87; 93; 101; 108; 119; 129; 139; 140; 141; 142);
  - групповые плачи (11; 13; 43; 52; 57; 59; 73; 78; 79; 82; 84; 89; 105; 107; 122; 125; 136).
3. Царственные псалмы (2; 17; 19; 20; 44; 71; 88; 100; 109; 131; 143)
4. Псалмы мудрости (1; 31; 36; 48; 72; 111; 118; 126; 127; 132)

В категорию хвалебных псалмов входят псалмы, в которых признавалась сила, могущество и благость Бога. Псалмы-плачи, индивидуальные и групповые, очень похожи между собой, но обладают рядом различий, если рассматривать их с

позиции разных условий, в которых они были сочинены, и целей написания. Групповые плачи, в отличие от индивидуальных, сочинялись для их пения на общих собраниях в случаях больших потрясений, в определенные для молитвы дни и в пост. Индивидуальные же псалмы являют собой форму стенания отдельной личности в связи с личными душевными страданиями и их выражением Господу, который является единственным спасителем.

Царственные псалмы не представляют отдельного жанра, а выделяются лишь в связи с их содержанием и обладают признаками как хвалебного, так и молитвенного жанра (Пс. 17, 20). Основной фактор этого вида псалмов – становление царя как центральной особы.

Псалмы мудрости представляют собой лаконичные притчи, в которых выражается общепринятая истина (10).

Данная типологии псалмов недостаточна, так как в ней преобладает количественный принцип, над тематическим и функциональным.

В. Классификация Э. Вэндлэнда (11) выделяет пять основных функций и в соответствии с этим жанры:

- 1) Мольба: воззвание, проблема, просьба, оправдание/покаяние, исповедание веры, обещание, хвала.
- 2) Благодарственные псалмы: намерение прославления Господа, описание бедствий, опасностей, исповедание веры, благодарение (обещание всегда славить Бога).
- 3) Хвалебные: призыв, причины хваления, хвала.
- 4) Наставление.
- 5) Исповедание.

Дополнительные функции: покаяние, воспоминание, воздаяние, царские псалмы, литургические песнопения.

Недостаточность функционального подхода в этой классификации проявляется в том, что функции, названные как основные, повторяются в качестве дополнительных.

Г. Классификация А. П. Лопухина (12).

Выдающийся богослов конца XIX – нач. XX века, А.П.Лопухин был основателем издания Богословской Энциклопедии и положил основание составлению Толковой Библии. В предисловии к толкованию Псалтири приводится классификация псалмов, очевидно основанная на сочетании богословского принципа с семантико-стилистическим и функциональным подходами. Выделены псалмы:

- 1) Хвалебно-благодарственные: 8, 17, 20, 29, 32, 33, 45-47, 64-67, 74, 75, 80, 86, 91, 92, 94-99, 102-107, 110, 112-117, 121, 123, 125, 128, 133-135, 137, 143-150.
- 2) Молитвенные: 3-7, 9, 12, 15, 16, 21, 24, 27, 30, 34, 37-40, 43, 50, 53-55, 58-60, 63, 68-70, 73, 76, 78, 79, 62-85, 87, 89, 93, 101, 108, 119, 122, 129, 139-142.
- 3) Покаянные: 6, 31, 37, 50, 101, 119, 142
- 4) Учительные: 1, 2, 10, 11, 13, 14, 18, 19, 22, 23, 31, 35, 36, 41, 42, 43, 48, 49, 51, 52, 57, 61, 67, 81, 100, 111, 118, 120, 124, 126, 127, 130, 131, 132, 136, 138.
- 5) Мессеианские: 2, 8, 15, 19, 21, 39, 40, 44, 46, 50, 67, 68, 71, 77, 88, 94, 96, 101, 117, 118, 129, 131, 142

ВЫВОДЫ

Заложенный в традиции анализ и описание псалмов на основе принципов богословского истолкования в сочетании с семантико-стилистическим и функциональным может быть дополнен и расширен за счет изучения речевой конструкции текстов и концептологических наблюдений. Такое сочетание принципов позволит более точно описать жанровые, идеологические и художественные достоинства произведений – итога бессмертного общения человека и Господа.

Список литературы

1. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]// Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/11356>
2. Варлаам (Горохов), иеромонах. Историко-археологический контекст времени правления древнеизраильского царя Давида [Электронный ресурс] // Научный богословский портал БОГОСЛОВ.RU. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1739426.html>
3. Библейская энциклопедия. В 4-х выпусках. – Вып. I. А – Е. – Трудь и издание архимандрита Никифора. – Москва, 1891. – С. 584–585.
4. Библиофонд [Электронный ресурс] Электронная библиотека. – URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=512781> (дата обращения – 19.03.2014).
5. Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 88–89.
6. Композиция литературного произведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://allrefs.net/c16/4cucq/p15/>
7. Неклюдов К. В. Гункель // Православная энциклопедия. – М., 2011. – Т. 13. – С. 456–457.
8. Введение в Ветхий Завет. С заметками по истории толкования Ветхого Завета и истории библейской археологии / под редакцией Марка Мангано: Пер. с англ. – М. : Духовная Академия Апостола Павла. Религиозное издание, 2007. – С. 289.
9. W.H. Bellinger Jr., Psalms: Reading and Studying the Book of Praises (Peabody, MA: Hendrickson, 1990), p. 23–29.
10. Введение в Ветхий Завет. С заметками по истории толкования Ветхого Завета и истории библейской археологии / под редакцией Марка Мангано: Пер. с англ. М.: Духовная Академия Апостола Павла. Религиозное издание, 2007. – С. 289–292.
11. Вэндленд Эрнст Р. Гармония и алгебра Псалтири: литературный и лингвистический анализ библейских псалмов. – М.: Институт перевода Библии, 2010. – С. 26–36.
12. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. В 7-ми Т. III: Исторические книги; Учительные книги / под редакцией А. П. Лопухина. 4-е изд. – М.: ДАРЪ, 2009. – С. 207–208.

THE SPEECH COMPOSITION OF PSALTER AS A STRUCTURAL FEATURE OF GENRE

Bespomestnih A., Nichik N.

The study of speech composition of Psalter will allow to estimate tension of spiritual maintenance of Text God inspired, and also to define the specific of genre of psalms and explain their successive use as interlink between creations of fathers old testament and new covenant periods making basis of cathedral consciousness.

Keywords: sacral literature, psalm / Psalter, genre description of psalms, methods of description; theological, functional, semantically and stylistically, conceptological, cathedral consciousness.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И.

Таврическая академия (структурное подразделение)

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
E-mail: legora@list.ru*

Актуальность данной проблемы заключается в том, что до вхождения Крыма в состав РФ русский язык находился в ранге языка национального меньшинства. На полуострове русский язык практически не изучался. Происходила украинизация школ и вузов.

Цель данной статьи -- показать специфику языковой компетенции как одной из составляющих коммуникативной компетенции языковой личности в процессе изучения курса «Русский язык и культура речи» студентами нефилологических факультетов КФУ им. В.И. Вернадского.

Наши наблюдения показали, что в русской речи крымских студентов на всех языковых уровнях встречаются отклонения от норм русского литературного языка. Некоторые ошибки можно объяснить интерферирующим влиянием украинского языка. Даны рекомендации относительно того, как предостеречь студентов от возможной интерференции. Кроме того, обращается внимание и на то, что дисциплина «Русский язык и культура речи» призвана решать не только обучающие, но и воспитательные задачи.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная компетенция, языковая компетенция, вербально-семантический, интерференция.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в Крыму проживает свыше 170 различных наций и народностей: русские, украинцы, крымские татары, азербайджанцы, армяне, болгары, греки, венгры, поляки, евреи и многие другие, среди которых есть и так называемые малочисленные народы, например, караимы, крымчаки. Русские, украинцы и крымские татары составляют все вместе большинство населения полуострова. После вхождения Крыма в состав РФ, согласно Конституции Республики Крым, в новом субъекте Российской Федерации провозглашены три государственных языка: *русский, украинский и крымско-татарский*. Крупнейшим, по числу носителей языка, этносом Крыма являются русские, за ними идут украинцы и крымские татары. Как отмечает проф. Г. Ю. Богданович в своей работе «Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии», в полилингвокультурной ситуации Крыма большая объединительная роль принадлежит русскому языку. На основе русского языка строится региональная идентичность не только живущих в Крыму русских, но и представителей других национальностей [3, с.262].

Однако русский язык в Крыму (до вхождения его в состав РФ) находился в статусе языка национального меньшинства. На полуострове практически отсутствовали русские школы. Проходила украинизация школ и вузов. С присоединением Крыма к России языковая ситуация изменилась. Согласно требованию Министерства образования и науки Российской Федерации для студентов нефилологических факультетов высших учебных заведений владение русским языком и культурой русской речи является необходимой частью профессиональной компетенции современного спе-

циалиста. Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» стало обязательным элементом профессиональной подготовки.

«Языковое образование, как подчёркивает проф. Г. Ю. Богданович, во все времена оказывалось важным фактором развития и человека, и общества, приобщения к культуре, которая выражается через язык. Носитель языка – человек. Поэтому совершенно оправданным представляется обращение к понятию «языковая личность», изучение которого связано в русском языкознании с именем Ю. Н. Караулова [2, с.27]. Учёный в своей монографии «Русский язык и языковая личность» представил модель языковой личности, состоящей из трёх уровней: вербально-семантического, лингво-когнитивного (тезаурусного), мотивационно-прагматического [5, с. 52-53]. Идеи Ю. Н. Караулова получили дальнейшее развитие в работах Т. Г. Винокур, В. И. Карасика, Азаровой Л. Е., Г. Ю. Богданович, А. М. Шахнаровича, О. Б. Сиротиной и др.

Важную роль в формировании языковой личности играет коммуникативная компетенция, «суть которой заключается в объединении языка и речи, характеризует личность человека, владеющего языком и умеющего им пользоваться на основе грамматических правил» [1, с.336]. Следовательно, «коммуникативная компетенция» как признак личности и термин имеет собственную структуру: *языковую компетенцию, социолингвистическую компетенцию, прагматическую компетенцию*. По мнению В. И. Карасика, *языковая компетенция* как один из показателей социального статуса человека определяется тремя измерениями: степенью владения языком, нормативным употреблением языка, языковым богатством [4, с.64]. Нормативное употребление языка содержит лексические, фонетические, грамматические и др. (по языковым уровням) знания и умения языковой личности. *Социолингвистическая компетенция* касается социальных контекстов, в которых протекает речевая деятельность человека. *Прагматическая компетенция* связана с характером использования языка в человеческой деятельности.

Цель данной статьи – показать специфику языковой компетенции как одной из составляющих коммуникативной компетенции языковой личности в процессе изучения курса «Русский язык и культура речи» студентами нефилологических факультетов КФУ им. В.И. Вернадского.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Языковая компетенция проявляется в том, как человек соблюдает литературные нормы в языковой практике. Выделяют орфоэпические нормы, акцентологические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические, орфографические и пунктуационные. Как показали наши наблюдения, в русской речи студентов нефилологических факультетов на всех языковых уровнях встречаются отклонения от норм русского литературного языка. Некоторые из них являются следствием интерферирующего влияния украинского языка. Приведём примеры таких ошибок:

1. *Орфоэпические ошибки*: на месте русского взрывного звука [г] произносят [h] (как в украинском языке): [h]олос, доро[h]а и т.д. Звонкий звук [г] в конце слова произносится, как [h]: ро[h], Оле[h] (вместо ро[к], Оле[к]) и т.д. Мягкие губные подменяют твёрдыми в конце слов типа степь, голубь, семь (ср. в укр. : степ, голуб, сім). Произносят твёрдый звук [р] вместо мягкого [р']: зве[р], Харко[в] (в укр. Харков, звір) и т. п. и др.

2. *Акцентологические* ошибки объясняются тем, что украинское ударение по своей фонетической природе и роли в языке совпадает с русским. Целый ряд слов в этих языках отличаются именно ударением. Ср.: рус. слова: *алфавИт, вЕрба, крапИва, щавЕль, одИннацатый* и т. д.; укр.: *алфАвит, вербА, крапивА, щАвель, оди-наДцатий* и т. п. и др. Поэтому в подобных словах в русском языке неправильно ставят ударение. Говорят: *вербА, крапивА, щАвель* и т. д.

3. *Лексические ошибки*. На территории Крыма источником многочисленных лексических ошибок является бесконтрольное использование лексических элементов украинского языка. Такие слова в русском контексте создают смысловую двусмысленность, которая выступает в виде межъязыковой омонимии. Например, (из разговора студентов): Керим с Андреем пошли гулять в футбол (вместо *играть*). *Сдаётся* мне, что зачёт сегодня я не получу (вместо *кажется*) и др.

Включение лексических украинизмов в русскую речь обычно происходит непреднамеренно, спонтанно. Причиной обращения говорящих к подобной лексике является отсутствие в их речевом сознании чёткого разграничения лексических единиц русского и украинского языков, что приводит к межъязыковому паронимическому словоупотреблению и к образованию гибридных, контаминированных форм. Ср.: У нас в школе развитию спорта *приделяют* много внимания (вместо *уделяют*). На первом курсе у меня *успешность* была хорошая (вместо *успеваемость*). *А шо пара переносится?* и др.

4. *Морфологические ошибки* иногда возникают при определении рода, числа, падежных форм существительных, которые в этих близкородственных языках имеют одинаковую морфологическую структуру, но отличаются вышеперечисленными грамматическими характеристиками. Например, *дальняя путь, чернило, ручка дверей, красивый волос, дай мне рубля* (вместо *дальний путь, чернила, ручка двери, красивые волосы, дай мне рубль*) и т. д. Ср.: в укр. : *далека путь, чорнило, ручка дверей, гарне волосся, дай мені карбованця (карбованець)*. В прошлом году в это время мы тоже без *пальт* ходили (вместо *без пальто*, в украинском языке это слово изменяется) и др.

5. *Синтаксические ошибки* связаны с нарушением норм лексической сочетаемости, а именно: с перенесением синтаксических моделей сочетаемости украинского языка на русский. Например, *впадает в глаза, разглядывать вопрос, брать участие, заведующий кафедры* (вместо *бросается в глаза, рассматривать вопрос, принимать участие, заведующий кафедрой*) и др. Как правило, общие для этих языков предлоги различаются оттенками значений, стилистической окраской, частотой употребления. Неодинаковой может быть в этих языках валентность как предлогов, так и сочетающихся с ними падежей имени, а также особенности глагольного управления. Например: *скучать за сыном* (правильно *скучать о сыне, по сыну*; в укр.: *скучати за сином*); *он приходил до меня* (*он приходил ко мне*; в укр.: *він приходив до мене*); *брат старше за сестру* (*брат старше сестры*; укр.: *брат старший за сестру, від сестры*); *через него мы опоздали* (*из-за него мы опоздали*; в укр.: *через нього ми спізнались*) и др.

ВЫВОДЫ

Таким образом, изучение курса «Русский язык и культура речи» в полилингвокультурном пространстве Крыма имеет свою специфику. Поэтому на занятиях по данной дисциплине необходимо, во-первых, проводить целенаправленную работу по преодолению в русской речи студентов ошибок, вызванных влиянием украинского языка. Задания должны носить характер «предостережений» против возможной интерференции. Во-вторых, эти занятия должны способствовать формированию навыков правильной русской речи у обучающихся, научить их пользоваться речью в зависимости от её назначения. В третьих, этот курс призван решать не только обучающие, но и воспитательные задачи. Н. Ю. Караулов обращает внимание на то, что «есть одно неотъемлемое свойство языковой личности, одна из обязательных её характеристик, которую никак нельзя обойти и о которой необходимо сказать несколько слов ... Речь идёт о любви каждого говорящего к своему языку... Любовь к языку – это одно из проявлений любви к родине, которая всегда с нами, всегда в нас ... *Amor linguae* сохраняется на всю жизнь ...» [4, с. 259-260]. Следовательно, на всех занятиях, в процессе обучения в ненавязчивой форме необходимо проводить культурно-воспитательную работу, воспитывать у языковой личности 21-го века чувство гордости за родной язык, который воплощает в себе культурные и исторические традиции народа.

Список литературы

1. Азарова Л. Е. Специфика языковой личности в коммуникативном процессе общения / Л. Е. Азарова // Уч. зап. Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь 2013. – Т.26 [65]. №4, ч.1 Филология. Социальные коммуникации. – С.336-341.
2. Богданович Г. Ю. О компетентностной парадигме и успешной коммуникации / Г. Ю. Богданович // Уч. зап. Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь 2013. – Т.22 [61]. № 2 Филология. Социальные коммуникации. – С.25-30.
3. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Оджак, 2015. – 296с.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333с.
5. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263с.

УДК 740

СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСТРОЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ ОРГАНИЗАЦИЙ

Гладко М. А.

*Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь
e-mail: glad_26@tut.by*

В коммуникации организаций чувственные механизмы психики коммуникантов могут существенно влиять на выбор решения и модели их поведения. Эмоционально-настраивающие тактики активизируют переживания успеха или неуспеха, индуцируют определенное эмоциональное состояние в отношении какого-либо действия, поручения, стимулируют желание выполнить их максимально качественно, а также направлены на создание благоприятной атмосферы, кооперативного общения, формирование доверия. В данной статье описана палитра эмоционально-настраивающих тактик, формирующих коммуникативный ландшафт в организациях. Особенности их реализации являются: использование инклюзивных форм, которые внедряют в сознание адресата ощущение единения со всеми сотрудниками организации; трехкомпонентная структура: «эмоционально-оценочный регулятив + побудительное предложение + лексемы, реализующие тактику к пользе», акцентирующая выгоду при выполнении определенных действий; вопросительное предложение для побуждения к дальнейшему действию.

Ключевые слова: эмоциональный настрой, коммуникация, организация, тактики.

ВВЕДЕНИЕ

В коммуникации организаций чувственные механизмы психики коммуникантов могут существенно влиять на выбор решения и модели их поведения. Использование стратегии эмоционального настроения адресата и тактик, ее реализующих, имеет колоссальное значение для обеспечения эффективной деятельности сотрудников. Эмоционально-настраивающие тактики воздействуют на аффективно-волевою сферу адресата, так как активизируют переживания успеха или неуспеха, индуцируют определенное эмоциональное состояние в отношении какого-либо действия, поручения, стимулируют желание выполнить их максимально качественно. Тактики эмоционального настроения также направлены на создание благоприятной атмосферы, кооперативное общение, ситуации доверия коммуникантов друг другу.

Именно поэтому в силу значимости для эффективной и продуктивной организации рабочего процесса в организации в данной статье исследуется репертуар тактик, реализующих стратегию эмоционального настроения, а также их языковое оформление.

Материалом исследования послужили 100 деловых писем, сообщений во внутреннем коммуникативном пространстве различных организаций.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Наиболее востребована стратегия эмоционального настроения в благодарственных письмах, письмах-уведомлениях об увольнении, письмах инициативного характера.

К эмоционально-настраивающим тактикам (т.е. тактикам, реализующим стратегию эмоционального настроения адресата) мы относим:

- тактику благодарности;
- тактику похвалы;
- тактику поощрения;
- тактику интимизации;
- тактику обращения к эмоциям.

Тактика благодарности помимо реализации одного из основных принципов эффективной коммуникации – принципа вежливости – обладает мощным эмоционально-настраивающим эффектом. Благодарность – важный речевой акт этикета общения, который представляет собой демонстрацию, с одной стороны, вежливости, воспитанности адресанта, а с другой – доброжелательности, уважительного отношения к адресату. Факт благодарности способствует запоминанию того, что сказал адресант. Слово благодарности оказывает на человека влияние во много раз более сильное, чем какие-либо другие факторы. Цель отправителя сообщения – повлиять на адресата, убедить его в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные чувства и мысли [2, с. 45].

Тактика благодарности укрепляет отношения, способствует благоприятному психологическому климату в коллективе. Благодарность – хороший стимул, повышающий мотивацию сотрудников и стремление к сотрудничеству: *Заранее благодарим за помощь и желание стать лучше ВМЕСТЕ!* (1). *Благодарим Вас еще раз за то, что нашли время и посетили демо-рум. Надеюсь, что поездка была приятной и полезной, и Вы узнали много новой информации* (2).

Лексикой-маркером благодарности выступает положительно заряженное *благодарим*, в превалирующем количестве случаев используемое во множественном числе. Подобная инклюзивная форма внедряет в сознание адресата ощущение единения со всеми сотрудниками организации, осознание факта выполнения своей профессиональной деятельности для компании, которая как живой организм ценит и уважает его. В пространство организационной коммуникации тактика благодарности вкрапливается в сочетании с другими тактиками. В примере (1) она комбинируется с тактикой интимизации, а также хорошо сочетается с тактиками обращения к эмоциям, ценностям, пользе (2). Как видим из данных примеров, лексика благодарности успешно комбинируется с положительно заряженными лексемами, описывающими эмоции *приятно, удивительно, радостно*, с лексикой прагматической оценки *полезный, нужный*, лексикой, выдвигающей в фокус внимания идеи повышения качества, содействия *помощь, желание, лучше, эффективнее*.

Тактика похвалы неразрывно вплетается в ткань внутренней коммуникации организации. По мнению как теоретиков, так и практиков делового общения, использование различных жанров похвалы весьма продуктивно, способно изменить ситуацию в нужном ключе. Так, комплименты отражают культурные, профессиональные ценности, служат вербальным средством открытого выражения одобрения или восхищения действиями, деятельностью, манерой поведения адресата. При помощи данной тактики адресант может добиться от адресата желаемого поведения [1, с. 54].

Данная тактика способствует гармонизации отношений в коллективе, активизирует работников, является хорошим стимулом для дальнейшей продуктивной деятельности. В ходе ее реализации адресант намеренно эксплицирует превосход-

ство адресата в области принятия правильного решения, выполнения профессиональных обязанностей. Для этого используются эмотивно-оценочные регулятивы – тип речевых оценочных высказываний, включающий все виды похвал, выраженные прилагательными положительной оценки: *умница, молодец, великолепный, отличный, замечательный* и т.д. С помощью данных индикаторов похвалы автор акцентирует особые заслуги и достижения. Убеждающий потенциал эмотивно-оценочных регулятивов также заключается в том, что они являются обязывающими, так как требуют от человека определенного действия, имплицитно побуждают получателя сообщения к дальнейшему соблюдению такой же схемы действия: *Особое спасибо Ольге Петровой и Алексею Родину. Пока они замечательно справляются со своей работой и идут в чемпионах по «добыванию референсов».*

Особенностью использования тактики похвалы во внутренней коммуникации организации является акцентирование важности и значимости объекта похвалы для компании в целом, для каждого ее сотрудника. Подобный прием направлен на моделирование у адресата чувства общности, сопричастности к деятельности организации: *Пожалуйста, знайте, что мы очень ценим все ваши заслуги и достижения, которые вы сделали для компании.*

Похвала в письмах-благодарностях, письмах, уведомляющих об увольнении многокомпонентна. Она основывается на переплетении фактов и оценки. Автор акцентирует наличие у адресата качеств, которые значимы и ценны, получают одобрение профессионального сообщества или конкретной организации. Этому способствуют информативные, оценочные определения *профессиональны, ответственные, требовательны*, номинирующие деловые качества успешного сотрудника; положительно заряженные вкрапления, описывающие манеру поведения, выполнения своих обязанностей адресатом *относитесь ко всем служащим в своей команде с уважением, ваши заслуги и достижения, которые вы сделали для компании*; а также указание на особое уважение организации к объекту похвалы *мы очень ценим, слышал только самую высокую похвалу от всех.*

Отметим, что наиболее эффективной структурой похвалы в сфере организационной коммуникации, на наш взгляд, является: описание положительных качеств сотрудника + демонстрация значимых достижений, поведения сотрудника + указание значимости деятельности сотрудника для компании, демонстрация уважения к его личности, профессиональной деятельности.

Анализ сообщений, циркулирующих в коммуникативном пространстве организаций, показал, что наиболее частотной в употреблении является двухкомпонентная структура похвалы «эмоционально-оценочный регулятив + положительно окрашенное действие»: *Вы прекрасный сотрудник. Всегда все выполняете вовремя. Всегда что-то новое и интересное придумываете.*

Тактика поощрения нацелена на реализацию стратегической коммуникативной цели – побудить сотрудника(ов) к дальнейшим действиям. Применение данной эмоционально-настраивающей тактики позволяет одновременно оценить предыдущие действия сотрудников и дать им установку на дальнейшую деятельность в долгосрочной перспективе: в течение месяца или года. Поощрение может быть представлено несколькими вариантами трехкомпонентной формулы: «благодарность (выраженная лексемой *спасибо*, иногда в сочетании с усиливающим прилагательным) + тактика обращения к ценностям (оценочное прилагатель-

ное/наречие/существительное) + побуждение к действию»: *Огромное спасибо за то, что вовремя подготовили документы. Мы успешно прошли проверку. Я думаю, что этот успех послужит лишь началом нашей дальнейшей продуктивной деятельности, и надеюсь на ваше понимание и на то, что впредь я смогу вам больше доверять в плане документации.*

В качестве формулы поощрения также используется трехкомпонентная структура: «эмоционально-оценочный регулятив + побудительное предложение + лексемы, реализующие тактику к пользе». При этом следует отметить, что для выражения положительной оценки предыдущих действий адресата наиболее эффективной формулой является использование коннотативно-оценочного прилагательного в сочетании с существительным, а для побуждения к дальнейшему действию – вопросительного предложения, реже – императива, который звучит достаточно категорично. Вопросительное же предложение, содержащее имплицитный призыв к действию и/или описание необходимых действий, демонстрирует внимание к мнению, желаниям адресата. В то же время оно имплицитно, ненавязчиво задает определенный алгоритм действия: *Вы разработали отличнейшие материалы по всему курсу польского языка. А что, если вы их оформите в практикум и выложите в сеть интранет, чтобы слушателям было проще найти к ним доступ?*

Тактика интимизации предполагает обращение автора к эмоционально-чувственной сфере читателя через сообщение о своих чувствах с тем, чтобы вызвать эмоциональный отклик адресата и создать благоприятный фон для внесения необходимых автору идей в сознание читателя [2, с. 20].

Интимизация снижает официальность общения, делает его более непринужденным. Отправитель речи при таком виде общения становится в глазах адресата не безликим источником объективной информации, а личностью, мнения и чувства которой не менее важны для адресата, чем сама информация. Интимизация призвана сблизить адресата и адресанта, а это является хорошей предпосылкой для реализации замысла адресанта. Рассмотрим эффективность данной тактики на примерах: *Все эти проекты – результат нашей с вами работы. Заранее благодарим за помощь и желание стать лучше ВМЕСТЕ!*

В примерах местоимения *нашей с вами, вместе* используются для сближения коммуникантов. Таким образом, у адресата складывается впечатление, что он сопричастен к делам компании и вместе со своими коллегами, как одна семья, они делают компанию сильнее. Данное ощущение стимулирует работников, дает им возможность почувствовать себя частью компании.

Особой тактикой, направленной на формирование атмосферы доверия, сотрудничества, стимулирование активной деятельности адресата, является **тактика обращения к эмоциям**. Способность эмоций воздействовать на человека объясняется тем, что они оказывают влияние на когнитивные процессы. Эмоции предшествуют восприятию предметов, явлений. Словесное выражение эмоций может привести к их переживанию. Исследователи отмечают, что память человека лучше всего сохраняет эмоционально значимую информацию. Яркие эмоциональные переживания твердо удерживаются в памяти и легко воспроизводятся [3, с. 124].

Поэтому очень важно грамотно использовать данную тактику. При правильном использовании тактика активизирует положительные эмоции, которые работник получает в ходе рабочей деятельности, и которые способны сделать его более

открытым по отношению к коллективу, отзывчивым. Все это – необходимые условия для формирования благоприятного климата в коллективе.

Апеллируя к эмоциям, адресант имеет возможность получить положительный отклик на просьбу, может побудить адресата к действию. Такого рода тактики, как правило, хорошо работают в женских коллективах, однако могут быть достаточно успешно использованы и в смешанных коллективах.

Рассмотрим палитру эмоций, которые адресант активизирует в целях моделирования поведения сотрудников в рамках коммуникации организаций: апелляции к положительной эмоции **уважения** и к условно положительным эмоциям, то есть эмоциям, настраивающим адресата на позитивное отношение к предложениям автора сообщения, к собственной личности и выполняемым профессиональным функциям и обязанностям – **ответственность, гордость**. Воздействие на группу положительных и условно положительных эмоций способствует созданию ощущения у адресата комфорта, удовлетворенности, что ориентировано на оптимизацию убеждающего воздействия речевого сообщения.

Собственно положительная эмоция уважение мотивирует сотрудников компании к оказанию содействия, что чрезвычайно важно для обеспечения эффективной деятельности любой организации. Тактика обращения к уважению содержит эксплицитную оценку – оценку автором сообщения личности человека, сотрудников и их поступков и/или результатов труда. При этом убеждающее воздействие оказывается «любимым» (прямым): *Мало того, что Вы выполнили работу в срок, но и проект сделан профессионально и выглядит великолепно. Вы сделали самую удивительную работу и заслуживаете самой высокой похвалы от всех наших сотрудников.*

Как видим из примера, автор письма намеренно эксплицирует превосходство компании в профессиональной области. Для этого используется преимущественно профессиональная лексика *процесс сотрудничества, гарантированное выполнение взятых на себя обязательств*, лексика, индуцирующая профессиональные ценности *принятие решений, обязательства, профессионализм*. В иных случаях эмоцию уважения моделируют формы сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных *самую удивительную работу, самой высокой похвалы*, а также лексика положительной оценки *высокий, удивительный, великолепно*.

Из группы тактик к условно положительным эмоциям во внутренней коммуникации (в служебных записках) представлена тактика к эмоции **ответственности**. Апеллируя к ответственности, автор сообщения оказывает психологическое воздействие на профессиональное «я» адресата. Это способ уменьшения или даже снятия барьеров между адресантом и адресатом, который заключается в постепенном вхождении адресанта в профессиональную и личную сферу получателя сообщения, в «свой» (для адресата) мир. Высокую активность этой эмоциональной апелляции можно объяснить тем, что адресант эксплицирует информацию о профессиональных обязанностях адресата. Это придает тактике не эмоциональный, суггестивный, а скорее рациональный характер (обращение к разуму получателя сообщения). Однако при этом интенция оратора заключается в передаче имплицитной информации «вы должны исполнить свои обязанности, действовать во благо и в интересах компании и ее сотрудников».

Специфической чертой реализации апелляции к ответственности во внутренней коммуникации организации является не прямое, нелобовое, а имплицитное указание на ответственность адресата за выполнение своих обязанностей: *Это большой, сложный проект, но мы уверены, что Вы доведете его до конца.*

Выражая уверенность в успешном выполнении поручения, веру в силы и способности получателя сообщения, адресант настраивает его на положительный результат, на желание завершить проект как можно эффективнее. Доминирующим смысловым ключом в таком случае выступают глаголы со значением ожидания, уверенности, надежды в комбинации с глаголами реализации, указывающими на желаемый результат или действия.

В коммуникативном ландшафте организации смысловая нагрузка лексики ответственности усиливается за счет сочетания с существительными *роль, задача*, посредством которых осуществляется психологическая настройка адресата на выполнение ответственных действий: *Перед нами поставлена большая, ответственная задача, важная по своему социальному и государственному значению.*

Наименее распространенным средством апелляции к эмоции ответственности в эффективной коммуникации являются глаголы долженствования *обязан, должен*, которые эксплицитно призывают к исполнению обязанностей. Небольшую активность модальных глаголов можно объяснить тем, что для максимально эффективного убеждающего воздействия характерны более «замаскированные» методы воздействия и стимулирования сотрудников, мотивирующие их организовывать свое поведение определенным образом.

Формированию духа единства, совместной деятельности способствует апелляция к эмоции **гордости** (за компанию, штат сотрудников). Формула гордости выглядит следующим образом: положительно заряженные прилагательные *великий, замечательный* (или превосходная степень прилагательного) в сочетании с существительными, называющими объект гордости *компания, проект, отдел, достижение* и инклюзивным *мы/наш*. Прилагательные выполняют функцию возвеличивания, воодушевления, являются наиболее прагматически заряженным в аргументе компонентом. Они, с одной стороны, реализуют позитивный оценочный заряд, способствующий созданию определенной атмосферы, воодушевляющей аудиторию. С другой стороны, они служат выражением мировоззренческих ситуаций оценивающего субъекта: *В нашей замечательной компании проводятся месячные курсы по повышению квалификации.*

ВЫВОД

Таким образом, посредством стратегии эмоционального настроения автор сообщения осуществляет скрытое убеждающее воздействие на адресата с целью создания туннельного восприятия информации, то есть в нужном для адресанта ключе.

Список литературы

1. Журавлева Е.А. Прагмалингвистические средства реализации категории автора в политических мемуарах / Е.А. Журавлева // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – №6(38). – С. 16 – 39.
2. Кириллова Н. Н. Стереотипы восприятия критики и похвалы в деловой коммуникации / Н.Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Сер. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2014. – № 2. – С. 53-59.
3. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи/ Н.Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.

STRATEGY OF EMOTIONAL STANCE IN INTERNAL COMMUNICATION OF ORGANISATIONS

Hladko M.A.

In communication inside the organization emotional mechanisms can significantly impact communicators' behaviors and solutions. Tactics of emotional stance activate the feeling of success or failure, induce a necessary emotional state in respect to some actions, tasks, stimulate the desire to fulfill them to the outmost and also are directed to building favorable working atmosphere, cooperative communication and rapport. The article deals with a set of emotional tactics shaping the communicative landscape of an organization. Their peculiarities are as follows: inclusive forms which plant into the receiver's consciousness the feeling of uniting with the peers; a three-components' structure «an emotion-evaluative regulative + imperative sentence + words appealing to benefit» which underlines advantage from an activity; interrogative sentence to impel an activity.

УДК 81'33'42: 004.738.5

КОММУНИКАТИВНАЯ МАСКА КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИНАМИКЕ ДИАЛОГА

Дикарева С. С.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

E-mail: legora@list.ru

В статье рассматриваются коммуникативные маски собеседников в динамике диалога при смене коммуникативной роли (адресант, адресат). Трансформация идентичности анализируется в оппозиции «когниция—коммуникация». Сопоставляются интерпретации концепта «маска» в когнитивной лингвистике («когнитивная установка», «роль», «сценарий») и в коммуникативистике («коммуникативные технологии», «искусство общения»). Показано, что оппозиция «когниция—коммуникация» близка концепции Эрвинга Гоффмана («театральная метафора», «социальная драматургия»), в которой индивиды представлены как актеры, играющие на сцене определённые роли в присутствии аудитории в соответствии с «линией поведения» и «работой лицом» (face work). Теоретические положения иллюстрируются литературными диалогами, записями разговорной речи из коллекции Национального корпуса русского языка и виртуальными разговорами (форум студентов Санкт-Петербургского университета).

Ключевые слова: коммуникативная маска, когнитивный сценарий, виртуальный диалог.

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи состоит в анализе концепта «коммуникативная маска» в аспекте сценарного моделирования диалога и динамики коммуникативной реализации.

Теоретические положения. Сценарное моделирование коммуникации входит в задачи когнитивной лингвистики и коммуникативистики. В качестве объекта моделирования выступают знания, которые приобретает человек в процессе повседневного взаимодействия с окружающим миром. Знания представляются в виде ментальных презентаций – *образов, прототипов, фреймов, сценариев, ментальных пространств* и т. п. Когнитивный сценарий представляет собой событийную схему, позволяет предсказывать обязательные компоненты и порождает ожидания факультативных. Как и другие ментальные схемы, сценарии – это организованные структуры знаний.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Знания сценариев диалога формируют социокультурную компетенцию участников коммуникации. Механизм сценарного моделирования диалога анализируется в книге С. С. Дикаревой «Сценарное моделирование диалогических систем: принципы лингвистической теории» [4, с. 39 – 72].

Концепция Эрвинга Гоффмана. Повседневное взаимодействие между людьми, взаимодействие лицом-к-лицу было темой исследований социолога чикагской школы Эрвинга Гоффмана (англ. Erving Goffman варианты транслитерации на русский язык: Ирвин Гофман, Ирвинг Гоффман). В основе повседневного взаимодействия, как считал Гоффман, лежит упорядоченность привычных и незаметных

форм повседневного человеческого поведения (передвижения людей по улицам, разговорных взаимодействий, приветствий и прощаний, проявления вежливости и тактичности, разрешения споров и т.п.). Публичный порядок, поддерживаемый в таких простейших формах человеческого поведения и взаимодействия, является базисным уровнем поддержания социального порядка и социальной солидарности и необходимым условием для всех более высоких уровней социального порядка (политического, экономического и т.д.).

В статье «О работе лицом» (On Face Work) рассматриваются ритуальные элементы социального взаимодействия, механизмы поддержания публичного порядка: ритуал, игра, драма и т. д. [3]. Например, развивается идея «ложного лица». «Находясь в нужном образе, – отмечает Гоффман, – человек чувствует себя уверенно, Твёрдо придерживаясь выбранной линии, он чувствует, что может гордо держать голову и открыто представлять себя другим. Однако человек спокоен и уверен и тогда, когда окружающие люди понимают, что он демонстрирует ложное лицо, но умело скрывают от него свои чувства» [3, с. 135].

Известность Эрвингу Гоффману принесла «театральная метафора» и концепция «социальной драматургии», в которой действующие индивиды рассматриваются как актеры, которые играют на сцене определённые роли в присутствии аудитории. Работы учёного-социолога оказали влияние на антропологию, социологию, лингвистику, этнологию, политическую науку, психологию и др. Идея «ложного лица» как нужного образа в определенной ситуации близка, на наш взгляд, к использованию «коммуникативной маски» в стереотипных сценариях часто повторяющихся событий.

Трансформация идентичности в Интернете. В последнее время коммуникативная презентация личности становится предметом обсуждения трансформации идентичности в виртуальном мире [1]. Авторы оригинального исследования современной стабильной Я-презентации виртуальной личности А. Г. Асмолов и Г. А. Асмолов, психолог и журналист, отец и сын, обращаются к анализу процесса эволюции презентации личности в Интернете. «Те из нас, кто пользовался Интернетом еще до начала века нынешнего, — пишут авторы, — помнят такое средство общения, как InterRelay Chat (IRC). Используя подобные чат-программы или обитая в чат-комнатах, большинство участников Интернет-общения не использовали тогда своих настоящих имен. **Мы меняли маски** [выделено мной. – С. Д.], играли не только именами, но и возрастами, полами, исследуя новые границы своего виртуального Я» [1, с. 7].

Смена маски характеризует феномен мобильных идентичностей кибердемократии [7]. Формат социальных сетей не признает мобильных идентичностей. Как утверждают авторы, «мир сетей противоречит логике бахтинского карнавала» [1, с. 7]. И далее, «информация всегда проблематична, когда ее источник находится под маской, а если источник начинает менять маски, то ее ценность стремительно приближается к нулю» [1, с. 7].

Достоверность информации во многом зависят от возможности идентифицировать источник, что зависит от стабильности виртуальной личности, её статуса, репутации (сравните идею репутации индивидуума, лица и линии поведения в концепции Э. Гоффмана).

Лексикографическое определение лексемы «маска». В Большом толковом словаре русского языка / Ред. Кузнецов С. А. — СПб.: Норинт, 2000 [1] выделено 7 значений лексемы «маска».

МАСКА, -и; *мн. род.* -сок, *дат.* -скам; *ж.* [франц. masque] **1.** Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды и т.п., надеваемая на лицо человека. *М. медведя. М. кота. Разрисованная м. М. из папье-маше. Надеть маску.* // Накладка на верхнюю часть лица с отверстиями для глаз, надеваемая для того, чтобы не быть узнанным. *Девушка в маске. М. для глаз. Быть в маске.* **2.** Человек в такой накладке и маскарадном костюме (обычно на костюмированном балу, маскараде и т.п.). *Подойти к маске. М. взяла меня за руку. Не узнать маску.* **3.** *обычно кого-чего или какая.* Притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л. *Ироническая м. М. добродетели. Носить маску наивности и простодушия* (притворяться наивным и простодушным). *Надеть маску кого-л.* (притвориться кем-л.). *Сбросить с себя маску кого-л.* (обнаружить истинную сущность, перестать притворяться). *Сорвать маску с кого-л.* (разоблачить кого-л., показать чьё-л. притворство). **4.** Скульптурное изображение лица человека или головы животного. *Рисовать маску Венеры. Украшать стены масками животных.* // Гипсовый слепок с лица человека (чаще - умершего). *Посмертная м.* **5.** Накладка специального назначения на лицо или часть лица, предохраняющая её носителя от вредного воздействия чего-л. (газа, микробов, светового потока и т.п.). *Фехтовальная м. Противогазовая м. М. электросварщика. Операционная сестра в маске.* // Накладка на лицо или часть лица, обеспечивающая к кому-л. доступ чего-л. *Кислородная м. Наркозная м.* **6. Проф.** О чём-л., приспособленном для военной маскировки. *Маски для орудия.* **7.** Слой густо наложенного на лицо крема, лекарственного состава и т. п. для лечения кожи. *Питательная м. Огуречная м. М. из яиц.*

Из приведенных в словаре 7 значений речевое поведение «коммуникативная маска» в некотором смысле соответствует значению 3. Обращает на себя внимание то, что для лексикографического толкования используются лексемы «**притворство**» и «**истинная сущность**», сравните: «*обычно кого-чего или какая. Притворство*, скрывающее **истинную сущность** кого-, чего-л.. *Носить маску наивности и простодушия Ироническая м. М. добродетели* (**притворяться** наивным и простодушным). *Надеть маску кого-л.* (**притвориться** кем-л.). *Сбросить с себя маску кого-л.* (обнаружить **истинную сущность**, перестать **притворяться**). *Сорвать маску с кого-л.* (разоблачить кого-л., показать чьё-л. **притворство**)» [лексемы **притворяться, притворство, истинная сущность** выделены мной. – С. Д.].

Образцы когнитивных сценариев «под маской». Ниже приводятся иллюстративные примеры диалогического диалога, пример (1), устной беседы из подкорпуса устной речи НКРЯ, пример (2) и виртуальной коммуникации форума студентов пример (3).

Пример (1). А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка. Обсуждение сценария «встречи», «знакомства» Диалог между Лизой и Настей.

– Как бы мне хотелось его видеть!— сказала Лиза со вздохом.

– Да что же тут мудреного? Тушково от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы верно встретите его. Он же всякий день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту.

– Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне все же нельзя будет с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

– И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тушково; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

– А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!— и Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Комментарии к примеру (1).

Приведенный пример иллюстрирует необходимые дискурсные параметры сценария:

- 1) место действия (в стороне Тушково);
- 2) время действия (поутру);
- 3) участники действия (Лиза, Алексей);
- 4) последовательность неречевых и речевых действий (Лиза на прогулке, Алексей на охоте);
- 5) одежда (наряд крестьянки, толстая рубашка, сарафан);
- 6) стиль речи (местный диалект).

В приведенном сценарии знакомства планируется, что участники действия встретятся как бы случайно: Лиза на прогулке и Алексей на охоте. В сценарий включено использование мультимодальной коммуникативной маски: одежда («наряжусь крестьянкою», «наденьте толстую рубашку, сарафан»), стиль речи («А по-здешнему я говорить умею прекрасно»). Определяется также место встречи (в стороне Тушково) и время (рано поутру).

(2). Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru>

Результаты поиска в устном корпусе Объем всего корпуса: 3 665 документов, 1 662 905 предложений, 11 349 008 слов. **маска** Найдено 108 документов, 230 вхождений.

Пример (2) О. Б. Сиротинина. Беседы с О.Б. Сиротининой // Из коллекции Саратовского университета, 2008

«... очень повлиял конечно на меня Виктор Владимирович Виноградов / сначала я относилась к нему ну с уважением безусловно / но многое мне в нём не нравилось / ни тогда / и по-прежнему не нравится сейчас понимаете / он вёл себя всегда ну наверно это объяснялось его вот таким / абсолютно непререкаемым авторитетом и прочее / но вот он на всех всё-таки смотрел свысока и / мало того что свысока / еще как-то / ну что называется / позволял себе быть каким-то барином / и это мне в нем всегда очень не нравилось / может быть это казалось со стороны / может быть это было даже на самом деле несправедливо / потому что вот так близко-то я с его работой он был заведующим кафедрой в МГУ / был директором Института русского языка / я же не соприкасалась близко вот / в рамках этой работы / я его знала только по конференциям когда вот сидит там вот такое недоступное божество признанное всем миром / президент МАПРЯЛ и так далее и тому подобное / на самом деле у него была очень трудная судьба и / во многом может быть это была **не сущность** вот такая барская манера-то а **своеобразная маска** которая ему помогала в жизни...» [ruscorpora.ru]

Комментарии к примеру (2).

Рациональное диалогическое взаимодействие ориентировано на цель общения. Последовательность шагов собеседников до достижения цели представляет собой осуществление диалогического события.

Возможным признаком новых речевых шагов служит смена коммуникативных масок, т.е. *диалогическая мобильность идентичности*, что может привести к коммуникативным неудачам в динамике реализации сценария диалога.

Список литературы

1. Асмолов А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире / А. Асмолов, Г. Асмолов // Вопросы психологии. — 2009. — № 3. — С. 3—15.
2. Большой толковый словарь русского языка / Ред. Кузнецов С. А. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Гоффман, И. О «работе лицом»: пер. с англ. / Ирвинг Гоффман / Межличностное общение. Хрестоматия. Составление и общ. ред. Н. В. Казариновой, В. М. Погорьши, Санкт-Петербург, 2001. — С. 132—170.
4. Дикарева С. С. Сценарное моделирование диалогических систем: лингвистическая теория диалога. Монография. 2-е изд. перераб. и доп. / С. С. Дикарева С. С. — Симферополь, ДИАИПИ, 2015. — 310 с.
5. Кукс А. В. Функционирование «речевой маски» в юмористическом выступлении / А. В. Кукс. [Электронный ресурс, режим доступа URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-rechevoyu-maski-v...>, дата визита 25.05. 2016].
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс, режим доступа URL: <http://ruscorpora.ru>, дата визита 25.05. 2016].
7. Постер, М. Кибердемократия: Интернет и публичная сфера [Электронный ресурс, режим доступа http://www.sociology.vuzlib.su/book_0110_page_39.html дата визита 25.05. 2016].

COMMUNICATIVE MASK AS IDENTITY TRANSFORMATION IN THE DYNAMICS OF DIALOGUE

Dikareva S. S.

In the article communicative masks of interlocutors are considered in the dynamics of dialogue when communicative roles are changes (sender, addressee). Transformation of identity is analyzed in the opposition "cognition – communication". The concept of "mask" interpretations in cognitive linguistics ("cognitive intention", "role", "scenario") and in communication studies ("communication technologies", "art of communication" are compared. It is shown that the opposition "cognition — communication" is close to Erving Goffman concept of "theatrical metaphor" and "social drama", in which individuals are represented as actors playing particular roles on the scene in the presence of the audience according to the "line of behavior" and " face work". Theoretical statements are illustrated by literary dialogues, recordings of colloquial speech from the collection of the Russian National Corpus and virtual conversations (students' forum of St. Petersburg State University).

Keywords: communicative mask, cognitive scenario, virtual dialogue.

«DENGLISCH» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Евтихова И. М., Лебедева А. В.

*ГБОУ ВО РК «КИПУ», г. Симферополь
E-mail: anyka1620@rambler.ru*

В данной статье анализируются особенности функционирования англицизмов в немецком языке, что в целом помогает определить некоторые тенденции языковых изменений. Научная новизна данной темы заключается в том, что был проведен анализ ранее не изученного пласта лексики – англицизмов в современном немецком языке. На основе проанализированного материала предпринята попытка дать оценку современной языковой ситуации в Германии. Целью данной статьи является определение степени влияния английского языка на немецкий язык. Для решения задач применяются следующие методы лингвистического анализа: метод сплошной выборки, метод структурного анализа собранного материала и сопоставительный метод.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, словарный состав, лингвистические особенности.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана со стремительным ростом лексического состава немецкого языка за счет появления заимствований. **Целью исследования** является выявление характера заимствований в современном немецком языке и их структурно-семантических особенностей. Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Дать терминологическую характеристику понятия «заимствование»;
2. Провести анализ лексического корпуса современного немецкого языка;
3. Выявить количественную и качественную роль англицизмов в этом процессе;
4. Denglisch как новообразование в расширении немецкого языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общеизвестно, что немецкий язык во всех областях современной общественной жизни (от простейшего визита в магазин до сложнейших наук) некоторых сферах имеет огромное количество английских слов и даже полностью ими вытеснен. В настоящее время английский язык специалисты характеризуют как “модный язык с яркими тенденциями превращения его в мировой язык”. Активизацию процесса заимствования англоязычной лексики в другие языки многие связывают с социальными причинами, в том числе и с причинами политического характера. Однако частое неоправданное заимствование слов английского и особенно американского происхождения вызывает и негативную реакцию в обществе, поскольку все чаще появляются высказывания, что этот процесс грозит потерей языковой и культурной идентичности.

В последние годы в Германии ведется оживленная дискуссия на тему: "No future für Deutsch", "Wie viel Englisch verkraftet unsere Sprache?". Появилось такое понятие как Denglisch – акроним deutsch и englisch (немецкий и английский языки). Это явление, с одной стороны, служит тревожным сигналом о засорении немецкого языка, но, с другой стороны, язык интегрирует в себя иностранные слова, расширяя тем самым свой словарный состав, что является результатом активного контактирования народов и языков, в результате которого происходит проникновение слов из одного языка в другой. Примером этого «нового» языка может служить следующий фрагмент: «Viele gelehrte people bemühen sich today again zu dieser einfacheren Sprachform back zu kommen. Selbst unter kunstkritischen sightpoints viewed des ganze nämlich viel nicer aus als schnödes german or langweiliges Englisch!»

Получается, что сегодня иностранцу придется овладеть английским языком, чтобы выучить немецкий язык. Слова, «изобретенные» говорящими на немецком языке – так называемые «псевдоанглицизмы» (anglisierende Bildungen, Scheinentlehnungen, Pseudoanglizismen или Scheinanglizismen), – вызывают особый интерес у германистов. Дело в том, что в английском языке некоторые из этих слов не употребляются вовсе, а многие используются в других значениях. В любом случае, для многих англичан и американцев, приезжающих в Германию, подобные слова и выражения непонятны и потому вызывают недоумение. Одним из важных, на наш взгляд, аргументов за «англицизацию» немецкого языка является тот факт, что английский и немецкий языки – языки родственные. Однако этот факт часто играет с говорящими на немецком языке злую шутку – многие слова обоих языков действительно похожи, но это не всегда означает, что они имеют одно и то же значение. Так, например, немецкое слово fatal имеет значение «misslich, peinlich – сомнительный, затруднительный, неприятный», в то время как английское прилагательное fatal обозначает «unbehebbar, tödlich – неминуемый, смертельный». Еще более показательным примером является английское слово become, имеющее в немецком языке значение «werden» или «jemandem gut zu Gesicht stehen», а вовсе не значение «bekommen», как могло показаться на первый взгляд[8]. Так что в ближайшем будущем список «придуманных» английских слов и слов, «неправильно» или «приблизительно правильно» переведенных с английского, несомненно, увеличится. Тем не менее, Denglisch завоевывает все новые и новые немецкоязычные пространства. Современное немецкое общество раскололось на два лагеря, каждый из которых готов в любой момент предоставить необходимые аргументы в свою пользу. Некоторые языковеды обосновывают внедрение иностранных слов в немецкий язык тем, что для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей, понятий в немецком языке нет специальных названий, их можно обозначить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, Public Relations обозначает по-немецки: Öfffen-

tlichkeitsarbeit, öffentliche Beziehungen, Kontaktpflege und Meinungspflege. Или понятие Manager можно объяснить по-немецки только следующим образом: mit weitgehender Verfügungsgewalt und Entscheidungsbefugnis ausgestattete leitende Persönlichkeit eines Grossunternehmens. Здесь, конечно, лучше употребить англо-американские термины, так как немецкие эквиваленты описывают эти понятия слишком сложно и многословно. Т. Адорно, ссылаясь на Wolfgang V.N., писал: «Лучше использовать иностранные слова там, где по каким-либо причинам невозможен дословный перевод» [5].

Каждый язык стремится к краткости. Телеграммный стиль используется не только в email-сообщениях, но и в обыденной речи. Многие английские слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие: например, такие слова, как Trucker (2 слога и 7 букв) и Lastwagenfahrer (5 слогов и 15 букв). Ещё примеры: Jointventure – Gemeinschaftsunternehmen; Management – Unternehmensleitungen. Данные примеры показывают, что англицизмы имеют более краткую форму в сравнении с аналогичными по значению немецкими словами [1]. Англицизмы могут употребляться как вариант при использовании немецких терминов. Слово Banker, например, звучит современнее, чем Bankier, и имеет более короткую форму, чем Bankfachmann. В одном и том же контексте можно использовать различные варианты английских обозначений: вместо Dollar часто употребляется Greenback. Смешанное образование – сложные слова, одна часть которых заимствована из английского языка, другая часть – немецкое слово: Powerfrau – Geschäftsfrau; Livesendungen – Sendungen über das Alltagsleben; Reiseboom – grosse Reisenachfrage. Псевдоанглицизмы – это заимствования, которые образованы из англоязычных составных частей, но в немецком используются в другом значении. Например, Dressman, Oldtimer, Shorty, Showmaster, Twen. Мобильные телефоны только в немецком языковом пространстве называют Handy. Проблематичнее обстоит дело, если устойчивые выражения переводятся с английского на немецкий из слова в слово в качестве заимствованных переводов. Вместо «Es gibt keinen Sinn», «Ich wünsche Ihnen einen schönen Tag», «im Jahr 1988» немцы формулируют всё чаще «Es macht keinen Sinn» (engl. It makes no sense), «Haben Sie einen schonen Tag» (engl. Have a nice day), «in 1988». В данном случае есть попытки перенести конструкции предложений из английского языка в немецкий, но они не согласуются с немецкой грамматикой. Можно привести еще примеры: ovations – stehende Ovationen, We call you back – wir rufen Sie zurück. Наиболее «молодые» англо-американизмы следует искать в сфере современных видов коммуникации, интерактивных связей и Интернета. Многие предметы быта вошли в обиход под иностранными названиями, чаще всего англо-американскими [2]. Так, англицизм das Cover регулярно стал использоваться для обозначения иллюстрации на обложке журнала или конверта, футляра для диска, его можно встретить и в словарях современного немецкого языка. От него произошло и слово Covergirl (изображение девушки на конверте

компакт-диска, журнала) и т.п. То же можно сказать и о сфере спорта, когда становятся популярными новые спортивные занятия, например парапланеризм или фристайл, и появляется, соответственно, новая терминология. Иногда в немецком языке появляются заимствования, структура которых не нарушает общих представлений о стереотипном, стандартном немецком слове.

Морфологический состав заимствования известен, модель его строения стандартна, а смысл обозначения легко выводим из структуры слова (например, *Modemacher, Theatermacher, Medienmacher*). Нередко можно встретить престижные английские слова – наименования гастрономии, употребленные вместо более «скромных» немецких, например: *Porridge* вместо *Haferbrei*, *Crab Meat* вместо *Krabbenfleisch*. В молодежных слоях носителей языка постоянно отмечается мода на престижные англо-американизмы *mein Dad(dy)* или *my family*: 1. *Software* (материальное обеспечение компьютера) – *Software – Entwicklung, Software – Spezialist, Software – Ingenieur*; 2. *Rock* (музыка в стиле рок) – *Rockmusik, Rockoper, rocken, rockig*; 3. *Jogging* (бег трусцой) – *joggen, der Jogger, der Jogger – Dress*.

К способам образования новых наименований в современном немецком языке относится и образование по аналогии. Например, заимствованное из английского языка во второй половине XX века интернационально известное *Musical* (русское мюзикл) дало импульс к возникновению наименований *Grusical* (фильм ужасов), *Historical* (фильм, пьеса на историческую тему), *Political* (музыкально-сатирическое политическое ревю). Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что тенденция увеличения словарного состава немецкого языка посредством англо-американских заимствований приняла гротескные формы. Данная проблема вышла на государственный уровень. Важно подчеркнуть, что так называемая «языковая политика» и решение языковых проблем – это явление, характерное не только для Германии.

Отметим, что отличительными чертами слов, заимствованных из английского языка, являются следующие: - они были заимствованы в последние десятилетия, представляют последнюю волну иноязычного влияния и являются, таким образом, наиболее характерными для современного немецкого языка; - они распространяются на все сферы функционирования языка и употребляются всем населением Германии – независимо от возраста, социального положения и т.д. (в отличие от более ранних заимствований, используемых, как правило, определенными социальными слоями (знатью, образованными людьми и др.); - они заимствуются не только немецким языком, но и другими языками, так как международная коммуникация сегодня осуществляется преимущественно на английском языке.

Даже если примириться с мыслью о том, что процесс англизации немецкого языка – вещь закономерная и даже в чем-то полезная (язык становится

богаче, используя ресурсы других языков), все равно с употреблением английских слов и выражений связаны определенные проблемы, например:

Englisch	Deutsch
Abstract	Kurzfassung
Apartment	Wohnung
Baby	Säugling, Kleinkind
Bestseller	Verkaufsschlager
Boss	Vorgesetzter, Leiter, Chef
Business	Geschäft, Gewerbe
Cartoon	Karikatur, Bildergeschichte
Champions League	Meisterliga
Consultant	Berater
cool	lässig, kühl
Date	Treffen, Verabredung
Equipment	Ausrüstung
Feedback	Antwort, Rückmeldung
Freecall	Freigespräch
global	weltweit
High-tech	Spitzentechnik
Headline	Schlagzeile, Überschrift
Jogging	Dauerlauf
Kindershop	Spielzeuggeschäft

Loser	Verlierer
Manager	Geschäftsführer, Leiter
Meeting	Treffen, Sitzung, Versammlung
Office	Büro, Arbeitszimmer, Dienstzimmer
Performance	Resultat, Leistung, Ergebnis
prepaid	vorbezahlt
Report	Bericht
Service	Dienstleistung, Kundendienst
Teenager	Jugendlicher
Tipp	Rat
Underground	U-Bahn
Workshop	Arbeitstreffen, Seminar
World-cup	Weltmeisterschaft

1) англицизмы плохо интегрируются в немецкий язык не только с лексической, но и с грамматической точки зрения. В связи с этим возникает вопрос: как, например, должно склоняться слово Drop или как спрягаются глаголы downloaden или checken? А какого рода слово Site?

2) много вопросов вызывает и произношение иностранных слов, которое отличается от немецкого. Особенно трудными для немцев кажутся звуки, которых в немецком языке нет, например: <dg>, звучащий как глухой <dʒ> и т.д. Правописание английских слов также создает ряд проблем, одна из которых заключается в следующем: каким же правилам правописания необходимо следовать – английским или немецким? Известны случаи, когда возможны оба варианта написания слова: Club/Klub.

Немцы, не владеющие или плохо владеющие английским языком, испытывают определенные трудности понимания англицизмов. Например, по мнению авторитетнейшего журнала «Der Spiegel», большинство немцев абсолютно не понимает рекламных слоганов с английскими словами. В газетах, например, публикуются объявления о том, что на работу требуются Facility Management Consultants, Lotus Notes Workgroup Demand Managers und Senior Mechanical Devel-

opers for RF-Devices – что это такое, знают только специалисты. Стремление к оригинальности также привело к созданию непонятных (Hair Factory, Hairlich, Krehaartiv, Headhunter) названий фирм [4]. Многие немецкие лингвисты убеждены: если распространение лингвистического гибрида под названием «Denglisch» не остановить, немецкий язык рискует в нем полностью раствориться.

В процессе работы проведен метод сплошной выборки из немецких словарей и рассмотрена лексика немецкого языка английского происхождения, используемая в различных сферах жизни немецкого общества. Примеры отображены в таблице 1.

ВЫВОДЫ

Тревога за судьбу национального языка – явление на сегодняшний день общеевропейское. Так, например, несколько десятилетий назад во Франции был принят закон о «Препятствии и предотвращении засорения французского языка английскими словами». Затем данному примеру последовали Словакия и Польша. И это вполне объяснимо: утрата языка означает и мгновенную утрату национального своеобразия, национальной культуры.

Многие языковеды выступают против «натиска» англоамериканских языковых проникновений в немецкий язык. В качестве примера автор Г. Бахляйтнер приводит названия фильмов немецких режиссеров: “Catch Your Dreams” (вместо “Fang deine Träume”), “War Lab” (вместо “Kriegslabor”), “Killing Cars” (вместо “Tödliche Wagen”) и др., или названия, применяемые по рекламным соображениям, но не соответствующие прагматическим целям: “fun and fashion” (вместо “sportlich-salopp”), “Job and Joy” (вместо “Allzweckkleidung”). Выступая против подобной практики «культурного обмена», Г. Бахляйтнер соглашается с S. Bruendel и подчеркивает, что международный обмен представляет собой обмен между нациями, а не духовную самоликвидацию одной во имя другой. Каждый язык предлагает свой взгляд на внешний мир, и свести все богатство к одному языку означало бы «жалкое обнищание» [6].

Подобной точки зрения придерживается и Ф. Вайскопф. Он говорит о «засорении» немецкого языка модными словами англо-американского происхождения (party, stories, job, playboy, smart sleeping pills и др.). Обращают на себя внимание процессы калькирования слов и словосочетаний, а также смысловые заимствования: вместо того, чтобы писать öffentliche Meinung (общественное мнение) употребляют словосочетание öffentlicher Geist, представляющее собой точную кальку с английского public mind.

«Сохранить национальный язык Германии» – сегодня под этим лозунгом объединяется немецкоязычное общество. В 1997 году профессор В. Кремер основал объединение «Немецкий язык». На сегодняшний день это крупнейшее объединение Германии насчитывает в своих рядах более 14000 человек, и, в первую очередь,

защитники национального языка стремятся оградить немецкий язык от засилья англицизмов.

Сегодня в немецкоязычном масс-медийном пространстве можно прочитать «весьма авторитетные мнения» о том, что английский язык во многом превосходит своего собрата по германским языкам, а немецкий, устаревший и неоправданно сложный, совершенно не в состоянии адекватно выражать реалии современного мира.

Такая позиция выглядит, по меньшей мере, смешной, ибо каждый, даже начинающий лингвист знает, что любой язык позволяет выразить всё то, что хочет сказать говорящий на этом языке.

Таким образом, по мнению многих немецких исследователей, дело не в подчиненном положении немецкого языка, а в чувстве подчиненности самих немцев. Победное шествие английского языка, по сути, является выражением достаточно чувствительной гегемонии англосаксонского мира, ведь слова никогда не приходят в другой язык сами по себе, они, как правило, импортируются вместе с ценностями и товарами [7].

Поэтому остановить «Denglisch» могут только сами немцы: если они хотят избавиться от англицизмов, им следует избавиться от чувства восхищения перед Америкой. Никакой закон, регулирующий словоупотребление, здесь не поможет. Это под силу только тем, кто ежедневно и ежечасно говорит на немецком языке, делая выбор в пользу тех или иных слов. Как говорят сегодня в немецком обществе: *In der Sprache selbst findet ein tägliches Plebiszit statt.* Вопрос о сохранении немецкого языка как национального языка Германии встал в последние годы особенно остро. И, прежде всего, эта проблема заинтересовала лингвистов. При этом они вовсе не ставят целью искоренить все англо-американизмы из немецкого языка, поскольку полностью изолировать язык от иноязычных заимствований невозможно [3]. То, что английский язык стал международным языком науки, остается фактом. Но англо-американские заимствования в огромном объеме (что сейчас наблюдается в немецком языке) могут стереть языковую и культурную идентичность Германии.

В заключение следует отметить, что заимствования, обозначающие актуальные явления для современной жизни общества, довольно быстро вливаются в немецкий язык и употребляются его носителями в разных видах коммуникации. Новые англо-американские заимствования быстро вступают в акты дальнейшего инновационного процесса. Таким образом, они становятся базой для новых обозначений, организованных способами словосложения, словопроизводства, аббревиаций. Х.Т. Шмитц очень точно выразил состояние современного немецкого языка: «*Englisch ist überall in und up to date, Deutsch ist vielfach, schon vollig out*» [9]. Специалисты считают, что немецкий язык – это не просто язык немецкого народа, это его культурное наследие. И прежде всего его нужно сохранить для последующих поколений.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Общее языкознание. История и теория языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Азбуковник, 2013. – 310 с.
2. Нефедова Л.А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования / Л.А. Нефедова: монография. – М.: МПГУ, 2012. – 98 с.
3. М.Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа – 2ое Изд. Центр «Академия», 2011. – 256 с.
4. Лобанова И.В. О социовариантах немецкого языка: проблема социально-языковой адаптации в современной Германии / И.В. Лобанова// Компетенции межкультурной коммуникации: сборник научных статей. Шуя: ШГПУ, 2011. С. 135-141.
5. Wolfgang V. N. Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche / Wolfgang V. N. – Hrsg., 2009. – 940 S.
6. Bruendel S. «Jede Sprache ist die Brille, durch die wir die Welt betrachten, und je nach Brille sieht die Welt mal so und mal anders aus» / S. Bruendel - Sprachnachrichten, № 55, 2012. – S. 52
7. Duden. Das Fremdwörterbuch. Unentbehrlich für das Verstehen und den Gebrauch fremder Wörter. 11. Auflage / U. Kraif., A. Konopka., O. Thyen. – Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2015. – 1136 S.
8. Duden. Herkunftswörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache. 7. Auflage / G. Drosdowski., P. Grebe. – Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2014. – 816 S.
9. Smitz H. Amideutsch oder deutsch? Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage // Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“ 2010 S. 135-165.

«DENGLISCH» IN MODERN GERMAN

Yevtikhova I. M., Lebedeva A. V.

This article examines the peculiarities of English loan words in German language, which generally helps to identify some of the trends of language changes. Relevance of a subject is caused by its communication with one of important problems of modern linguistics – research of actual language units in speech. Foreign loans represent huge research interest for linguists of our time. This article is devoted to English loan words in German. The subject of English loan words in German is rather popular and became object of studying for many both domestic, and foreign linguists. Scientific novelty of the topic is that the analysis of the previously little-studied layer of vocabulary has been made – Anglicisms in German. On the basis of the analyzed material was made an attempt to estimate a current linguistic situation in Germany. The aim of this article is to determine the level of influence of English on German. To solve the problems, the following methods of linguistic analysis have been used: the method of continuous sampling, a method of structural analysis of the collected data and a comparative method.

Keywords: borrowings, Anglicism, lexical composition, linguistic peculiarities.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОЛЬФАКТОРНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Каика Н. Е.

*Донецкий национальный университет, г. Донецк
E-mail: natalyakaika@mail.ru*

В статье анализируются русско-французские фразеологические эквиваленты ольфакторной фразеосемантической группы. Выявлена специфика репрезентации ольфакторной семантики во фразеологии русского и французского языков. Обосновано наличие русско-французской фразеологической общности с ольфакторным невербальным коммуникативным фоном.

Ключевые слова: русско-французские ольфакторные фразеологические эквиваленты, общий русско-французский фразеологический фонд, невербальный коммуникативный фон.

ВВЕДЕНИЕ

Антропологический вектор развития современной лингвистики требует изучения языковых единиц, в том числе фразеологических, во взаимосвязи с культурой, историей, ментальностью народа. Проблемы корреляции разных культурных кодов, вербальных и невербальных знаков, специфика репрезентации невербальных элементов вербальными средствами вызывают научный интерес.

Постановка проблемы. Сфера ольфакторной перцепции представляет собой особый вид чувственного восприятия мира, в значительной степени отличающийся индивидуальностью своей природы и антропоцентризмом [8, с. 3]. Психологи заявляют о осуществлении однозначной связи между базовыми эмоциями и базовыми запахами. Передаваемая по обонятельному каналу эмоциональная информация является невербализованной, именно в таком виде она существует во внутреннем мире и индуктора, и реципиента [2, с. 28]. В семантике ольфакторных фразеологизмов закодирована определенная невербальная информация, механизмы вербализации которой недостаточно изучены. Исследование таких единиц с невербальным коммуникативным фоном позволит глубже проникнуть во фразообразовательные механизмы и закономерности, установить фразеологические универсалии, что очень ценно как для общей фразеологической теории, так и для развития сравнительной, сопоставительной фразеологии, фразеографии, ареальной, когнитивной, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии.

Анализ исследований и публикаций. Существует определенный корпус исследований, посвященных особенностям невербальной коммуникации (А. Хилл, Б. Успенский, Г. Колшанский, И. Горелов, Г. Крейдлин, Г. Уайнрайт, Ю. Фаст, Р. Бердвистел, А. Пиз и др.). В последнее время внимание ученых привлекают проблемы изучения обонятельной перцепции. В научных работах обозначены основные направления исследования запаха и его восприятия в общегуманитарных науках (Н. А. Трофимова, В. В. Осипова), рассмотрены запахи как аспект повседневной жизни, их роль в современном обществе (О. Б. Вайнштейн), особенности их функционирования в сакральной и профанной сферах (М. А. Епанешникова), ольфакторий отечественной словесности (Н. Л. Зыховская) и др. В лингвистической парадигме описана языковая репрезентация одорических номинаций (Т. Н. Рябова), проанализирован концепт «запах» и способы его репрезентации в русском языке

(А. А. Колупаева), рассмотрены вопросы представления ольфакторного пространства в языковой картине мира (А. В. Халльштайн), предпринята попытка сопоставительного анализа запахов в различных языках и культурах, проведенного на материале корейских, японских и русских фразеологизмов (Пак Сон Гу) и др. Вместе с тем малоизученными остаются проблемы репрезентации ольфакторной семантики во фразеологии, отсутствуют исследования межъязыковых фразеологических эквивалентов ольфакторной фразеосемантической группы, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Цель исследования – обосновать наличие русско-французской фразеологической общности с ольфакторным невербальным коммуникативным фоном. Достижение цели предполагает решение таких задач: 1) выявить русско-французские ольфакторные фразеологические эквиваленты, 2) охарактеризовать их ольфакторную семантику с учетом невербального коммуникативного фона.

Фактологическим материалом исследования послужил «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов», который содержит около 16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологизмов [3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Целостная картина межъязыковой фразеологической общности (в том числе русского и французского языков) требует системного анализа всех ее составляющих, в том числе фразеосемантических групп с невербальным коммуникативным фоном.

В сравнении с достаточно большим количественным составом русско-французских фразеологических эквивалентов (РФФЭ) кинесической, окулесической фразеосемантических групп ольфакторные РФФЭ немногочисленны. Это обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами. Во-первых, обонятельный канал – один из наименее активных каналов коммуникации. «Обоняние занимало самую низкую позицию в иерархии чувств. Согласно Э. Кондильяку («Трактат об ощущениях», 1754), запах менее всего участвует в процессе человеческого познания. Ему не находится места ни в эпистемологии, ни в эстетике. Он сопротивляется символизации» [цит. по 1, I, с.591]. Перцептивные способности человека индивидуальны. Как подчеркивает В. А. Лабунская, ольфакторная система проявляет свою дифференциальную силу только при весьма специфических обстоятельствах, скажем, в ситуации социальной, сенсорной изоляции, в контексте определенных типов взаимодействия, например, интимного общения между мужчиной и женщиной, ухода матери за ребенком, в ситуации «врач – больной» и т. д. [4, с.17]. Кроме того, в сопоставляемых языках мало глаголов с ольфакторной семантикой, к тому же они не обладают выраженной фразеологической активностью.

Лексико-семантический анализ русских и французских фразеологических коррелятов показывает, что стержневыми компонентами РФФЭ рассматриваемого типа являются ольфакторные лексемы *запах - odeur* и *пахнуть – sentir* (*деньги не пахнут. - l'argent n'a pas d'odeur*). Единичными примерами представлены РФФЭ с лексемами *нос – nez*, хотя они прежде всего связаны с обонянием как каналом коммуникации (*бить (ударять) в нос*. О резком запахе, который сразу чувствуется. – *monter (prendre) au nez*), *нюх, нюхать* (*не нюхал порошу кто-л.: он порошу не нюхал. –*

il n'a pas reçu le baptême du feu), хотя они связаны с перцепцией запаха, и РФФЭ без ольфакторных лексем (*хоть топор вешиай. – l'air est à couper au couteau*). Не встречаются РФФЭ с лексемами *аромат – arôme*.

В наиболее обобщенном виде РФФЭ вербализуют запахи естественной среды (*[в воздухе] пахнет грозой. – il y a de l'orage dans l'air*) и искусственные запахи окружающей среды (*пахнет порохом. – cela (ça) sent la poudre*).

В семантике ольфакторных РФФЭ наблюдается оценочная, чаще всего негативная, маркированность: «неприятный запах» (*тяжёлый запах. – mauvaise odeur (f); отдавать плесенью. – 1. sentir le moisi; 2. sentir le renfermé*), «приятный запах» (*тонкий запах. – odeur (f) délicate*). Оценочность восприятия запахов связана с тем, что «запах, или собственно обонятельное (ольфакторное) впечатление — это феномен сознания, вызванный действием определенного материала (натуральной эссенции или синтетического продукта) [1, I, с.10]. Известен алгоритм возникновения этого феномена сознания: «действие пахучего вещества — возбуждение обонятельных рецепторов — выработка «ольфакторного послания» — обонятельное впечатление» [1, I, с.10]. Типичное обонятельное впечатление обуславливает дифференциацию и категоризацию запахов, с чем, очевидно, связано возникновение РФФЭ *знать, чем тут пахнет. – savoir (voir) de quoi il retourne*. Устойчивое обонятельное отрицательное впечатление зафиксировано в семантике РФФЭ: *пахнет порохом. – cela (ça) sent la poudre; дело пахнет керосином. – cela (ça) tourne au vinaigre; [дело] пахнет жареным. – 1. ça (cela) sent le brûlé; 2. ça (cela) sent le roussi*.

«Выделение общих элементов, компонентов невербального поведения, определение его функций, - отмечает В. А. Лабунская, - позволяют создать культурно-специфическую типологию невербального поведения» [4, с.5]. Очевидно, что в основе фразеологизмов *воротить нос от кого-л., от чего-л. – tordre le nez de qch, de qn*. лежит коммуникативная ситуация невербальной реакции человека на неприятный запах, обусловленная особенностями обонятельной перцепции. Попутно отметим возможную аналогию: в основе просторечного фразеологизма *воротить морду (рыло) [7, с. 79] - faire sa gueule [5, с.784]*, по всей видимости, лежит коммуникативная ситуация невербальной реакции человека на неприятный визуальный контакт, что связано с особенностями окулесики. Получение информации посредством обонятельного канала коммуникации – невербальный фон РФФЭ *держат нос по ветру. – 1. aller le nez au vent; 2. sentir d'où vient le vent*.

В межличностной коммуникации обоняние служит механизмом индивидуальной, психологической, социальной перцепции, формирующим отношение, установки. В семантике ольфакторных фразеологизмов находят отражение отношения «свой – чужой»: например, РФФЭ *на дух не выносить (не переносить) кого-л. – avoir qn dans le nez*. Невербальный коммуникативный фон выражений транслирует нежелание говорящего иметь обонятельный контакт, а значит, вступать в коммуникацию.

Процесс реминисцирования посредством запахов являет собой «феномен Пруста». Так, в романе М. Пруста рассказчик, попробовав испеченное матерью печенье, начинает реминисцировать: запах печенья вызывает запахи «разных времен года, но уже комнатные, домашние,.. сухие ароматы буфета, комода, пестрых обоев и сложный, липкий, приторный, непонятный, фруктовый запах вышитого цветами покрывала» [6, с. 45-46]. Запах как условный раздражитель, вызывающий, к приме-

ру, образы родины, дома, связан, как правило, с положительными реминисценциями. Ср.: *и дым отечества нам сладок и приятен*. Человеку в родных местах всё дорого. – [et] *la fumée même de la patrie nous est douce*. Лексема «дым» лишь усиливает положительные ассоциации («дым сладкий», «приятный»).

Запах связан с человеческими представлениями о добре и зле. В сопоставляемых языках находим выражения с соответствующей семантикой: *благоухание святости - odeur de sainteté* (аромат, исходящий, согласно религиозным представлениям, от тела или могилы умершего святого) [5, с.1082] и *дьявольский дух - odeur de soufre* [5, с.1082].

В книге французского исследователя Доменика Лапорта «Histoire de la merde» [9] описаны симпатические связи золота и экскрементов, диалектика искупления и наказания, аксиома Веспасиана и др., что можно рассматривать как культурно-исторический бэкграунд просторечных РФФЭ *своё г... не пахнет. – a chacun sent bon sa merde*.

Популярность кинолент *Profumo di donna* (1974) Дино Ризи и американского римейка Мартина Бреста *Scent of a Woman* (1992), частое цитирование названий этих фильмов в прессе, в живой разговорной речи привели к возникновению фразеологических инноваций в языках: *запах женщины* (рус.), *parfum de femme* (фр.).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет считать русско-французские ольфакторные фразеологические эквиваленты составляющей общего фонда русской и французской фразеологии с невербальным коммуникативным фоном.

Перспективы наших дальнейших исследований видятся в изучении межъязыковых фразеологических эквивалентов с просодическим, проксемическим и др. невербальным фоном, выявлении особенностей взаимодействия невербальных компонентов коммуникации с вербальными в современном языковом дискурсе.

Список литературы

1. Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Книга 1 / Сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. Книга 1.— 616 с. – Книга 2. - 672 с.
2. Березина Т. Н. Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения / Т. Н. Березина // Национальный психологический журнал. - №4(12). – 2013. – С. 20–30.
3. Каика Н. Е., Кофанова Л. П. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов = Le Dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français: [16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологических эквивалентов] / Н. Е. Каика, Л. П. Кофанова. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2005. – 548 с.
4. Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В. А. Лабунская. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. – С. 5-35.
5. Новый большой французско-русский фразеологический словарь = Le nouveau grand dictionnaire phraseologique français-russe : более 50000 выражений / [Гак В. Г. и др.] ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. Медиа, 2005. - 1624 с.
6. Пруст М. По направлению к Свану : 1-й роман эпопеи «В поисках утраченного времени» / М. Пруст; пер. Н. Любимов; авт. предисл. Б. Сучков. – М.: Художественная литература, 1973. - 462 с. (Зарубежный роман XX века).
7. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей / [Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И.]; под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. -543 с.
8. Халльштайн А. В. Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: «спец.: 10.02.04 – «Германские языки» / А. В. Халльштайн; ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». – Санкт_Петербург, 2015. – 23 с.
9. Laporte D. Histoire de la merde /D. Laporte. - P.: Bourgois, 1978. – 120 p.

RUSSIAN-FRENCH OLFACTORIAL PHRASEOLOGICAL EQUIVALENTS

Kaika N. Ye.

The Russian-French phraseological equivalents of the olfactorial phraseological and semantic group are under analysis. The specific of the olfactorial semantics representation has been educed in Russian and French phraseology. The availability of the Russian-French phraseological community with the olfactorial non-verbal communicative background has been argued.

Keywords: Russian-French olfactorial phraseological equivalents, common Russian-French phraseological fund, non-verbal communicative background.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Мартынюк А. Я.

*Научно-методический центр полилингвального образования
Таврической академии КФУ имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
e-mail: legora@list.ru*

Языковая политика обеспечивает не только благоприятный языковой и политический климат, но и создает условия для эффективной межкультурной и межличностной коммуникации. В современной языковой ситуации значительно повышается актуальность коммуникативного и политического аспектов языковой политики. Делается вывод что языковую политику необходимо рассматривать как политику культурно-языковой толерантности, способствующей единению народов, сохранению их языков и культур.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, современное общество.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая политика является значительным компонентом национальной политики государства. Языковая политика оказывает влияние на языковой и политический климат в обществе, а также межкультурную коммуникацию и лингвокультурную ситуацию. Как правило, языковая политика разрабатывается как для отдельных регионов, так и для страны в целом и занимает существенное место среди способов и методов воздействия на язык, и его функционирование. Языковая политика не только лингвистическая, но и социально-историческая категория. Изучение проблемы языковой политики, отражающей тесное взаимодействие между языком и обществом, вызывает интерес со стороны специалистов многих наук: социологии, истории, философии, этнологии, социолингвистики, в рамках которой создаются модели политики в области языка (См. работы: В.А.Аврорина, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, А.С. Герда, Е.Б. Гришаевой, Л.М. Дробижевой, М.Н. Исаева, С.Н. Кузнецова, Л.Б. Никольского, Г.В. Степанова, В.А. Тишкова, А.Д. Швейцера и др.). «Основными сферами применения языковой политики считаются следующие: национальные отношения, отношения между государством и обществом, просвещение, культура, искусство (литература, театр и проч.), наука, техника, религия и т.д. ... Языковая политика проявляет себя в выборе и пропаганде определенных языков для обслуживания этих сфер. Ориентация может осуществляться «на официальные или неофициальные языки, местные или «импортированные», национальные или ненациональные, широкого или узкого распространения, письменные или бесписьменные, литературные или нелитературные и т.д.» [6, с. 14].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Языковая политика может быть направлена на конкретный язык, группу языков, языковую ситуацию, возникающую при взаимодействии языков и культур, или же какую-либо коммуникативную ситуацию, составляет несколько основных аспектов: коммуникативный, политический, социальный и идеологический.

Термин «языковая политика» трактуется разнообразно, существует множество определений данного феномена. «Лингвистический энциклопедический словарь» дает такое определение языковой политики: «Совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [4, 616]. Французский лингвист Л.-Ж. Руссо понимает под языковой политикой «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом, направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [9, с. 97]. В определении А.Д. Швейцера, языковая политика предстает как «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм» [11, с.117]. По мнению ученого, языковая политика направлена не только на сохранение существующего состояния того или иного языка, но и на его изменение, востребованное временем и обществом: возрождение национальных черт, создание новой лексики. Языковая политика является одним из социальных факторов, оказывающих влияние на функционирование и развитие языков в государстве [Там же]. С.Н. Кузнецов определяет языковую политику как систему мер, осуществляемых государством, объединением государств, влиятельными общественными институтами и деятелями культуры для сохранения или изменения языка, группы языков, языковой или коммуникативной ситуации [7, с. 40]. В понимании Н.Б. Мечковской: «Языковая политика – это все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка» [8, с. 199]. По мнению Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки, языковая политика есть часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализует эту политику в виде языкового планирования [1, с. 163].

Наряду с термином «языковая политика» в качестве синонимов используются термины «языковое планирование», «языковое строительство», «языковое обустройство», «языковое прогнозирование». В терминологическом аппарате западноевропейской социолингвистики появился термин «глоттополитика», объединяющий все факты речевой деятельности, которые испытывают влияние со стороны общества (Л.Геспэн, Ж.-Б. Марселлези).

По определению А.С. Герда, языковая политика включает в себя:

- 1) разработку алфавита, принципов орфографии, ликвидацию неграмотности;
- 2) выбор и установление государственного языка;
- 3) определение положения других языков по отношению к языку государственному;
- 4) разработку, унификацию и стандартизацию национальной терминологии;
- 5) вопросы именования и переименования (городов, улиц, площадей) [2].

Освоение языка относится к практическим формам языковой политики. Ю. Хабермас утверждает, что изменения в политике, культуре, экономике непосредственным образом сказываются на языке, превращая его в медиума (посредника)

между автономным существованием человека и социумом [10, с. 188]. Язык находится в основе всех сфер общественно-политической жизни страны.

Регулирование образовательных программ в России осуществляется на основании законодательных актов, в том числе Закона «О языках народов РФ» (Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»), Законом «О государственном языке Российской Федерации» (Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации») и Законом «Об образовании» (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 73-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Государственная политика России в отношении языков способствует формированию бережного отношения как к родному, так и другим языкам, чувству уважения к культуре и истории. Русский язык относится к наиболее распространенным языкам мира. По числу говорящих на нем, он занимает пятое место в мире после китайского, хинди (вместе с близким ему урду), английского и испанского языков. Русский язык по числу владеющих им (свыше 500 млн человек) занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд) и английского (750 млн). В той или иной мере русский язык изучают в вузах и школах более чем в 140 странах мира и является официальным или рабочим языком множества международных организаций [5].

Одним из главных условий успешной языковой политики считается глубокое рассмотрение двух противоположных тенденций: с одной стороны, сохранение в устойчивом виде общегосударственного языка, а с другой стороны, поддержка и развитие других языков, включая языки малочисленных народов. Во избежание различного рода конфликтов система мер, предпринимаемых государством, должна исходить из своеобразия этнического состава, специфики межнациональных отношений, роли отдельных языков и их носителей в общественной жизни и многих других факторов, имеющих большое значение в той или иной языковой ситуации.

ВЫВОДЫ

В условиях полиэтнического российского государства языковая политика направлена, прежде всего, на сохранение и развитие языков населяющих ее народов. Несмотря на предпринимаемые меры, «проблема сохранения и развития языков народов России по-прежнему находится в ряду наиболее дискутируемых вопросов реализации государственной национальной политики Российской Федерации» [3, с. 17].

В самом общем виде языковая политика предстает как совокупность мер государства или другого правомочного для осуществления языковой политики органа по сознательному воздействию на язык. Целью такого воздействия является сохранение или изменение статуса языка или языковой ситуации в целом. Осуществление языковой политики проводится в несколько этапов: от формулирования целей и задач, их решения к реализации языковой политики.

Список литературы

1. Вахтин Н.Б. Социоллингвистика и социология языка/ Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки. – С-Пб.: Гуманитарная Академия, 2004. – 336 с.
2. Герд А. С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики [Электронный ресурс] / А.С. Герд. – Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/heard/prikling.html>
3. Гунжитова Гарма-Ханда Ц. Государственная языковая политика России на современном этапе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 22 с.
4. Дешериев Ю. Д. Языковая политика / Ю.Д. Дешериев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Зязиков М.М. России нужна системная "языковая" политика/ М.М. Зязиков // Российская газета – 2016. № 6898. 12 февр.
6. Клоков В.Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки / В.Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – 130 с.
7. Кузнецов С.Н. Модели языковой политики в русскоязычном обществе / С.Н. Кузнецов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Междунар. конгресс: Труды и материалы / Под общ. ред. М.Л. Ремневой, А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 308 – 309.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская – М: Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.
9. Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики / Л.-Ж. Руссо // Языковая политика в современном мире СПб.: Златоуст, 2007. С. 97–121.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; [Пер. с нем . под ред. Д. В. Складнева]. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
11. Швейцер А.Д. Введение в социоллингвистику/ А.Д. Швейцер Л.Б. Никольский. – М.: Высш. шк., 1978. – 216 с.

ON THE QUESTION OF LANGUAGE POLICY

Martynyuk A. Ya.

The concept of "language policy" is broad and includes numerous views. Today, there are many definitions of this phenomenon. Language policy provides not only favorable language and political climate, but also creates the conditions for effective intercultural and interpersonal communication. The relevance of the communicative and political aspects of language policy significantly increases in contemporary language situation. As a result, the conclusion, that language policy should be seen as a policy of cultural and linguistic tolerance, promoting the unity of peoples to preserve their languages and cultures.

Keywords: language policy, language situation, modern society.

ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ: ПОЧЕМУ НАЗРЕЛ ВОПРОС О ЯЗЫКОВОМ КОДЕКСЕ

Новикова Т. Ю.

*Научно-методический центр полилингвального образования
Таврической академии КФУ имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
e-mail: legora@list.ru*

Язык служит важным показателем духовного здоровья общества. От состояния главного языка коммуникации, каковым является русский язык для российского общества, зависит единство и духовное здоровье многонациональной цивилизации. Свобода слова не должна пониматься как свобода употребления обцененной лексики и бездумное следование моде на многочисленные заимствования. Только через осознание огромной силы Слова может появиться ответственность каждого за своё высказывание. Для духовного здоровья общества важна степень табуированности сквернословия и понимание необходимости соблюдения внутренней цензуры в речевом поведении, в том числе и в отношении неоправданных заимствований, порой нарушающих коммуникацию из-за неполного понимания таких слов. Появление запроса на языковой кодекс, прежде всего, потребность нравственная. Такой вызов означает, что отражённая в языке нравственная составляющая общества, отвечающая за его самосохранение, достигла той критической точки, когда необходимо переходить к конкретным шагам. Обсуждение вопросов, связанных с современным состоянием русского языка, нужно довести до сознания всего российского общества, поскольку это касается его идентичности и духовного здоровья.

Ключевые слова: русский язык, языковой кодекс, сквернословие, заимствования, духовная энергия слова, внутренняя цензура.

ВВЕДЕНИЕ

Это еще один назревший вопрос современности в дополнение к вечным нашим вопросам «Что делать?» и «Кто виноват?». Причина и следствие. Причина содержится в самом вопросе «кто виноват», а следствие – надо что-то делать, «что же делать будем?» Нужен ли нам языковой кодекс, носящий рекомендательный характер и регламентирующий культуру общения в стенах высшего учебного заведения, а в дальнейшем переходящий в жизненную потребность и необходимость, или не нужен? [3]. На вопрос, поставленный в статье Г. Ю. Богданович «Нужен ли языковой кодекс?», попытаемся найти свой ответ. С этой целью проанализируем некоторые моменты, связанные с нашедшей отражение в языке нравственной составляющей общества, а также обратимся к источникам, описывающим духовную энергию Слова.

Анализ современного состояния проблемы. Позволим себе напомнить об одном важном для всех, имеющих отношение к вопросам языка и межнациональных отношений, событии 2015 года - Совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку 19 мая 2015 года. В своём вступительном слове В.В. Путин отметил, что у этих двух Советов есть много общих задач, которые требуют согласованных подходов, и в числе первых – сбалансированная эффективная языковая политика. Это и есть один из очевидных приоритетов. Развитие русского языка и всех других языков имеют важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений в стране, где переписью населения фиксируется 193 национальности, где существует около 300 языков и диалектов, на которых россияне говорят. Конституция России прямо гарантирует право всех наро-

дов на сохранение, изучение и развитие родных языков. В России многоязыковое образовательное пространство, у нас 30 языков используются в качестве языка обучения и 59 языков – в качестве языков изучения. Все имеют право и должны иметь возможность изучать свой родной язык. Политика сбережения всех национальных языков и есть залог стабильности многонационального общества. Национальные языки могут использоваться в работе государственных органов наряду с государственным русским языком. В качестве примера В.В. Путин привёл и наш Крым, где действуют сразу три государственных языка как равноправные: русский, украинский и крымско-татарский. Но наш государственный язык, который сформировал Россию как единую многонациональную цивилизацию, - это русский язык. На русском языке говорят 96% россиян. Русский язык способствует взаимообогащению этнических культур, открывает большие возможности для успеха. Сохранение родного языка – это вопрос сохранения идентичности, самобытности и традиции. В конце своего выступления Президент обратил внимание присутствующих на то, что Законы о языках были приняты давно и нуждаются в своём обновлении [6].

От себя хотим ещё заметить, что обсуждение вопроса о языках и о русском языке как главном языке коммуникации в многонациональном российском обществе чрезвычайно актуально, потому что назрело. Это материализовавшаяся реакция-ответ на жёсткий вызов времени: быть или не быть русскому языку великим и могучим «базовым элементом единства нации» (В.И. Толстой) [6]. Будем считать, что вызов современности принят на государственном уровне, но ответ на него потребует ответственного отношения к вопросам языка не только со стороны лингвистов, филологов, учителей-словесников, литературоведов, тех, кто непосредственно «работает» со словом, но и со стороны всего общества. Каждый, кто считает себя гражданином России, должен осознать, что главным фактором единства нашего общества выступает русский язык, и полноценное и грамотное владение русским языком – обязанность каждого гражданина.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Язык – показатель духовного здоровья общества, как нам представляется. И если главным языком коммуникации в российском обществе является великий и могучий русский язык, то именно в нём отражаются и два очень важных и показательных на сегодняшний день момента: вряд ли возможно считать признаком здорового общества язык, наполненный 1. сквернословием и 2. часто бессмысленными заимствованиями. Истина проста: «в здоровом теле – здоровый дух». Если человек не может выразить свою мысль без использования скверных слов, брани, значит, что-то не то происходит с его душевным и духовным состоянием. Он утратил иммунитет к различению таких понятий, как «что такое хорошо и что такое плохо». У него попросту стёрлись или размылись границы между добром и злом. А это уже серьёзный симптом духовного заболевания, духовного обнищания, потому что человек, по замыслу Творца, абсолютно свободен в своём выборе лишь тогда, когда выбирает между добром и злом. Великий дар, который есть у нас, - это дар речи. И от нас зависит, какая это будет речь, из каких слов и выраженных этими словами смыслов она будет сплетена.

Наш великий земляк, причисленный к лику Святых, архиепископ Лука и одновременно великий хирург, доктор медицины с мировым именем Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий оставил нам из прошлого очень драматичного XX века бесценное наследие: научные труды по медицине, проповеди, письма. Он учил, что ни одно слово не исчезает без следа. «Надо вам знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живёт среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают все физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих не теряется. Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех. Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка их, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами. Если миазмы порождают в нас болезни телесные, то миазмы злой энергии духовной отравляют наши сердца, наши умы, всю нашу духовную жизнь. ... А материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа. Если благосостояние праведных распространяется над градом, если в сердца людей проникают святые слова, то град возвышается, благосостояние духовное, следовательно, и материальное также углубляется и возвышается. Если же царит в душе народа духовная зараза, исходящая из уст неправедных, то злая энергия пустых, гнилых слов разрушает град не только в духовном, но и в физическом отношении... 15 апреля 1945 г.» [2, с. 246-247].

«Плохие» слова в науке о языке называются по-научному обценной лексикой. Сквернословие (=скверные слова!), нецензурная брань не так научно звучат, но зато вполне осознаваемы носителями языка, как нечто непристойное, запрещённое для употребления в приличном обществе. Если человек себе позволяет подобный способ выражения собственных мыслей и чувств, то с большой вероятностью можно сказать, что у него отсутствует внутренняя цензура. Многим сейчас не нравится слово цензура. У нас свобода слова, понятая, к сожалению, и как право оскорблять другого без стыда и совести. Так выражаются бурные эмоции собеседников: без тормозов и внутренней ответственности за каждое слово, которое мы произносим. И не важно, что вокруг тебя дети и те представители общества, которые не хотят слышать подобные словоизвержения и воспринимают такой способ коммуникации как абсолютно непристойный и оскорбительный для собственного слуха.

Вполне понятно, что время, в котором нам досталось жить, характеризуется «увеличением эмоциогенных факторов в жизни современного человека и их негативным воздействием на его здоровье и здоровье языка» [7, с. 10]. Но мы времена не выбираем, наш выбор может касаться только того главного, что делает человека человеком: быть или не быть совести основным мерилom наших поступков, в том числе и речевых. В своём исследовании, посвящённом синергетике новых масс-медиаальных образований и различию между экологичностью и неэкологичностью журналистского словотворчества, В.И. Шаховский отмечает: «Эмоционализация мира коммуникации способствует увеличению деструктивного общения, а следовательно, и деструктивизации эмоциональной картины мира. В свою очередь, это

ухудшает экологию языка, культуры, общения, т.к. нарушает его этические нормы. ... Получается, что неэкологичное общение становится нормой, что противоречит и истинным потребностям здорового общества» [7, с. 10]. Сказанное вполне относится и к употреблению в эмоциональной речи обценной лексики. Это не есть путь к конструктивному диалогу и выходу из эмоциогенной ситуации, а скорее эмоциональный тупик, полное бессилие перед выбором языковых средств, неспособность употребить нужное приличное эмоциональное Слово, потрудившись найти его в своём лексиконе. Дурное, скверное слово всегда легче попадает на язык, чем хорошее и доброе. Никто не станет отрицать существования бранной лексики в языке. Но важно то, в какой степени сквернословие является для общества табуированным. Похоже, сейчас наблюдается достаточно свободное растабуирование этого лексического пласта.

У В.И. Даля в «Толковом словаре» даётся толкование понятия *скверна* через следующий ряд синонимов: *мерзость, гадость, пакость, касть, всё гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление; всё богопротивное*. В этой же словарной статье глагол *сквернословить* объясняется таким образом: *вести непристойные, зазорные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться, а сквернослов – срамослов, или буслов, поругатель, кощун*. В свою очередь, *срамослов – тот, кто срамословит, сквернословит, похабник*. И далее читаем: «Соромник, срамник – бесстыжий, бесстыдник, наглец, нахал, похабник, сквернослов, бесстыжий на словах, либо в поступках». Наверное, сильнее и точнее не скажешь и не растолкуешь той непристойности, которая стоит за обценными словами!

Из последнего толкования вытекает ещё и то, что человек, употребляющий непристойные слова и выражения, просто бесстыжий, бесстыдник, лишённый чувства стыда. А стыд, как известно, спутник совести. Значит, на лицо и порок совести. А это уже из сакральных понятий.

Обратимся ещё раз к авторитету В.И. Даля, чтобы узнать, что, по его представлению, включает в себя понятие *совесть*. В словарной статье читаем: *совесть – нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирождённая правда, в различной степени развития*. Показательно и объяснение прилагательного *совестный* на примере толкования словосочетания *совестное дело – подлежащее суду совести, а не гражданскому закону*.

Исходя из приведённых рассуждений, вывод вполне очевиден: сквернословие, нецензурная лексика подлежит, прежде всего, суду совести, а не гражданскому закону. И в этом смысле каждый человек свободен в своём выборе, исходя из состояния своего нравственного сознания, из внутреннего сознания добра и зла, сам запрещает или разрешает себе подобное вербальное поведение, сам себе цензор.

В своём «Напутном слове», которое было прочитано автором в Обществе Любителей Русской словесности в Москве 21 апреля 1862 года и которым предваряется словарь, В.И. Даль пишет: «Во всяком научном и общественном деле, во всём, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, порою проявляется ложь,

ложное, кривое направление, которое не только временно держится, но и берёт верх, пригнетая истину, а с нею и всякое свободное выражение мнений и убеждений. Дело обращается в привычку, в обычай, толпа торит бессознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикивают и понукают. Это длится иногда довольно долго; но, взглядываясь в направление пути и осматриваясь кругом, общество видит, наконец, что его ведут вовсе не туда, куда оно надеялось попасть; начинается ропот, сперва вполголоса, потом и вслух, наконец, подымается общий голос негодования, и бывшие коноводы исчезают, подавленные и уничтоженные тем же большинством, которое до сего сами держали под своим гнѐтом. Общее стремление берёт иное направление, и с жаром подвизается на новой стезе» [4, с.13]. Вероятно, и сейчас в нашем обществе наметилось прозрение, осознание того, что мы идѐм по ложному пути, язык нам дан не для саморазрушения, а для созидания и самосохранения. Очень современно звучат слова В.И. Даля, адресованные обществу XIX века: «...мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испошлеть донельзя, либо, образуясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы» [4, с.13]. Как видно из приведѐнной обеспокоенности автора состоянием русского языка, тема наша не нова, и она периодически возникает по мере накопления критической массы тех ложных элементов, которые начинают действовать разрушительно как на языковое сознание, так и на нравственный облик всего общества. Говоря о бережном отношении к родному языку, В.И. Даль пишет: «Можно ли отречься от родины и почвы своей, от основных начал и стихий, усиливаясь перенести язык с природного корня на чужой, чтобы исказить природу его и обратить в растение тунеядное, живущее чужими соками?» [4, с.14]. Сказанное касается, в первую очередь, излишних, мало оправданных заимствований, что также актуально для нашего времени и связано, выражаясь языком современной науки, с экологией общения. Такое обилие заимствований довольно часто приводит к коммуникативным рискам, обусловленным «непониманием или недопониманием новых слов, новых смыслов, новых коннотаций и интонаций» [7, с.10].

А. Кушнир, размышляя о русском языке и национальной безопасности, справедливо отмечает: «В самой системе языка есть механизм самосохранения, самозащиты и саморазвития. Более того, феномен языка уникален и бесценен своею **народообразующей** способностью» [5, с.8]. Однако далее в его же размышлениях есть серьёзная озабоченность: «Но надо понимать, что самозащитный ресурс языка не бесконечен, что он способен размываться и разрушаться, что он кровными узами связан с другими сферами жизни народов и стран: политическими, экономическими, религиозными, общекультурными» [5, с.9].

И здесь напрашивается сам собой вопрос и одновременно ещё один вывод: если мы так озабочены качеством той пищи, что едим, так беспокоимся о телесном здоровье, то не пора ли понять, что в Слове содержится та духовная пища, которую мы вкушаем, наполняя ею собственную душу. Почему же энергия Слова игнорируется? Или это кому-нибудь нужно? Но вряд ли можно считать, что такой замысел направлен на добро. Скорее, в этом просматривается злой умысел. А значит, пришла пора открывать глаза и вырабатывать духовный иммунитет, вспомнив напутствие В.И. Даля о том, что «с языком, с человеческим словом, с речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека - это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом: без слов нет сознательной мысли, а есть разве

одно только чувство и мычанье» [4, с.15]. И для нашего века сплошного потока информации, в котором бывает не так просто отделить «зёрна от плевел», понять, где кончается полезная информация, а где начинается вредоносная пропаганда, грубое или тонкое манипулирование сознанием большинства, очень важно научить подрастающее поколение умению анализировать эти информационные потоки, критическому осмыслению увиденного и услышанного. Но не менее важное умение для каждого наделённого речью - бережное и ответственное отношение к Слову. «Очевидно и то, что миссией учёных является предупреждение крайне опасных политических манипуляций с языком» [1, с. 9]. Действительно, настало время, когда обсуждение вопросов, связанных с русским языком, только в узком кругу заинтересованных специалистов не достигает своей цели, эту информацию необходимо донести до сознания широких масс, потому что она касается всего российского общества, его идентичности и духовного здоровья.

ВЫВОДЫ

Появление запроса на языковой кодекс, прежде всего, потребность нравственная. Если такой вызов поступил, это означает только то, что отражённая в языке нравственная составляющая общества, определяющая и его самосохранение, достигла критической точки. Дальше – красная черта, пытаться переступить которую вряд ли стоит. Русский язык – это наше духовное богатство, то, что делает нас народом, принадлежащим к русской культурной среде, позволяет осознавать себя гражданами России.

Список литературы

1. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. – 400 с. – (Studia philological).
2. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Сила Моя в немощи совершается. Духовные беседы. Симферополь, 352 с.; Режим доступа: <http://predanie.ru/luka-voyno-yaseneckiy-svyatitel/sila-moja-v-nemoshchi-sovershaetsya/#/audio/>
3. Богданович Г. Ю. Нужен ли языковой кодекс? //Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Том 1 (67). – № 1. – 2015. – С. 3–7.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I, IV. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – М., 1955.
5. Кушнир А. М. Русский язык и национальная безопасность / А. М. Кушнир // Народное образование. – 2001. – №2. – С. 5-13.
6. Совместное заседание Советов при Президенте РФ по межнациональным отношениям и по русскому языку. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=O_dHiLBwI_o (дата обращения: 20.05.2015; 21.03.2016).
7. Шаховский В. И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка. //Мир русского слова. - 2015. - №2. - С. 5-11.

ECOLOGY OF COMMUNICATION: WHY WE MUST DISCUSS THE QUESTION OF A CODE OF CONDUCT WITH REGARD TO LANGUAGE

Novikova T. Yu.

Language is an important indicator of the spiritual health of society. The unity and spiritual health of a multinational society depends on the state of the main language of communication within this society, which the Russian language is in regard to the Russian society. Freedom of speech must not be understood as the freedom to use obscene language and as thoughtless following the fashion trend of using many loan-words. Only by becoming aware of the enormous power of each word can we begin to feel our responsibility for what we say. For the spiritual health of society the level of the tabooing of obscene language is important as well as the awareness of the necessity to exercise an inner censorship with regard to the way we speak, among other things, also with regard to the unjustified use of loan-words which sometimes disturb communication when they are not fully understood. That a code of conduct with regard to language has come into demand is, above all, a moral need. Such a challenge means that the spiritual component of society on which its self-preservation depends and which is reflected in the language used in it has reached such a critical point that it is necessary to begin taking concrete steps. The discussing of questions concerning the present-day state of the Russian language must be brought to the attention of all members of the Russian society because it concerns the identity and spiritual health of society.

Keywords: Russian language, code of conduct with regard to language, obscene language, loan-words, spiritual energy of words, inner censorship.

УДК 81'42

КОНСТРУКТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Романов А. А., Новоселова О. В.

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

e-mail: legora@list.ru

Статья посвящена прагматической категории коммуникативной справедливости, которая способна выступать регулятором диалогического общения и разделять все дискурсивные практики независимо от их формально-грамматических признаков на коммуникативно-справедливые и несправедливые, а также проблемам функционирования в социальном коммуникативно-справедливом взаимодействии языковых средств, засоряющих речь и делающей ее просторечно-грубой. Предложенный подход к лингвоэкологическому коммуникативно-справедливому взаимодействию основан на комплексном учете языковых и прагматических характеристик высказываний и позволяет по-новому взглянуть на представленную проблематику, так как он ставит в центр исследования не отдельную языковую личность или человека говорящего, а человека, находящегося в социальном пространстве и языковой среде, которые влияют на его выбор способов языковой репрезентации своего коммуникативного намерения.

Ключевые слова: дискурсивная практика, категория коммуникативной справедливости, коммуникативно-справедливые практики, социальное взаимодействие, конструкт лингвоэкологической справедливой коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к категории коммуникативной справедливости с позиции функционально-семантического подхода показало, что данная категория представляет собой сложное и многоуровневое явление, отражающее динамическую природу социальной коммуникации [Новоселова 2015; 2015а; 2015б]. Действительно, категория дискурсивной справедливости соотносит коммуникативное поведение людей с их внутренними представлениями об эффективности социального взаимодействия и функционирует в типовом интерактивном пространстве диалога, акцентируя внимание собеседников на процессе установления отношений между ними. В частности, основная функция данной категории заключается в регулировании отношений между коммуникантами в различных интерактивных ситуациях, основанном на установлении (или поддержании) такого типа отношений и такого коммуникативного пространства, при которых коммуниканты смогут синергично (согласованно) продвигаться к намеченному результату, а речевые действия каждого из собеседников будут оцениваться ими как коммуникативно-справедливые.

Кроме того, данная прагматическая категория, способная выступать регулятором диалогического общения [подробнее см.: Романов 1988; 2008], разделяет все дискурсивные практики независимо от их формально-грамматических признаков на коммуникативно-справедливые и несправедливые. Так, под *коммуникативно-справедливой дискурсивной практикой* будем понимать естественно-языковую практику, инициатор которой преднамеренно *не изменяет* содержание и интенциональную направленность своего высказывания с целью установить комфортное или дискомфортное положение дел для адресата (но выгодное и бенефактивное для инициатора), а также комплексно учитывает такие факторы как организация комму-

никативного поведения собеседника, пресуппозиционные параметры [подробнее см.: Романов 1988; 2005] высказывания, его иллокутивные характеристики, средства поверхностной манифестации и функционально-семантические свойства.

В этом плане коммуникативно-справедливое дискурсивное взаимодействие *прагматически выгодно* для каждого из участников диалога, так как оно создает такое интерактивное пространство, в котором речевые действия различной тематической и иллокутивной направленности каждого из собеседников будут оцениваться ими как коммуникативно-справедливые. При этом, воздействующий потенциал коммуникативно-справедливого взаимодействия может быть маркирован речевыми образцами, являющимися причиной возникновения как комфортного, так и дискомфорта состояний адресата, а содержательные рамки его интерактивного пространства не ограничены тематикой какой-либо одной сферы применения, позволяя предположить, что данная прагматическая категория *оправдывает* любые языковые средства, тактики и техники, использованные партнерами по общению для реализации поставленных ими целей интерактивного взаимодействия.

Подобный ракурс изучения особенностей функционирования коммуникативно-справедливых дискурсивных практик затрагивает актуальные проблемы лингвоэкологической сферы социально-справедливой коммуникации, приобретающие все большее значение в настоящее время под воздействием ряда факторов, связанных с процессом глобализации, кризисом духовной сферы и трансформированием системы морально-нравственных норм. С этих позиций представляется целесообразным выявление и описание языковых средств, формирующих интерактивное пространство коммуникативно-справедливого взаимодействия (но не выступающих маркерами-показателями данного типа взаимодействия), с позиции их соответствия нормам словоупотребления русского литературного языка, а также изучение их роли в регулировании диалога и установлении отношений между собеседниками. Кроме того, выбранный ракурс демонстрирует важность не только проблем описания языковых структур, участвующих в коммуникативно-социальной интеракции, но и значимость задач всестороннего изучения интерактивного пространства жизненных сценариев, связанных с реализацией различных речевых актов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В свете поставленных вопросов особое внимание привлекает дискурсивное взаимодействие партнеров в необусловленных институциональными отношениями ситуациях, когда никто из них не задумывается о форме языкового выражения своего коммуникативного намерения, но каждый нацелен на успешное взаимодействие. Так, в ряде случаев коммуникативно-справедливое пространство диалога формируется при помощи разговорных форм слов (здесь и далее выделены полужирным курсивом разговорные, просторечные формы слов, а также слова со сниженной эмоциональной оценкой и слова-паразиты) (1):

– *Сёдня пригрет здорово. (КС)*

– *Всё уж ... **паска на носу**, – откликнулась Михайловна (1'КС)* (Шукшин, 1988: 7)

Здесь и далее цифрами отмечены инициативные интерактивные ходы коммуникантов, цифрами с апострофами – ответные интерактивные ходы; буквы «КС»

после цифры обозначают коммуникативно-справедливую практику, «КНС» – коммуникативно-несправедливую практику.

Следующим примером того, как коммуникативно-справедливое взаимодействие может быть маркировано языковыми средствами со сниженной эмоциональной оценкой и словами-паразитами, является данный диалогический отрывок (2):

Емельян Спиридоныч долго надевал тулуп, минут пять искал папаху... Подпоясался цветной опояской, взял под мышку рукавицы-лохмашки, остановился у порога.

– *Ну?* – у него привычка такая была: перед уходом из дому останавливался у порога, оглядывал избу и спрашивал: «Ну?». (1КС)

– *Ты... это...* – Михайловна пошла его проводить. – Много *шибко* запросит, так уж не берите. Что их, косяк целый держать? А ребятам строиться скоро – деньги надо... (1'КС)

– Там поглядим, – уклончиво сказал Емельян Спиридоныч. Он никогда серьезно не советовался с женой (2КС) (Шукшин, 1988: 9).

Языковые средства из приведенных выше примеров (1) и (2) можно охарактеризовать как нарушающие произносительные нормы русского языка («сёдня», «паска»), грамматические («пригрет») и содержащие просторечные формы («шибко»), слова-паразиты («Ну», «...это»). Кроме того, один из собеседников выразил тематическое содержание своего коммуникативного намерения с помощью неоднозначной фразы «Ну?». Подобное использование языковых средств не только противоречит правилам русского языка, но и таким коммуникативным качествам речи как точность, понятность и выразительность.

Как видно из данных примеров, партнеры по диалогу не только понимают языковую форму, тематическое и интенциональное содержание обращенных в их адрес реплик и оценивают их как коммуникативно-справедливые, но и успешно закрывают их ответными репликами в рамках типового фреймового сценария. Поэтому коммуникативная справедливость представленных диалогических отрывков может быть объяснена тем, что взаимодействие в них происходит в кругу близких людей, между которыми установлены доброжелательные отношения задолго до представленного выше диалога, и подобная практика использования языковых средств является для них типичной.

В условиях социальной интеракции проблемы лингвоэкологичности коммуникативно-справедливой дискурсии могут проявлять себя и в тех случаях, когда только один из партнеров по диалогу использует языковые средства со сниженной эмоциональной окраской, а другой оценивает такое речевое поведение собеседника как социально неприемлемое в условиях типового фреймового взаимодействия, т.е. как коммуникативно-несправедливое. Например, в дискурсивном фрагменте (3) возникает коммуникативное рассогласование между собеседниками, основанное на неприемлемости использования одним из партнеров (инициатором в данном случае) языковых средств со сниженной эмоциональной окраской, не соответствующих пресуппозициональным и прагматическим факторам ситуации:

– Ты зачем сюда *приперся*, скажи? (1КС)

– А вы зачем сюда *приехали*? (1КС)

– Ну, это уж не твое дело. (1КС)

– *И мое дело – не ваше. И не тыкай мне, слышишь? Меня Владимир зовут, Владимир Любомирович!* (IKC) (Голованов, 2016)

Ср. также (4):

– *Сними хотя бы цепи свои. Ты не понимаешь, что ли? Зазвонят не вовремя — и конец тебе.* (IKC)

– *Вы!* – рывкнул Боров. (IKC)

На запястье его правой руки и на шее висели золотые цепи, обе толстые до неприличия.

– *Что «вы»?* (IKC)

– *Меня зовут Вениамин. Для тебя, **малолетка**, Вениамин Михайлович. Понял? **Не тыкай** мне тут!* (IKC) (Левицкий, 2016)

Примечательно, что подобные ситуации несоответствия выбора языковых средств одного из партнера по типовому диалогу языковым ожиданиям другого партнера, как правило, проявляются на начальном этапе диалога, блокируя дальнейшее взаимодействие собеседников. Кроме того, как показывают примеры, один из партнеров может сообщать своему собеседнику о подобном несоответствии (см. реплики выше «*И не тыкай мне*» и «*Не тыкай мне тут!*»).

Важно отметить, что и ориентация инициатора взаимодействия на известные ему нормы социального поведения не исключает возможности ответной реакции собеседника, выраженной языковыми средствами со сниженной эмоциональной окраской. Так, адресат следующего диалога использует вежливое приветствие к незнакомому человеку, приемлемое при обращении к незнакомым лицам, лицам более высокого социального статуса в силу должностных обязанностей или возраста (4):

Я вскочил с бетонного забора и направился к очередному, приближающемуся ко мне бегуну. Крепкий мужчина в чёрных спортивных трусах, белых кроссовках и ярко-красной футболке.

– *Здравствуйте, – вежливо сказал я, останавливаясь.* (IKHC)

Он удивленно посмотрел на меня и, замедлив бег, тоже остановился.

– *Привет, – оглядев меня с ног до головы, произнёс он. – Чё надо?* (I'KHC) (Гладов, 2016)

В прагматической ситуации приведенного фрагмента инициатор, основываясь на своих языковых и ситуативных знаниях, выбрал форму обращения в типовом взаимодействии на «*Вы*». Однако адресат реплики (IKHC) не был готов к предложенному в ней взаимодействию на «*Вы*», поэтому он оценил ее как социально неприемлемую по отношению к себе и к выбранному им типовому фрейму взаимодействия на «*ты*». По этой причине он считает реплику (IKHC) коммуникативно-несправедливой, что вербально нашло отражение в его ответном шаге (I'KHC). Другими словами, в данном диалоге каждый из собеседников оценил обращенную к нему дискурсивную практику как коммуникативно-несправедливую.

Представленные примеры (1) – (4) еще раз подтверждают идею того, что по формальным признакам дискурсивных практик не представляется возможным однозначно определить их коммуникативную справедливость [см., например: Новоселова, 2015б]. Действительно, интерактивное пространство коммуникативно-справедливого взаимодействия, с одной стороны, может быть сформировано как вежливыми или нейтральными языковыми средствами, так и грубыми и просторечными формами. С другой стороны, коммуникативно-несправедливыми могут быть

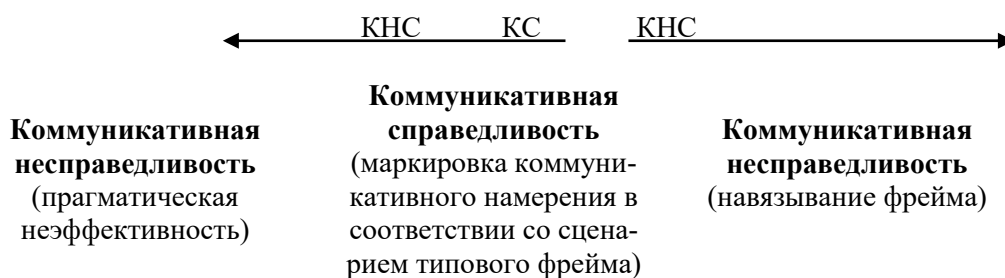
не только реплики, маркированные разговорными, грубыми или просторечными формами, но и вежливые, социально-приемлемые языковые конструкции, являющиеся этикетными формулами.

Подобное положение дел во многом *осложняет* проблему лингвоэкологичности социальной интеракции и, в частности, проблему экологичности коммуникативно-справедливого взаимодействия, так как с позиций прагматического подхода реплики (или речевые действия), маркированные языковыми средствами со сниженной эмоциональной окраской, грубыми или просторечными формами, приемлемы (и пригодны) к функционированию в условиях социального взаимодействия и активно используются собеседниками для передачи своего коммуникативного намерения. Другими словами, на современном этапе развития и в современном социально-моральном «климате» [термин из: Романов, Романова, Воеводкин, 2000] категория коммуникативной справедливости «оправдывает» любые языковые средства, использованные собеседниками для достижения поставленных целей, в том случае, если эти средства успешно выполняют свое функциональное предназначение в реализуемом типе фрейма.

Тем не менее, пока в современном дискурсивном пространстве возможно возникновение противоречий между собеседниками по поводу предлагаемых одним из них языковых средств выражения коммуникативного намерения (см. дискурсивные отрывки (3) и (4)), язык по-прежнему представляет собой инструментальный социального контроля за речевым взаимодействием, а лингвоэкологичность справедливой коммуникации предоставляет возможность современной говорящей личности избежать духовной деформации и искажения морально-нравственных норм. Так, из складывающейся ситуации может быть предложен выход, основанный на соотношении между выбором собеседниками языковых средств маркировки коммуникативного намерения и успешной реализацией поставленных ими интерактивных целей. Схематично, эту идею можно представить в виде следующего конструкта лингвоэкологической справедливой коммуникации [подробнее о коммуникативном конструкте см.: Романов, Немец, 2006; Романов, Новоселова, 2013]:

Конструкт лингвоэкологической справедливой коммуникации

На представленном конструкте лингвоэкологической справедливой коммуникации кругами обозначим два его элемента – языковой и прагматический, расположив их на противоположных полюсах континуума социальной и коммуникативной действительности и, следовательно, сделав допущение, что они состоят в отношении противопоставления (возможном не только в рамках данного конструкта). Стрелки «влево» / «вправо» обозначает движение по континууму содержания конструкта коммуникативной справедливости от точки отсчета, т.е. от точки КС (коммуникативная справедливость) к левой или правой точкам КНС (коммуникативная несправедливость).

Подобное схематичное представление дает возможность понять, что коммуникативная справедливость дискурсивного взаимодействия возможна, когда языковой и прагматический элементы полностью накладываются друг на друга и образуют один круг, расположенный в центре интерактивного пространства данного конструкта, т.е. ровно посередине двунаправленной стрелки, в точке КС. Кроме того, в коммуникативно-справедливом взаимодействии не допустим перевес в какую-либо сторону (см. перекрещивающиеся стрелки), который неизбежно повлечет за собой коммуникативную несправедливость. Так, установка партнеров на приоритетный учет только формальной стороны их реплик затруднит дальнейшее продвижение к решению поставленных целей диалогического взаимодействия, а такие реплики будут оцениваться ими как коммуникативно-несправедливые (см. стрелку 1). Но в то же время нацеленность одного из собеседников на результативность диалога может сводить к минимуму его усилия в выборе языковых средств маркировки своего намерения, что в свою очередь повлечет негативную оценку выбранных языковых средств другим собеседником.

ВЫВОДЫ

Итак, проблема функционирования в социальном коммуникативно-справедливом взаимодействии языковых средств, засоряющих речь и делающей ее просторечно-грубой, представляется достаточно острой, так как их использование оправдывается прагматической целью эффективного воздействия на адресата. Во многом усугубляет данную проблему тот факт, что ряде случаев даже использование вежливых высказываний и формул социального этикета может восприниматься собеседниками как навязывание неприемлемого типа фреймового взаимодействия. Тем не менее, предложенный *конструктивно-языковой подход* к лингвоэкологическому коммуникативно-справедливому взаимодействию, который основан на комплексном учете языковых и прагматических характеристик высказываний, позволит

по-новому взглянуть на представленную проблематику, так как он ставит в центр исследования не отдельную языковую личность или человека говорящего, а человека, находящегося в социальном пространстве и языковой среде, которые влияют на его выбор способов языковой репрезентации своего коммуникативного намерения.

Список литературы

1. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34-47. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>.
2. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 2. – С. 59-74. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2015б. – № 3. – С. 88-100. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>.
4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения /А.А. Романов. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
5. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб / А.А. Романов. – Москва : Институт языкознания РАН, 2005. – 153с.
6. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения /А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2008. – № 1. – С. 71 – 75. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
7. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвopsихологический анализ /А.А. Романов, Н.Г. Немец. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 144 с.
8. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции /А.А. Романов, О.В. Новоселова. – Москва-Тверь : ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.
9. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка / А.А.Романов, Е.Г. Романова, Н.Ю. Воеводкин. – М. : Лилия ЛТД, 2000. – 112 с.
- 10.

Источники примеров

1. Гладов О. Любовь стратегического назначения (2000-2003) [Электронный ресурс] / О. Гладов. – Режим доступа : <http://mreadz.com> (дата обращения 20.01.16).
2. Голованов В. Я. Остров [Электронный ресурс] / Я.В. Голованов. – Режим доступа : <http://www.web-lit.net> (дата обращения 20.01.16).
3. Левицкий А. С.Х.В.А.Т.К.А. [Электронный ресурс] / А. Левицкий. – Режим доступа : <http://fanread.ru/book/6567304/> (дата обращения 20.01.16).
4. Шукшин В. Любавины. – М.: Книжная палата, 1988. – 448 с.

CONSTRUCT OF LINGUAECOLOGICAL FAIRY COMMUNICATION

Romanov A.A., Novosyolova O. V.

The article considers the category of pragmatic communicative fairness, which is able to regulate dialogic communication and divide all discursive practices (regardless of their formal grammatical features) in communicative fair and communicative unfair, as well as the problems of functioning in social communicative fair interaction of linguistic means, polluting it and making it colloquial and rough. The suggested approach to linguaecological communicative fair interaction is based on a complex account of linguistic and pragmatic characteristics of speech utterances and it allows a new look at the this problems because it puts in the research center not a separate language person or a speaking person but the person who is in the social space and language environment that influence his choice of linguistic representation of his communicative intentions.

Keywords: discursive practice, category of communicative fairness, communicative fair practices, social interaction, construct of linguaecological fairy communication.

УДК 81'27:811.512.19(477.75)

НОВЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ

Эмирова А. М.

ГБОУВО Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь

e-mail: legora@list.ru

В правовом поле Украины крымско-татарский язык имел статус языка национального меньшинства, который не обеспечивал его полноценного функционирования. В связи с изменением геополитической ситуации – переходом Крыма в 2014 г. в правовое поле Российской Федерации – крымско-татарский язык получил новый статус – государственного языка.

В статье рассмотрены проблемы имплементации нового правового статуса крымско-татарского языка в Республике Крым. Современное положение дел в сфере образования применительно к крымско-татарскому языку позволяет говорить о необходимости пересмотра и уточнения некоторых положений «Закона об образовании в РК» (принят 17 июня 2015 г.) с учётом особенностей крымского региона. Следует иметь в виду, что крымско-татарский язык – это язык репрессированного народа, который более полувека находился в дискриминационных условиях. На сегодняшнем этапе переходного периода следует ввести в образовательную практику Республики Крым обучение родному языку в качестве обязательного учебного предмета для всех учащихся начальной школы.

Несомненно, корректная языковая политика будет способствовать гармонизации межнациональных отношений в Республике Крым.

Ключевые слова: крымско-татарский язык, государственный язык, федеральные законы Российской Федерации, витальность языка, имплементация.

*Ищите и обряцете,
толцйте и отверзется.
(Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 7)*

ВВЕДЕНИЕ

В связи с изменением геополитических условий, в которых сегодня находится Крым, перед всем крымским сообществом, в том числе и властными институтами РК, стоит задача создания условий для корректной имплементации нового социального статуса доминирующих в Крыму языков – русского, украинского, крымско-татарского.

Как известно, в правовом поле Украины русский и крымско-татарский языки имели статус языков национальных меньшинств. Такой статус по отношению к русскому языку, как языку межнационального общения на территории СНГ, в том числе и Украины, и одному из международных языков, был явным нонсенсом. Что касается крымско-татарского языка, то статус языка национального меньшинства в правовом поле Украины не мог обеспечить ему гарантии сохранения и развития.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Заниматься данными проблемами я начала с первого года моего возвращения на родину (1991 г.) [2]. За истекшие годы моей работы в Крыму мною опубликовано около ста работ разного жанра, (кроме работ по русской филологии), большая часть которых посвящена проблемам социолингвистики [2 –15 и др.]. Особое

внимание мною было уделено проблемам имплементации положений «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» применительно к русскому и др. миноритарным языкам Крыма (крымско-татарскому, караимскому, крымчакскому) [14]. Был проведён экспертный анализ одного из проектов языковых законов в Украине [15]. Известно, однако, что ни одна из «больших» проблем языковой политики в Крыму и в Украине в целом за истекшие 23 года (1991–2014) решена не была.

В новых геополитических условиях, сразу после образования Республики Крым (18.03.2014 г.), была принята Конституция РК (11.04.2014 г.) в ст. 10 которой заявлено: «1. Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки. 2. Статус государственных языков Республики Крым устанавливается законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Крым».

Для имплементации нового статуса названных языков были учтены положения федеральных законов РФ, регулирующих отношения в данной сфере: «Конституции Российской Федерации» (12.12.1993 г.), «О государственном языке Российской Федерации» (01.06.2005 г.), «О языках народов Российской Федерации» (25.10.1991 г.), «Об образовании в Российской Федерации» (29.12.2012.). В соответствии с содержанием этих федеральных законов был принят «Закон об образовании в Республике Крым» (17 июня 2015 г.). При этом следует отметить, что «Закон об образовании в Российской Федерации» был дополнен и принят в редакции от 02.03.2016, т. е. через 9 месяцев после принятия аналогичного закона РК. (Следовательно, в законе РК не отражены дополнения последней редакции «Закона об образовании в Российской Федерации».) Кроме того, до сих пор не принят «Закон о функционировании языков в РК», хотя несколько его проектов активно обсуждались. Следует учесть и особое положение РК, как самого «молодого» субъекта РФ, прошедшего специфический путь развития в рамках советского и постсоветского периодов. Сказанное выше позволяет думать о необходимости уточнения некоторых положений «Закона об образовании в Республике Крым» и о скорейшем принятии закона о языках.

Выполняет ли сегодня крымско-татарский язык делегированные ему два года назад функции государственного языка? Государственный язык – это язык, который обслуживает все важные сферы государственной и общественной жизни: управление органами власти, делопроизводство, судопроизводство, законодотворчество, дипломатия, СМИ, все формы и уровни образовательной системы и др.

Крымско-татарский язык сегодня не выполняет всех перечисленных выше функций. Он используется ограниченно лишь в сферах СМИ и образования (несколько газет и журналов, новый телеканал «Миллет»; преподавание крымско-татарского языка и литературы в форме языка обучения, предмета, факультатива и др.).

Согласно п. 2 статьи 11 «Язык образования» закона «Об образовании в Республике Крым», дублирующего п. 4 статьи 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «граждане РФ, проживающие на территории РК, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымско-татарском, а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляе-

мых системой образования. (Обратим внимание, без комментариев, на концовку этого положения закона – *в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.*)

К сказанному следует добавить, что преподавание и изучение крымско-татарского языка осуществляется в образовательных организациях РК на основании заявления родителей (минимум – 7 – 8 заявлений). Следовательно, права детей изначально ущемлены, т. к. они опосредованы мотивацией и волей родителей.

Вот ещё информация к размышлению. По данным Министерства образования, науки и молодёжи РК (от 5.06.2015), в прошлом учебном году в общеобразовательных организациях РК обучалось 184869 детей, в том числе на русском языке – 177984 ребёнка (94,3 %); на крымско-татарском – 4895 (2,7%); на украинском – 1990 (1,1 %). Тут следует напомнить, что число крымских татар, проживающих в Крыму, равняется примерно 12% – 15 % от общего числа жителей республики. Такое соотношение цифр (12% – 15% и 2,7 %) говорит о том, что уровень языковой компетенции крымских татар новой генерации снижается и не обеспечивает полноценного функционирования языка во всех социальных сферах. Вспомним и о том, что в атласе ЮНЕСКО «Языки мира, находящиеся под угрозой исчезновения» крымско-татарский язык отмечен как язык, находящийся в *серьезной опасности*. Согласно толкованию международной организации, язык, находящийся в большой опасности, является языком, на котором разговаривает только старшее поколение, которое использует его в общении между собой, преимущественно в быту.

Известно, что бóльшая часть крымских татар в условиях ссылки жили в городах и учились (учатся) в русских школах. К этому следует добавить и большое количество смешанных браков (по разным источникам – от 20 до 40 процентов). Крымскотатарская семья в сегодняшних условиях не может служить такой базой, на которой ребёнок естественно, так сказать, играючи, без особого труда приобщается к родному языку и культуре. Без изучения родного языка в школе крымскотатарский язык обречён на вымирание через несколько поколений.

Анализ материалов о преподавании государственных (в том числе и родных) языков в РФ свидетельствует об отсутствии единого образовательного стандарта в разных субъектах Федерации. В Дагестане, например, из 32 дагестанских языков только 14 признаны титульными; в начальном звене школ с этими языками преподавание ведётся на родном языке, далее – на русском. В Чечне национальный язык преподаётся во всех школах республики как отдельный предмет. Более того, в республиках Башкортостан, Татарстан и Якутия приняты законы, в соответствии с которыми граждане России, обучающиеся на территории этих регионов, помимо русского языка, как государственного языка РФ, обязаны изучать также государственный язык республики [16].

Придавая крымско-татарскому языку почётный статус государственного языка, высшие федеральные органы должны проявить к нему особое внимание, как к языку репрессированного народа (геср. репрессированному языку), который дольше всех других репрессированных народов (более полувека) находился в дискриминационных условиях. Думается, на сегодняшнем этапе переходного периода следует ввести в образовательную практику РК обучение родному языку в качестве обязательного учебного предмета для всех учащихся начальной школы. И здесь как раз уместна формулировка п. 2 статьи 11 «Язык образования» закона РК «Об образова-

нии в Республике Крым» – в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. При корректном использовании таких возможностей учащиеся начальной школы любой национальности смогут изучать родные языки, что соответствует букве и духу перечисленных выше федеральных законов, декларирующих заботу государства о создании условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации, а также их социальную, экономическую и юридическую защиту. Здесь заслуживает внимания статья 4, п. 2 закона РФ «О языках народов Российской Федерации»: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РФ». См. также пункты 3 (целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение) и 4 (ответственность юридических и физических лиц) этой же 4-ой статьи.

«Забота о Г. я. – это прерогатива и обязанность государства» [1, с. 48], которое в законодательном порядке гарантирует и обеспечивает сохранение и оптимальное развитие и функционирование языка (языков).

ВЫВОДЫ

Учитывая сегодняшнее положение дел в сфере образования применительно к крымско-татарскому языку, следует говорить о необходимости пересмотра и уточнения некоторых положений «Закона об образовании в Республике Крым» с учётом особенностей крымского региона. Несомненно, корректная языковая политика будет способствовать гармонизации межнациональных отношений в Республике Крым.

Список литературы

1. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
2. Эмирова А. М. Актуальные вопросы изучения и преподавания крымскотатарского языка // Пути и научное обеспечение экономического, социального и культурного развития Крыма: материалы междунар. науч. конф. (Симферополь, 23-26 апреля 1991 г.) / А. М. Эмирова. – Симферополь, 1991. – С. 458–459.
3. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Кримські татари: Історія і сучасність. Матер. Міжнар. наук. конф. / До 50-річчя депортації кримськотатарського народу (Київ, 1994) / А. М. Эмирова. – Київ, 1995. – С. 50–53.
4. Эмирова А. М. Языковая политика в Крыму как фактор стабилизации межэтнического согласия // Геополитика славянства. III Крымские международные чтения Н. Я. Данилевского / А. М. Эмирова. – Симферополь, 1998. – С. 22–24.
5. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма / А. М. Эмирова // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Матер. междунар. научно-практич. конф. – Киев, 1999. – С. 25–30.
6. Эмирова А. М. Современная языковая ситуация в Крыму / А. М. Эмирова // Актуальные вопросы инновационной деятельности в государствах с переходной экономикой. Матер. междунар. научно-практич. конф. к 80-летию НАН Украины. – Симферополь, 2001 – С. 199–201.
7. Эмирова А. М. Языковая компетенция крымских татар / А. М. Эмирова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21 – С. 182–184.
8. Эмирова А. М. Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития / А. М. Эмирова // Ж. Східний світ. – Киев, 2002. – № 1. – С. 74–79.
9. Эмирова А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар / А. М. Эмирова // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского

- языка и литературы. СПб 30 июня – 5 июля 2003. Россия в мировом культурном пространстве. – СПб: Политехника, 2003 – С. 142–146.
10. Эмирова А. М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2003. – №43. – С. 242–245.
  11. Эмирова А. М. Русский язык на Украине / А. М. Эмирова // Ж. Октябрь. – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
  12. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма / А. М. Эмирова // ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – 2007. – № 18 (134). – С. 183–192.
  13. Эмирова А. М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях / А. М. Эмирова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 22 (61). – № 1. – Симферополь, 2009. – С. 185–189.
  14. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык как объект «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» / А. М. Эмирова // Культура народов Причерноморья. – № 197, т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 180–181.
  15. Эмирова А. М. Комментарии к законопроекту «О языках в Украине» / А. М. Эмирова // Крымский политический диалог. 2010. – Москва, 2011. – С. 203–208.
  16. 89 родных языков. Обзор: изучение национальных языков в республиках и округах России // <http://nazaccent.ru/content/11552-89-rodnyh-yazykov.html> (дата обращения: 20.05.2016).

**THE NEW LEGAL STATUS OF THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE IN THE
REPUBLIC OF CRIMEA: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION**

Emirova A. M.

In the legal framework of Ukraine Crimean Tatar language had the status of a national minority language, which did not provide its full functioning. Due to the change in the geopolitical situation - the transition of Crimea in 2014 in legal framework of the Russian Federation – the Crimean Tatar language received the new status - state language.

In article problems of implementation of new legal status of the Crimean Tatar language in the Republic of Crimea are considered. The current situation of affairs in the field of education in relation to Crimean Tatar language allows us to speak about need to revise and precise some provisions of the "The Law in the Republic of Crimea on Education" (adopted on June 17. 2015), taking into account features of the Crimean region. It should be kept in mind that the Crimean Tatar language - the language of the repressed people, which more than half a century was in a discriminatory conditions. At today's stage of a transition period it is necessary to enter into educational practice of the Republic of Crimea learning their native language as a compulsory school subject for all pupils of elementary school.

Undoubtedly, the correct language policy will contribute to the harmonization of inter-ethnic relations in the Republic of Crimea.

Key words: Crimean Tatar language, state language, Federal laws of the Russian Federation, vitality of the language, implementation.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 81'366.58+81'37=161.1=161.2

ГЛАГОЛЫ *МОЛВИТЬ* И *МОВИТИ*: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Ачилова Е. Л.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь,

e-mail: legora@list.ru

В статье исследованы грамматические и семантические особенности русского глагола *молвить* и украинского глагола *мовити*. Установлено, что оба глагола имеют схожие грамматические характеристики, в частности, двувидовость и неполные аспектуально-фазовые парадигмы. В ходе работы выявлено, что оба глагола имеют производные с однократно-многократной семантикой и со значением завершения процесса. В то же время ни в русском, ни в украинском языке у анализированных глаголов не обнаружено дериватов со значением начала процесса и длительности. Анализ значений лексико-семантических вариантов показал, что производные СВ русского глагола *молвить* можно распределить по 3 лексико-семантическим группам, а дериваты СВ украинского глагола – по 4 лексико-семантическим группам. Кроме того, глаголы характеризуются различными сферами употребления.

Ключевые слова: двувидовые глаголы, аспектуально-фазовая парадигма, лексико-семантическая группа, сфера употребления.

ВВЕДЕНИЕ

В общеславянской системе глагола важное место занимает большая и достаточно продуктивная группа глаголов речи, которая в русском и украинском языках характеризуется общим происхождением, схожим лексическим значением и грамматическими особенностями, а также социокультурной общностью. Вместе с тем каждый из языков прошел путь самостоятельного развития, поэтому комплексное исследование глаголов речи представляется актуальным именно в сопоставительном аспекте. Несомненно, вклад отечественных и зарубежных лингвистов в изучение глаголов речи велик и многопланов. Так, В.П. Бахтина (1966) и Т.П. Ломтев (1978) посвятили работы синтаксическим свойствам этих глаголов, Л.М. Васильев (1971) и Ю.Д. Апресян (1974) исследовали их лексическое значение, М.А. Шелякин описал аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (1976), С.М. Антонова исследовала глаголы речи в когнитивной интерпретации (2003).

Цель статьи состоит в комплексном исследовании и сопоставлении русского глагола *молвить* и украинского глагола *мовити*.

Поставленная цель предполагает решение таких **задач**: описать аспектуально-фазовые модификации данных глаголов в русском и украинском языке, изучить специфику развития их семантики.

Материал для исследования взят из Словаря современного русского литературного языка в 17 томах, Национального корпуса русского языка и Словника української мови в 11 томах.

В работе использованы оппозиционный, сопоставительный и описательный методы, а также компонентный и контекстный анализ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общность происхождения анализируемых глаголов не вызывает сомнения, это подтверждают данные этимологических [12, с. 672; 9, с. 491-492] и толковых словарей: **Молвить**, несов. и сов., перех. Говорить, произносить что-либо [10, с. 1165], ср.: **Мовити**, недок. і док., перех. і без додатка. Висловлювати вголос свої думки; говорити, казати [11, с. 769].

Кроме того, оба глагола характеризуются таким общим грамматическим признаком, как двувидовость, т.е. не имеют формально выраженного видового значения и могут быть употреблены в значении как сов., так и несов. вида» [2, с. 343]. Эти глаголы входят в самую древнюю и самую немногочисленную группу двувидовых глаголов наряду с такими глаголами, как *крестить* (укр. *хрестити*), *женить* (укр. *женити*), *ранить* (укр. *ранити*) и т. п. [4, с. 177].

Со временем судьба этих глаголов в русском и украинском языках сложилась по-разному, причем, как справедливо отмечает С. М. Антонова, «глаголы речи преимущественной активностью функционирования характеризуются именно в стиле художественной литературы, на что указывают и данные частотного словаря, и статистический анализ» [1, с. 116]. Так, в украинском языке глагол *мовити* как двувидовой употребляется редко, ср.: *Останні слова Бульба вже мовив* (двувидовой) *під тупіт і гуркотню поляків, які щільно підступили до табору* (О. Довженко, I (1958)), *Завітав той добродій до пана у двір і мовить* (НСВ), *що так воно й так, мовляв, він є придворним ворожбитом при Його Величності королеві Людовику XVII, а зараз блукає...* (Любка Дереш. Поклоніння ящірці (2006)); – *Не трогай Андрюху! – мовила* (СВ) *вона низьким голосом і тихенько гикнула. — Ой блін, — прошепотіла вона, потираючи чоло й оближуючи пересохлі губи* (там же). В современном языке производные этого глагола сохранились и активно функционируют.

В современном русском языке аспектуальная характеристика глагола *молвить* вследствие его относительно малой употребительности приобрела новые черты: «по-видимому, однако, можно утверждать, что глаголы *стяжать*, *молвить* и, вероятно, *полонить* в настоящее время если и употребляются, то исключительно в значении сов. вида» [3, с. 74], а большинство производных характеризуются как устаревшие или разговорные. Тем не менее в НКРЯ находим такие примеры: *Пожаловал и заскрипел, избличая — молвить* (двувидовой) *страшно — творения отцов Церкви яко противные гражданскому благоустройству* (Ю. Давыдов. Заговор, родивший мышь (1993)); *Собственно, другим «социальное поведение» властителя и быть не может: не имеет он права молвить* (двувидовой) *словечко в простоте, пренебечь арифметическим подсчетом следствий своих демаршей* (А. Архангельский. Александр I (2000)); *Вот и мы не будем молвить* (НСВ) *о нечестивом и взводит напраслину ни на Светочку, ни раннего Платона не изучавшую, ни тем более на дальнобойщика Серёгу...* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)); *Например, мог протянуть листок со списком книг и только молвить* (СВ): *«Нужны книги»* (А. Иличевский. Перс (2009)).

Исследователи отмечают, что в современном языке происходит переосмысление двувидовых глаголов в видовом плане, когда устанавливается формально выраженная видовая корреляция при помощи чисто видовых префиксов или суффиксов, это касается и исконных глаголов. Причем более активно «этот процесс идет в украинском языке, где префиксальные формы типа *народитися, промовити, поранити, оженити* не имеют признака разговорности» [7, с. 354].

Чтобы сопоставить и проанализировать сходства и различия семного состава и грамматических особенностей исследуемых глаголов, обратимся к фазовой парадигме.

Фазовость является самостоятельной лексико-грамматической категорией и «выражает отношение не ограниченного пределом процесса к его началу или завершенности» [5, с. 104], т.е. ограничение процессности временным пределом от момента возникновения (начало процесса) до завершения (конца процесса). Значение фазовости можно рассматривать как инвариантное для всех глаголов, т.к. независимо от иных сопутствующих лексических элементов (например, когда речь идет о способах глагольного действия) отношение процесса к его пределу сохраняется как одна из важнейших характеристик протекания процесса (что подтверждают теории способов действия, основанные на фазовых признаках [6]).

Между глаголами СВ и НСВ, находящимися в отношениях прямой словообразовательной мотивации, могут возникать такие типы фазовых отношений: начало процесса – процесс (*закричать – кричать, понять – понимать*), процесс – завершение процесса (*писать – написать, цвести – отцвести*) и однократность – многократность (*зевнуть – зевать, нырнуть – нырять*), а также процессно-ограничительные, или длительные, отношения (*спать – поспать, плавать – проплавать*).

Фазовая парадигма представляет собой «особого рода словообразовательное гнездо, в которое входят глаголы (преимущественно противоположного вида), находящиеся в отношениях прямой мотивации» [8, 237-238]. Чтобы описать фазовую парадигму, достаточно представить, что не ограниченный пределом процесс – это прямая, точка в начале прямой – начало процесса, точка в конце – его завершение, две точки в середине прямой, расположенные на расстоянии друг от друга, – процесс, ограниченный определенной длительностью, точка в середине прямой – процесс, равный однократному действию, а неограниченное количество точек на прямой – процесс, состоящий из повторяющихся действий.

Как отмечает Е. Я. Титаренко, исследующая русские глаголы, полной фазовой парадигмы не имеет ни один исконно славянский двувидовой глагол. Нам не известны подобные исследования на базе украинского языка, поэтому подаем парадигму глагола *мовити* авторства Е. Я. Титаренко (см. таблицу 1), а парадигму глагола *мовити* выстроим по аналогичной схеме (см. таблицу 2).

Как видно, фазовые парадигмы исследуемых глаголов не полные и характеризуются наличием производных с однократно-многократной семантикой (5 в русском языке и 8 в украинском) и со значением завершения процесса (6 и 8 соответственно). В обоих языках нет дериватов со значением начала процесса (хотя есть, например, *заговорить* и *заговорити*), а также длительности (сравним: *поговорить некоторое время, проговорить два часа – поговорити певний час, проговори-*

ти *дві години*), что, на наш взгляд, также свидетельствует об общности их аспектуальных признаков.

Попробуем установить семантические соответствия между исследуемыми глаголами. Сразу отметим, что в словарных статьях глагола *молвить* и его производных часто встречаются такие пометы: «в просторечии» (к *вымолвить 1*), «устар.» (к *вымолвить 2*, *домолвить*, *размолвить 1*), «разг.» (к *замолвить*, *обмолвить*, *примолвить*). В словарных статьях глагола *мовити* и его мотиватов приведены несколько иные особенности употребления: «диал.» (к *перемовити 3*), «этн.» (к *замовити 2*, *змовити 3*), «устар., редко» (к *обмовити 3*) и «устар., разг.» (к *перемовити 2*). Следует сказать, что в словаре русского языка некоторые пометы относятся ко всей лексеме, сужая сферу ее функционирования, тогда как в словаре украинского языка пометы подаются не ко всей лексеме, а только к определенному лексико-семантическому варианту.

Общие семантические черты анализируемых глагольных лексем позволяют определить, к каким лексико-семантическим группам (ЛСГ) можно отнести ЛСВ глаголов *молвить* и *мовити*. Для формирования ЛСГ будем анализировать отдельные ЛСВ исследуемых глаголов. Лингвисты предлагают разные подходы к анализу глаголов речи, однако, на наш взгляд, при любом подходе ядром классификации являются глаголы сообщения, передающие определенную информацию от говорящего к слушающему (от пишущего читающему) (*говорить*, *сказать*, *молвить* (устар.) – укр. *говорити*, *казати*, *сказати*, *мовити*). Информацией называем сообщение, передачу определенных сведений от адресанта к адресату.

Из-за малой употребительности русский глагол *молвить* и большую часть его производных СВ можно отнести к ЛСГ 'сообщения', т.к. смысловые нюансы у ядра глаголов ЛСГ могут появляться лишь в тексте, например: *Бывало, расставаясь на час, сколько раз прощались, ворочались с половины дороги, чтоб опять проститься, припомнить то, что молвить забыли* (П. Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)); *Кямал рыдал и не мог вымолвить ни одного слова* (В. Токарева. Своя правда (2002)); « – Велик, парень, вырос, да ума не вынес, – отвечала ему старуха нищая, – не дашь домолвить, а слова властно с дуба рвешь». (О. М. Сомов. Кикимора (1829) и т.п.

Однако во фразеологизме *замолвить слово / словечко* появляется сема 'просьба', определяющая принадлежность к ЛСГ 'речевое воздействие, побуждение' (*Пустяки, – беспечно ответил Скорин, – я замолвлю за тебя словечко перед гауптштурмфюрером* (Н. Леонов, Ю. Костров. Вариант «Омега» (Операция «Викинг») (1974). К этой же ЛСГ относится и устаревший ЛСВ *вымолвить 2* (*Барбос за все за это взялся, И вымолвил себе он плату за троих* (И. Крылов. Крестьянин и собака (1833).

Глагол *размолвить* в значении 'поссориться' относим к ЛСГ 'речевое взаимодействие', которую можно охарактеризовать как результат, возникший в процессе коммуникации между собеседниками: *Раз он немножко размолвил с женой!* (И.С. Никитин. Рассказ ямщика (1854).

Таким образом, русский глагол *молвить* и его производные СВ мы распределили по трем ЛСГ: 'сообщение', 'речевое воздействие, побуждение' и 'речевое взаимодействие'.

Рассмотрим группы производных украинского глагола *мовити*. Среди них преобладают ЛСВ группы 'сообщения': *І тихо мовив [Посиф:] – Де ти в бога Загялась, моя небого?* (Т. Шевченко. II (1963); *Нарешті Юлдаш хоробро подивився на всіх і відмовив* (рус. *ответил*): – *Я пішов би, але ж бай Мухамедов прожсене мене тоді* (Олесь Донченко. I (1956); *Жінка моя стала серед двору та й закам'яніла, — ні рухнутися, ні слово змовити* (рус. *молвить*), *Та й сам я не знаю, куди трапив* (Ю. Яновський. I (1954)); – *Дай же, боже, і пшениці щоб родили, і діти красно на миру ходили – примовила* (рус. *добавила*) *мати до Мар'яни чарку* (Г. Косинка. Нов. (1962)); *Коли підпливали до острова, на воді неждано заспівали лебеді. – Лебедина пісня, – задумано промовив* (рус. *произнес*) *Нагорний* (М. Стельмах, I (1962)) и т. п.

ЛСВ глаголов *вимовити 2, відмовити 3, замовити 1,2, змовити 2, намовити 1,3, підмовити, примовити 3, умовити 1,2* представляють ЛСГ 'речевое воздействие, побуждение'. Например: *Я умовився за 20 рублів грошей та ще вимовив* (рус. *выпросил*) *собі кожух та чоботи* (Словарь Гринченко); *Душа пручається вірити, що це вбивство замовив* (рус. *заказал*) *президент* (Л. Костенко. «Записки...» (2010)); *Зненацька по мозку хльоснула жахлива за своєю можливою правотою здогадка: Хіпні засяв і підмовив* (рус. *подговорил*) *Дзвінку йти по хатах, мовляв, Місько побачить, що нас довго немає, то й піде собі додому також...* (Любка Дереш. Поклоніння ящірці (2006)); – *Що ж тобі, Левку, відказати? Я з радою душею віддала б свою одиначку за тебе.., але як тепер віддаси? — А ви її умовте* (рус. *уговорите*) *і словами, і сльозами. Ви ж рідна мати!* (М. Стельмах. I (1962)) и т.п. Отметим, что в семантике ЛСВ *замовити 2* и *намовити 3* присутствуют ритуальные компоненты: — *Чоловік ногу врубав.. — так кров і цебенить! Уже ми й стару Хомиху кликали, щоб замовила кров* (Борис Грінченко. II (1963)).

ЛСВ глаголов *домовити 2, змовити 1, перемовити 2* входят в ЛСГ 'речевое взаимодействие': – *А де ж мама, Даньку? – Мамі земля спати не дає. – Брат посміхнувся. – Побігли коня домовляти* (рус. *договариваться взять коня*) *на весну* (Олесь Гончар. Таврія.. (1957)); *В Мелаики, коли слухала Рудиків, одно на мислі: «Як змовляють* (рус. *сватают*), *то сто коней дають, а як змовлять* (рус. *зсватают*), *то чортма і одного!»* (Г. Косинка. Новели (1962)); *Прийшлося учителя шукать.. То до рекрут його [пан] віддасть, То перемовить* (рус. *переманит*) *та до свого Двора візьме* (І. Франко. X (1954)).

Также для украинских глаголов выделяем ЛСГ 'оценка', к которой можно отнести ЛСВ глаголов *намовити 2* и *обмовити 1,2*: – *Не намовляй, тату, – заперчила дівчина. – Адже ти сам вибирав яблука й печиво* (Д. Ткач. Жди.. (1959)); – *Не важко обмовити людину, а хто їй порадить, як цей час прожити?* (Михайло Стельмах. Правда.., (1961)). Семантическим признаком глаголов этой группы является наличие оценки, а именно соответствия / несоответствия, по мнению говорящего, высказывания истине.

Изучив семантику ЛСВ украинских производных, мы распределили их по 4 ЛСГ: 'сообщение', 'речевое воздействие, побуждение', 'речевое взаимодействие' и 'оценка'.

ВЫВОДЫ

Таким образом, глаголы *молвить* и *мовити* характеризуются общими грамматическими признаками, в частности, двуви́дностью и схожими неполными аспектуально-фазовыми парадигмами и распределяются по одинаковым лексико-семантическим группам, за исключением нескольких украинских производных, входящих в ЛСГ 'оценка'. При этом следует отметить, что в украинском языке глагол *мовити* и его производные являются часто употребляемыми, чего нельзя сказать о его русском эквиваленте, имеющем ограниченную сферу употребления. Перспективными считаем дальнейшие исследования девербатов, производных от анализируемых глаголов, и особенности их перевода с одного языка на другой, а также сопоставление других глаголов речи русского и украинского языка с учетом их взаимодействия и взаимовлияния в полилингвальной среде.

<p>ВЫМОЛВИТЬ</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ЗАМОЛВИТЬ</p> <p>↓ ↑</p>	<p>МОЛВИТЬ (СВ)</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ОМОЛВИТЬ</p> <p>↓ ↑</p> <p>МОЛВИТЬ (НСВ)</p>	<p>ПРОМОЛВИТЬ</p> <p>↓ ↑</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p>	<p>ВЫМОЛВИТЬ (2)</p> <p>ДОМОЛВИТЬ</p> <p>ПЕРМОЛВИТЬ</p> <p>ПЕРМОЛВИТЬСЯ</p> <p>ПРИМОЛВИТЬ</p> <p>РАЗМОЛВИТЬ</p>
-----------------------------	-----------------------------	--------------------------------	--	--	---

Таблица 1. Фазовая парадигма глагола *молвить* (автор – Е. Я. Титаренко)

<p>ВИ-МО-ВИТИ</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ВІДМО-ВИТИ (1,2)</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ЗАМОВИ-ТИ</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ЗМОВИТИ</p> <p>↓ ↑</p>	<p>МОВИТИ (СВ)</p> <p>↓ ↑</p> <p>МОВИТИ (НСВ)</p>	<p>ПЕРЕМО-ВИТИ (1,3)</p> <p>↓ ↑</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p> <p>→</p>	<p>ПРИМОВИТИ (1,2)</p> <p>↓ ↑</p>	<p>ПРОМОВИТИ</p> <p>↓ ↑</p>
						<p>ВІДМОВИТИ (3,4,5)</p> <p>ДОМОВИТИ</p> <p>НАМОВИТИ</p> <p>ОБМОВИТИ</p> <p>ПЕРЕМОВИТИ (2)</p> <p>ПІДМОВИТИ</p> <p>ПРИМОВИТИ (3)</p> <p>УМОВИТИ</p>	

Таблица 2. Фазовая парадигма глагола *мовити*

Список литературы

1. Антонова С.М. глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография / С.М. Антонова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 519 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / [отв. ред. Н.Ю. Шведова]. – М.: «Наука», 1970. – 768 с.
3. Зализняк А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 222 с.
4. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: «Просвещение», 1981. – 270 с.
5. Соколов О.М. ИмPLICITная морфология русского языка: монография / отв. ред. С.О. Соколова / О.М. Соколов. – 2-е изд., испр. и доп. – Нежин: ООО «Гидромакс», 2010. – 184 с.
6. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові / С.О. Соколова. – К. : Наукова думка, 2003. – 283 с.
7. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г.Д. Басова, А.В. Качура, А.В. Кихно и др. – К.: Наук. думка, 2003. – 534 с.
8. Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола: Монография / Е. Я. Титаренко. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. – 368 с.
9. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 3: Кора – М / Укл.: Р. В. Болдирев та ін. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1989. – 552 с.
10. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. Т. VI: Л – М / [Под ред. В. И. Чернышева]. – М. – Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – 1460 с.
11. Словник української мови : В 11 т. Т. 4: І – М / [ред. колегія : І.К. Білодід та ін.]. – К. : Наук. думка, 1973. – 840 с.
12. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. В 4т. Т. 2 (Е – Муж). – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
13. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: Национальный корпус русского языка

THE VERBS *МОЛВИТЬ* AND *МОВИТИ*: ASPECTUAL AND SEMANTIC FEATURES

Achilova Ye. L.

The article is devoted to studying of grammatical and semantic features of the Russian verb *молвить* and Ukrainian verb *мовити*. It is found that both verbs have similar grammatical characteristics, in particular, both are two-aspect and both have partial aspectual-phase paradigms. The work revealed that both verbs have derivatives with frequentative / semelfactive semantics and the value of the complete process. However, it is detected, that either in Russian no in Ukrainian language the analyzed verbs have not derivatives with a value of the beginning and duration of the process. The analysis of the values of lexical-semantic variants showed that the derivatives of Russian verb are distributed over 3 lexical-semantic groups and derivatives of Ukrainian verb are distributed over 4 lexical-semantic groups. Additionally, the verbs have various scope of use.

Keywords: two-aspects verbs, aspectual-phase paradigm, lexical-semantic group, the scope of use.

УДК 81'373.612

КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКАМ В КРЫМУ

Буц Н. В.

*Научно-образовательный центр ноосферологии и устойчивого ноосферного развития
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,*

г. Симферополь,

e-mail: legora@list.ru

Работа посвящена компетентностно ориентированному обучению языкам, как способу воздействия на современное общество, в частности это касается многонационального полилингвокультурного Крыма (в исследовании использован трёхязычный базовый тематический словарь «Шире круг»). Крымский регион порождает очень широкое информативное поле и становится интересным объектом описания не только для тех, кто живет в Крыму или связан с ним своей деятельностью.

Ключевые слова: языковая личность, полилингвокультурная ситуация, опорные слова.

ВВЕДЕНИЕ

Компетентностная направленность обучения языкам должна быть реализована в учебниках, учебных пособиях, словарях, и важной задачей методики этого обучения является определение характеристик этих изданий, предназначенных для такого курса. Существенным является использование разнообразных способов предъявления материала в учебниках и словарях, учет психологических требований к их структуре. Особенно важным фактором, определяющим успешность обучения, является язык (или языки) учебников и словарей, при этом следует учитывать стилистическую принадлежность текстов учебников, их лексический минимум.

Для поликультурных пространств, к которым относится Крым, актуальна именно полилингвальная модель обучения. Необходимы учебные пособия, учебные словари и конкретные методические разработки, не только нацеленные на решение актуальных образовательных задач, но и учитывающие интересы учащихся. С компетентностной направленностью обучения языкам связаны специальные требования к системе заданий в учебниках, к словарным статьям и самой направленностью тех или иных учебных изданий.

Цель и методы исследования: изучить степень востребования ключевых компетенций в различных видах человеческой деятельности, так как именно они свидетельствуют о качестве образования, насколько они определяют успешность их решения (используя для этого трёхязычный базовый тематический словарь «Шире круг»).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Содержание понятия «*полилингвокультурный*» может быть определено с учетом данных многих наук, и прежде всего лингвокультурологии, этнопсихологии, социолингвистики, которые, в свою очередь, опираются на достижения современного языкознания в области семантики, когнитивной лингвистики, прагматики.

Полилингвокультурный феномен – особая целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного, понимаемого как *национально-лингвокультурное сообщество* [2, с.12]. Подавляющее большинство этого сообщества говорит на одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками.

В количественном отношении языковую ситуацию в Крыму следует считать многокомпонентной, так как в регионе функционируют языки русский, украинский, крымскотатарский, болгарский, армянский, греческий, белорусский и др. При этом следует иметь в виду, что число носителей и число говорящих на языке явно не соотносится с национальной принадлежностью и национальной самоидентификацией. Это обусловлено тем, «что традиционно русский язык являлся и является в настоящее время средством межнационального общения» [2, с.49]. Большинство населения Крыма привыкло мыслить, говорить, получать информацию на русском языке.

В Крыму в различных сферах жизни используется довольно широко многоязычие с преобладанием русского. Одни и те же лица в различной обстановке пользуются то русским, то украинским, то крымскотатарским языком. Нередко в рамках одного и того же публичного собрания и даже разговора вполне свободно могут употребляться одними говорящими один язык, а другими – другой. Имеется тенденция к переходу на общий язык, если только это возможно. Это создает условия для стирания в сознании носителей языка резких граней между языками и открывает широкий простор для интерференции. М.Г. Булахов отмечал, что попеременное пользование в разных ситуациях то одним языком, то другим «приводит естественно к взаимному проникновению элементов обеих языковых структур» [5, с.218].

Следует отметить не только контактный, но и культурный характер русско-украинского двуязычия. Русский язык в этом плане оказывается прямым источником пополнения украинской лексики словами не только русского происхождения, но и других восточных и западных языков, интернационализмами, церковнославянизмами.

Словарь «Шире круг» составлен в режиме тематического лексикографирования. Он включает в состав тематических групп преимущественно тематически связанные лексико-семантические варианты, т.е. слова в тех значениях, которые непосредственно соответствуют конкретным рубрикам. Объем тематических групп и понятная последовательность входящих в них структурных элементов, рассматриваются в словаре «Шире круг» в качестве определяющих параметров, если мы хотим разгрузить подсознание учащегося и обеспечить психологический комфорт при усвоении заложенной в словаре информации. Говоря о современных подходах к определению результатов обучения, мы должны отметить широкое использование заданий тестового характера с данными вариантами ответов.

Одна из важнейших характеристик обучения языкам – паритет когнитивной и аффективной сфер личности. Всесторонний анализ проблемы дает основание для вывода о преобладании в традиционном обучении русскому языку развития *когнитивной*, понятийно-логической сферы и недооценке аффективной сферы личности школьника. Установлено, что это связано с ориентацией школьного курса преимущественно на *формирование знаний о языке, аналитических умений, касающихся лингвистических характеристик языковых единиц*, а также

правописных умений и навыков. Важным условием усиления *аффективной* составляющей обучения является приоритет речевой работы в курсе (слушания, чтения, обсуждения текстов и ситуаций из жизни), которая *повышает роль эмоционального компонента*, приближая обучение к жизни, к проблемам, связанным с внутренним миром школьников, и в определенной степени восполняя дефицит общения, который испытывают многие дети. Такой же результат достигается в результате усиления социокультурной составляющей содержания обучения.

Приоритет *речевой* работы над *языковой* в обучении школьников является одним из условий развития критического мышления, которое выявляется в самостоятельности суждений, умении обосновывать свою точку зрения, сопоставлять ее с другими взглядами на предмет, умении различать то, что является для учащегося уже известным, а что – новым, требующим освоения.

Компетентностный подход к обучению языкам предполагает использование как условно-речевой деятельности, так и коммуникативно обусловленной речи. К условно-речевой деятельности отнесены те виды учебной речевой деятельности, которые строятся на широком использовании вспомогательных материалов, значительной подготовительной работе, помощи учителя в выполнении речевых заданий и не имеют коммуникативной цели. Только коммуникативное употребление речи в обучении обеспечивает формирование коммуникативной компетенции учащихся.

Способы организации учебных занятий в начальных классах предполагают использование двух основных типов обучающих уроков – уроки с преобладанием речевой/языковой работы, причем основным является первый из них, чем обеспечивается приоритет речевой работы над языковой. Такие формы обучения украинскому языку разрабатываются с учетом степени самостоятельности учащихся и характера их взаимодействия между собой в процессе решения учебной задачи (в условиях фронтальной, групповой или индивидуальной работы). В компетентностно ориентированном обучении особое значение приобретает работа в парах и небольших группах.

Классификация методов обучения языку соотносится с целевой направленностью учебной работы и предполагает различение методов приобретения учащимися *знаний* о языке и речи, о способах деятельности с языковым и речевым материалом – и методов формирования *умений* (языковых, речевых). Важным являются методы формирования речевой и коммуникативной компетенций.

Крымский регион порождает очень широкое информативное поле и становится интересным объектом описания не только для тех, кто живет в Крыму или связан с ним своей деятельностью. Учебный тематический словарь как особый тип лексикографического произведения в процессе составления требует от создателей разрешения множества теоретических и методических вопросов. Прежде всего, возникает проблема определения рационального объема словаря и последующего разделения понятийного континуума в тематическом плане на понятийные области и далее на понятийные классы или разряды, содержание которых на заключительном этапе разбиения сводится в группы.

При формировании тематических групп в словаре «Шире круг» учитывалась принадлежность слов к определенным частям речи. Поэтому в списках

присутствуют практически все основные части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные. В тематические группы входят также ситуативно обусловленные слова, которые помогают обеспечить полноценность коммуникации на всех трёх описываемых языках. Личные, неопределённые и отрицательные местоимения вошли в список структурных слов, остальные разряды местоимений включены в тематические группы.

Важным результатом лексикографической практики стало появление трёх параллельных универсальных лексических минимумов: русского, украинского и крымскотатарского языков. Особо существенно то, что параллельно с русским и украинским языками в работе систематизирована лексическая основа современного крымскотатарского языка. На базе созданной лексической основы могут быть написаны современные коммуникативные учебники и учебные пособия. Это открывает широкий путь к изучению украинского и крымскотатарского языков для всех желающих.

Словарь «Шире круг» относится к учебным словарям активного типа, поскольку благодаря расположению лексического материала по темам позволяет читателю наиболее эффективным способом овладеть базовыми лексическими минимумами трёх описываемых языков и в дальнейшем – навыками реального речевого общения.

ВЫВОДЫ

«Коммуникативно-функциональная роль русского языка обозначена как факт языкового сознания и речевого поведения. Он поддерживает внутреннее динамическое равновесие полилингвокультурной среды, обладает апробированными возможностями и с этой точки зрения является фактором коллективной идентичности крымчан. На основе русского языка формируется общее интегративное поле коммуникации для людей разных культур, живущих совместно [2,с.304].

Результаты проведенных исследований показывают, что составляющими коммуникативной компетенции являются языковая, речевая и социокультурная компетенции. Коммуникативная компетенция проявляется не только в умении правильно понять воспринятый текст, проявить языковую и речевую компетенции, но и в умении оценить ситуацию общения, использовать речь для достижения взаимопонимания» [2; 6; 7].

Список литературы

1. Бердичевский А.Л. Русист XXI века: кто он. Диалог культуролога и методиста о наболевшем / А.Л. Бердичевский, Э. Колларова // Русский язык за рубежом.- М., 2006. - №1.- С.45-49.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович // Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 392 с.
3. Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Научно-методические основы учебных пособий по русскому языку для средней общеобразовательной школы // Новые направления в методике и технологии преподавания славянских языков. – Симферополь, 1999. – С. 54-56.
4. Загашев Игорь. Умение задавать вопросы // Перемена. – 2001. – 2001. - № 4. – С. 8-13.
5. Управление качеством образования /Под ред. М.М. Поташника. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 441 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
7. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с. – С. 313-31.

KOMPETENTNOSTNO THE ORIENTED EDUCATING TO THE LANGUAGES IN THE CRIMEA

Buts N.V.

Work is devoted kompetentnostno to the focused training in languages as to a way of impact on modern society, in particular it concerns multinational polilingvokulturny of the Crimea (in research the trilingual basic thematic dictionary "Wide range" is used). The Crimean region generates very wide informative field and becomes interesting object of the description not only for those who live in the Crimea or is connected with him the activity.

Keywords: language personality, polilingvokulturny situation, basic words.

УДК 81'243:378.147

ЧТЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Витковская Г.В., Клюева В.Г.

*Институт иностранной филологии
Таврической академии*

*Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
E-mail: crimean19@rambler.ru; viola38@mail.ru*

Работа привлекает внимание к особенностям обучения иностранному языку в неязыковом вузе. На первый план выдвигается проблема: как процесс чтения воспринимается в области современного преподавания английского языка. Чтение представляется как один из видов речевой деятельности при изучении иностранного языка. Указаны основные речевые механизмы в процессе работы над текстами.

Ключевые слова: неязыковой вуз, обучение иностранному языку, чтение.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из четырех навыков владения языком является чтение. Можно с уверенностью сказать, что именно чтение – самый продуктивный навык. После того, как ребенок научился читать, его словарный запас увеличивается в несколько раз. К сожалению, во всем мире снижается интерес и мотивация к чтению, как на родном, так и на иностранном языке. Как следствие этого, снижаются тиражи книг, и все больше растут продажи комиксов. Минимум текста и максимум картинок – это то, что больше всего привлекает как школьников, так и студентов. Появился даже термин синдром "комикса" [4]. В наши времена объем информации растет в геометрической прогрессии. Чтение, как способ ее получения, занимает приоритетные позиции. Это также способность обрабатывать и анализировать информацию из различных источников, и без этих способностей трудно ориентироваться в современном мире.

СССР считался самой читающей страной в мире. Чтение – российская традиция, составляющая ядро национальной культуры, мощный механизм поддержания и приумножения богатств родного языка, система формирования личности и развития социальной структуры общества, единственная технология, выработанная человечеством за всю его продолжительную историю для того, чтобы последовательно и гармонично выкристаллизовывать сознание и совершенствовать духовный мир людей [2]. Сейчас Россия, как правопреемник СССР, занимает седьмое место после Индии, Китая, Таиланда, Филиппин, Египта и Чехии. Как видно, в странах Азии, где получение высшего образования приобретает все большую популярность, закономерен рост интереса к чтению. Снижение интереса к чтению на родном языке ведет к еще более резкому снижению мотивации к чтению и на иностранном языке. При этом особенно страдает техника чтения и качество переводов с иностранного языка на родной. Чтение — одно из лучших и наиболее эффективных средств получения нужной информации. Научиться читать — значит создать предпосылки для расширения и понимания общего образования, получить возможность своевременно по-

полнять свои профессиональные знания. Все это — необходимые условия развития интеллекта, повышения конкурентоспособности каждого специалиста [7].

Целью данной работы является анализ особенностей обучения иностранному языку, ориентируясь на чтение, как один из важнейших видов речевой деятельности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать насколько велико влияние чтения при овладении иностранным языком, а также насколько чтение способствует развитию коммуникативных навыков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одним из основных факторов социального и культурного развития современного общества является владение иностранным языком. В процессе подготовки специалистов неязыковыми вузами большим недочетом является отсутствие мотивации для изучения иностранного языка. В основном учебная программа по иностранному языку для данных вузов ставит целью только овладение навыками чтения и перевода литературы по специальности, в то время как расширение международных связей, возможность постоянного, непосредственного общения с зарубежными специалистами потребовали практических знаний иностранного языка от людей самых разных специальностей. Изменение целевой установки в обучении иностранному языку в неязыковых вузах – учить студентов не только читать и переводить литературу по специальности, но и говорить на изучаемом языке – вполне отвечает задачам практического овладения иностранным языком молодыми специалистами. Обучение строится на определенных методических принципах, представляющих единую систему. Оно осуществляется с помощью учебных и методических пособий, составляющих учебно-методический комплекс для каждого года обучения. В этих учебно-методических комплексах представлена определенная система.

Принцип «функциональности» является ведущим методическим принципом данной системы обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Заключается он в том, что в процессе обучения учитываются особенности функционирования в процессе общения всех видов речевой деятельности и каждого языкового явления. Функциональность обуславливает коммуникативную направленность всего учебного процесса, как важную черту данного вида обучения и проявляется в организации языкового материала, в характере устно-речевых упражнений, в организации учебной работы на занятии.

В свете практических задач многие вопросы методики обучения иностранным языкам должны сейчас решаться по-новому, в частности и методика чтения. Дело в том, что если усвоение языкового материала мыслится как самоцель, то, как бы тщательно ни была разработана методика усвоения материала, цели в развитии речевой деятельности студентов неязыкового вуза не будут достигнуты. С другой стороны, невозможно и противоестественно было бы развивать речевую деятельность студентов, не принимая во внимание специальной работы над овладением языковым материалом.

Наблюдения за развитием речи студентов неязыкового вузы показывают, что стремление студентов к содержательности своей собственной речи и получению полезной и интересной информации из речи других, приходит в противоречие с ограниченным запасом языкового материала, которым они владеют. Вот почему так важно сочетать в педагогическом процессе рациональную последовательность работы над языковым материалом с усложнением содержания и объема речи студентов.

Сравним процесс формирования речевой деятельности ребенка с процессом овладения иностранным языком. Четко выявится прямая зависимость: чем раньше ребенок обучается чтению и чем больше он читает на родном языке, тем больше его словарный запас, тем лучше ребенок выражает свои мысли. С умением читать происходит так называемый «качественный и количественный скачок» в формировании речевой деятельности ребенка. То же можно сказать применительно к овладению речи на иностранном языке: чем больше студент читает как адаптированной, так и аутентичной литературы, тем быстрее формируется умение практически пользоваться иностранным языком как средством общения. Существует и другая закономерность: чем больше человек, изучающий иностранный язык, читает на своем родном языке, тем более качественные переводы он делает, тем яснее выражает свои мысли на иностранном языке.

Задача обучения чтению как самостоятельному виду речевой деятельности заключается в следующем: научить студентов извлекать информацию из текста в том объеме, который необходим для решения конкретной речевой задачи, используя определенные технологии [2, с. 141]. Совершенно очевидно, что при этом важно не превращать чтение из самостоятельного речевого умения только в средство обучения иностранному языку, а текст из носителя смысловой информации в языковое упражнение. В результате это означает – обучить, как читать текст на основании знания того, как текст построен и оформлен. По крайней мере, три задачи стоят перед студентами при чтении текста, однако часть из них может и должна им осознаваться, а другая остается неосознаваемой: извлечение текстовой информации; усвоение приемов извлечения информации из текста; усвоение языковых форм, заложенных в тексте. Связь «сообщение – читатель» во многом зависит от проявлений внутритекстовой наглядности, одна из которых – система субъектно–предикативных отношений, определяющая во многом форму движения мыслей в тексте. В условиях учебной коммуникации на иностранном языке эта зависимость усложняется, так как на разных этапах обучения содержательная новизна субъекта и предиката текста может быть различной для реципиента [1, с. 1155].

Речь представляет собой такую деятельность, в которой одновременно проявляется память, творчество и комплекс навыков и в которой каждое высказанное слово или фраза является сложным действием говорящего. В каждом конкретном случае говорящий помимо использования чистых формул должен еще приспособлять обычные выражения к новым ситуациям, чтобы точнее выразить те детали, которые не были выражены ранее. В обучение речи связано с особым рода творчеством, самостоятельным, индивидуальным выбором средств для выражения мысли. Удельный вес элементов творчества и свободы в использовании языкового матери-

ала должен в процессе обучения чтению постоянно возрастать. От студента требуется, следовательно, в определенной мере творчески комбинировать прочитанный материал, уметь самостоятельно включать его в новые предложения и целые конкретные высказывания. В основе любого речевого умения лежат определенные навыки, то есть те действия, которые человек совершает автоматически, не задумываясь о том, как и что он делает. Свободное владение речью невозможно без выработки определенных автоматизмов. Если говорить о чтении, что к речевым умениям в данном случае можно отнести владение различными технологиями извлечения информации из текста, их адекватное использование в зависимости от поставленной задачи. Однако в основе всех этих умений лежит техника чтения. Если не сформировать ее в достаточной мере, не добиться автоматизации данного навыка, то все эти технологии и или виды чтения будут поставлены под угрозу. Из-за этого студенты сталкиваются с трудностями в процессе обучения речи на иностранном языке. При обучении репродуктивным и рецептивным видам речи объединение слов, предложений, компонентов предложений должно происходить быстро. Вдобавок динамичное, активное объединение слов, сочетаний слов и целых предложений требует овладения языковым материалом степени автоматизации, приближающейся к таковой на родном языке.

ВЫВОДЫ

Таким образом, учебный процесс предполагает не только творческую, но и тренировочную деятельность. Поэтому наряду с ситуациями, направленными на развертывание самостоятельного высказывания, используются и ситуации, которые позволяют многократно повторять определенные речевые образцы, единицы языкового материала. При овладении иностранным языком формируется новая система отражения объективной действительности через формы иностранного языка, отличные от родного языка. При этом родной язык оказывает влияние на процесс усвоения форм иностранного языка и может привести к искажению английских высказываний, что называется «интерференцией». В процессе овладения речью на иностранном языке встречаются значительные трудности, связанные с интерференцией родного языка, интерференцией внутри иностранного языка, что сковывает и замедляет развитие самостоятельной речи на иностранном языке. Имеются трудности и в плане содержания речи, связанные с логическим построением собственного высказывания, с восприятием логики чужой мысли.

Следовательно, обучение иностранному языку строится в соответствии с принципом учета особенностей иностранного и родного языков и на противодействии последнего, что достигается путем специальной организации учебного процесса, направленного на ослабление влияния родного языка и усиленную отработку тех языковых явлений, где возможна интерференция родного языка. Для данной системы обучения иностранному языку характерно вариативное управление ходом учебного процесса. В случае необходимости вносятся изменения в учебный процесс: включаются дополнительные упражнения, вносятся изменения в режим выполнения упражнений. Таким образом, учебный процесс приводится в соответствие с уровнем

языковой подготовки студентов неязыкового вуза, с учебной обстановкой, сложившийся в группе и с помощью этого достигается его большая оптимизация, следовательно, создание методики по обучению студентов неязыкового вуза профессионально – ориентированному чтению является своевременной и актуальной задачей.

Список литературы

1. Акопян Л. Г. Текст как средство коммуникации при обучении иностранному языку [Электронный ресурс] /Акопян Л. Г. - Режим доступа: http://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf5/15.pdf (дата обращения: 05.03.2016).
2. Еланцева О.П. Чтение в России. [Электронный ресурс] / Еланцева О.П. - Режим доступа: <http://old.svetgrad.ru/2007/07/chtenie.php> (дата обращения: 25.04.2016).
3. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – 2-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1983. — 207 с.
4. Мизерная Е.И. Как технология продуктивного чтения помогает развивать читательский интерес младших школьников? [Электронный ресурс] / Мизерная Е.И. - Режим доступа: <http://pedsovet.su/publ/179-1-0-5878> (дата обращения: 25.04.2016).
5. Селезнева Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования: Лекция-доклад. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. 95 с.
6. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: Пособие для студентов педагогических вузов и учителей/ Е.Н.Соловова.- 2-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – 239 с
7. Тюрина И.О. Работа с текстом: практические навыки и умения чтения [Электронный ресурс] / Тюрина И.О. - Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/rabota-s-tekstom-prakticheskie-navyki-umenija-chtenija-skorochtenie-bystroe-chtenie-analiz-teksta/> (дата обращения: 25.04.2016)
8. Филиппова Е.В. Технология продуктивного чтения [Электронный ресурс] / Филиппова Е.В. - Режим доступа: <http://pedsovet.su/publ/164-1-0-4311> (дата обращения: 25.04.2016).
9. Храброва В.Е. О внеаудиторном чтении в неязыковом экономическом вузе: некоторые проблемы и поиски их решения/ В.Е. Храброва// Фундаментальные исследования. Выпуск № 10-11 Часть 1. –2013. С. 2442 – 2558.
10. Цыганкова О.Н. Эффективные приемы и методы обучения чтению [Электронный ресурс] / Цыганкова О.Н. Режим доступа: <http://tsyganova.74325s017.edusite.ru/p9aa1.html> (дата обращения: 25.04.2016).

READING AS A PART OF THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Vitkovskaya G.V., Klyueva V.G.

The purpose of this paper is to analyze the characteristics of foreign language teaching, focusing on reading, as one of the most important types of speech activity. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to analyze how much influence reading has when learning a foreign language and to define how reading contributes to the development of communication skills.

One of the four language skills is reading. We can say that reading is the most productive skill. Once the child has learned to read, his vocabulary increases several times. Unfortunately, the motivation and interest in reading is being reduced all over the world nowadays, considering both native and foreign languages. As a result, the edition of books is falling and the publication of comics is increasingly growing.

One of the main factors of social and cultural development of modern society is a foreign language. There is a big drawback in the process of teaching specialists by non-linguistic universities and it is the lack of motivation for learning a foreign language. Basically a foreign language program of non-linguistic universities is just aimed to master the skills of reading and translating specialized literature, while the expansion of international relations, the possibility of permanent, direct communication with foreign specialists demanded practical knowledge of a foreign language. Changing the objectives of learning a foreign language in non-linguistic universities - to teach students not only to read and translate specialized literature, but also to speak a foreign language - corresponds to the practical task of learning a foreign language by young specialists. The education

is based on certain methodological principles, representing a single system. It is carried out with the help of educational and teaching aids that make up the training complex for each year of study. "Functionality" is the leading methodological principle of teaching a foreign language in the system of non-linguistic universities. It consists in the fact that the learning process takes into account the peculiarities of the process of communication of all types of speech activity and every linguistic phenomenon. Functionality determines the communicative focus of all of the educational process, as an important feature of this type of training which is demonstrated in the organization of linguistic materials in the nature of oral speech exercises and in the organization of educational work in class.

The task of learning to read as an independent kind of speech activity is to teach students to extract information from the text to the extent that is necessary for a particular speech problem, using specific technologies [2, p. 141]. It is important not to turn reading into the only means of learning a foreign language, and the text as the semantic media into a linguistic exercise. Therefore it means to teach how to read the text on the basis of knowledge of how the text is constructed and decorated. At least three problems face the students while they are reading a text: the extraction of text information; learning techniques for extracting information from the text; mastering of linguistic forms put in the text. The relations "message-reader" largely depends on the demonstrations of intertextual visibility, one of which is the system of subject-predicate relations that determines the form of the movement of thought in the text. In terms of educational communication in a foreign language, this dependence is more complicated, as at the different stages of learning the meaningful novelty of the subject and the predicate of the text may be different for the recipient [1, c. 1155]. The process of learning requires not only creative, but also training activities. Therefore, along with the situations, aimed at deploying self-statements, we use the situations that allow repeating certain speech patterns and units of linguistic material many thousands of times. When mastering a foreign language, a new system of reflection of objective reality is formed through the forms of a foreign language differed from the mother tongue forms. The mother tongue has an impact on the process of learning a foreign language and can lead to the distortion of English statements that is called "interference". In the process of mastering a foreign language students can meet significant challenges associated with the interference of the native language and with the interference in a foreign language that constrains and slows the development of independent speech in a foreign language. There are difficulties in terms of the content of speech associated with a logical construction of their own statements, the perception of the logic of someone else's thoughts.

Consequently, teaching a foreign language is constructed in accordance with the principle of taking into account the special characteristics of the foreign and native languages, and on countering the latter, which is achieved by the special organization of the educational process, aimed at weakening the influence of the native language, and enhancing the practice of those linguistic phenomena, where the interference of the native language is possible.

For the given foreign language teaching system the variability control of the educational process is quite characteristic. If necessary, the changes of the educational process are made: additional exercises are included; the necessary changes are made in the exercise mode. Thus, the learning process is aligned with the level of language proficiency of students of non-linguistic higher education institution, with the environment created in the group and thus optimization of educational process is achieved. Therefore, the development of methods of teaching students a professionally-oriented reading in non-linguistic universities is an urgent task.

Key words: non-linguistic university, foreign language teaching, reading.

УДК 811.111:37.02

ЗАУЧИВАНИЕ НАИЗУСТЬ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Гиренко И.В.

*Институт иностранной филологии
Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: irinagirenko@mail.ru*

Данная статья посвящена проблеме усвоения иноязычной лексики в процессе обучения английскому языку. Методические средства введения иноязычной лексики и индивидуальные способности студентов являются основными факторами успешного накопления лексического запаса. В процессе исследования предложены способы организации изучаемого материала, которые способствуют развитию и тренировке навыков запоминания с учетом вариативных условий обучения в неязыковом вузе.

Ключевые слова: лексический запас, психический процесс, лексические упражнения, повторение, точность запоминания, мыслительная деятельность.

ВВЕДЕНИЕ

Психологические проблемы усвоения иноязычной лексики в процессе обучения иностранному языку сегодня становятся особенно актуальными в связи с коренными изменениями системы народного образования. Главной и конечной целью обучения иностранному языку в вузе является обеспечение активного владения выпускниками вуза иностранным языком как средством формирования и формулирования мыслей в области повседневного общения и в области соответствующей специальности.

Целью данной работы является изучение особенностей познавательной сферы студентов, обуславливающих успешное усвоение ими иноязычной лексики, выявление эффективных механизмов запоминания иноязычной лексики, способствующих ее успешному воспроизведению.

На вопрос о целесообразности заучивания наизусть в неязыковом вузе следует, по-видимому, ответить утвердительно. Каждый из своего опыта знает, что нельзя овладеть иностранным языком без запоминания определенных его элементов как целостных единиц. Вопрос заключается лишь в том, что и для чего заучивать наизусть. Следует сразу оговорить, что заучивание наизусть не является самоцелью, а подчинено главной задаче обучения студентов – активному овладению иностранным языком как средством коммуникации. Как отмечают многие исследователи (И.М. Берман, Р.А. Кузнецова, Б.В. Беляев, В.А. Кондратьева, В.С. Коростелев, И.А. Зимняя и др.), активное и полное владение иностранным языком невозможно без усвоения достаточного лексического запаса для уверенного владения учащимися изучаемым языком. В связи с этим представляет научный и практический интерес выявление факторов успешного накопления лексического запаса студентами. С одной стороны, это обусловлено методическими средствами введения иноязычной лексики преподавателем, с другой стороны, индивидуальными способностями студентов к усвоению данного типа учебного материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Способы организации запоминаемого материала

Заучивание наизусть – это одна из форм произвольного, то есть направленного запоминания, которое при овладении иностранным языком студентами играет существенную роль, поскольку, как отмечают психологи, занимавшиеся исследованием памяти, «у старших ... эффект произвольного запоминания уменьшается» [4, с. 121]. Память является местом “хранения” всей информации, воспринятой человеком в течение его жизни. Прочность сохранности информации зависит от “состояния этого хранилища”, а также от того, насколько системно и логично были “складированы” созданные в момент восприятия чувственные образы. Древнегреческие философы считали, что хорошая или плохая память дается от рождения. Однако современные исследования (Д. Лапп, С. Гарибян, И.Ю. Матюгин, Е.И. Чакаберия, А.А. Смирнов и т.д.) убедительно доказали, что существуют определенные способы и приемы, позволяющие значительно активизировать потенциал нашей памяти. Так, например, доступность записанной в мозгу информации зависит от того, как наша собственная мысль была организована в момент ее записи. Способность же к организации запоминаемого материала, так же как и концентрация внимания, не являются врожденными и поддаются тренировке и развитию. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что организация запоминаемого материала – в данном случае это иноязычный материал – имеет первостепенное значение для эффективности воспроизведения, в нашем случае воспроизведением будет являться самостоятельная иноязычная деятельность.

Кроме того, психологи (Д. Лапп, С. Гарибян, И.Ю. Матюгин, Е.И. Чакаберия, А.А. Смирнов и др.) в результате своих исследований пришли к заключению, что работа памяти зависит от потребности в ней. Когда давление на нее ослабевает, то навыки и умения использования памяти постепенно ослабевают и теряются. Однако данная деградация не носит необратимого характера, и при необходимости навыки использования памяти могут быть восстановлены или улучшены благодаря специально организованной тренировке.

При обучении студентов иностранному языку первостепенное значение имеет организация иноязычного материала, в том числе, лексического, что во многом связано с возрастными психологическими особенностями обучаемых, а именно: возрастание обучаемости при некотором снижении интеллектуальных реакций, возрастание способности к произвольной концентрации внимания, осознанность мотивации к изучению языка, снижение уровня элементарных зрительных функций с одновременным повышением уровня и общей культуры наблюдения, способности к анализу и синтезу воспринимаемой информации, превалирование зрительной памяти над слуховой, логической над механической [1, с. 69-70]. Именно поэтому успех обучения во многом будет зависеть именно от первой презентации и восприятия языкового материала, от того, насколько прочно языковая информация будет введена в память обучающихся.

По сравнению с другими способами произвольного запоминания заучивание наизусть обеспечивает большую полноту и точность запечатления того или иного материала в памяти.

Основным психическим процессом, обеспечивающим качество усвоения и воспроизведения любой информации, а в частности, иноязычной лексики, без знания которой невозможно иноязычное общение и заучивание которой часто становится механически, является запоминание. Именно благодаря запоминанию информация кодируется и сохраняется в памяти на протяжении жизни человека. В основе запоминания лежит концентрация внимания, т.е. необходимость и умение сосредоточения внимания на запоминаемом предмете и создания в результате мысленного образа того, что необходимо запомнить. В создании подобных образов участвуют все наши чувства. Ассоциируя с данным чувственным восприятием некоторый образ, можно улучшить качеством записи информации в памяти и облегчить ее припоминание.

Успешное овладение иностранным языком во многом зависит от количества материала, который учащийся полно и точно запомнил. Безусловно, запоминание отдельных грамматических и лексических явлений или даже текстов еще не есть владение иностранным языком: требуются специальные упражнения для того, чтобы выученный материал «вывести в речь», то есть обеспечить его воспроизведение учащимся в определенный момент времени и в конкретной ситуации общения. Однако наличие в памяти учащегося определенного набора языковых единиц различного уровня является необходимой предпосылкой для речевых упражнений.

2. Средства активизации лексики

Рассмотрим пути выработки лексического навыка, который представляет собой быстрое учебное действие по выбору лексической единицы, ее правильное сочетание с другими единицами речи и ее ситуативность. Какие же средства необходимы для формирования лексического навыка? Мнение методистов единодушно — обильные упражнения. Лексических упражнений очень много, но нужно выбрать те, которые помогают лучше установить связь между лексикой и ситуацией [5, с. 194].

Интересны в этом отношении вырабатывающие навыки употребления слов в речевой ситуации коммуникативные упражнения, разработанные и введенные Е. И. Пассовым. Он выделяет в их организации несколько определенных этапов:

- 1) восприятие слова в речи;
- 2) осознание значения слова;
- 3) имитация;
- 4) обозначение — способность назвать предмет в речевых ситуациях;
- 5) комбинирование;
- 6) употребление на основе самостоятельного выбора.

При усвоении лексического материала работа ведется одновременно над формой, значением и употреблением слова. В неязыковом вузе лексический материал усваивается в двух планах, т. е. рецептивно и репродуктивно. Для этой

цели предусмотрены лексические упражнения после текста. Какова цель этих упражнений? Лексические упражнения до текста в основном закрепляют форму слова (фонетическую и грамматическую), вводят значение слова, словосочетания. Значение слова дается с учетом последующего контекста, отрабатываются типы предложений, которые будут употреблены в тексте. Отрабатывается произношение новых слов, особенно трудных. На упражнениях выделяется тематическая лексика. Лексические упражнения после текста направлены на тренировку употребления слов и на расширение лексического запаса. Ведется разнообразная работа с лексическим материалом текста уже в связи с его содержанием, используются вопросы и ответы, употребление слова в новом контексте, синонимы, антонимы, устойчивые словосочетания и т. д. Основная же работа над лексикой ведется на основе учебного текста. Расширение словарного запаса происходит непрерывно при обильном чтении и выполнении упражнений, которые обеспечивают повторение новой лексики. При усвоении новой лексики важно видеть и слышать слово, т. е. при чтении слово читается вслух и проговаривается про себя при аудировании. В расширении и закреплении словарного запаса большое значение имеет перефразировка, т. е. умение студента выразить свою мысль не одной, а рядом форм. Например, составить из монологического высказывания диалог и, наоборот, пересказать текст, сложный по форме, своими словами. При составлении или подборе таких упражнений необходимо учитывать действие факторов произвольного и произвольного запоминания. Известно, что некоторая часть материала, если она многократно повторяется в различных ситуациях и представляет интерес для студентов, может усваиваться ими и без специального заучивания, произвольно (лексика); другая же его часть может быть усвоена только при направленном заучивании, то есть путем произвольного запоминания (грамматические явления).

3. Виды деятельности при работе над словом

Для рецептивного владения языком важно:

- 1) видеть, найти новое слово, определить его исходную форму, найти значение, выбрать из словарной колонки нужное значение;
- 2) определить значение слова по словообразовательным признакам, не заглядывая в словарь;
- 3) заучивать лексически некоторые грамматические формы, особенно исключения из правил, узнавать их в тексте;
- 4) заучивать наиболее употребительные глаголы и уметь опознавать их;
- 5) знать все служебные слова, особенно предлоги, местоимения и союзы;
- 6) ориентироваться в порядке слов в предложении.

Для репродуктивного владения важно:

- 1) уметь употреблять конкретное значение слова в речевой ситуации, которая выступает здесь в роли контекста;
- 2) знать определенный набор слов и словосочетаний по темам;
- 3) знать и уметь пользоваться грамматическими структурами, наиболее употребительными в речи, лексика к ним заучивается на предложениях-образцах;

- 4) уметь поставить вопрос и ответить на него, пользуясь определенным тематическим подбором лексики,
- 5) уметь дать монологическое высказывание по прочитанному тексту или по проработанной теме, употребляя уже усвоенную лексику;
- 6) уметь быстро делать обратный перевод всех учебных текстов.

Продуктивность запоминания зависит также и от наличия мнемической направленности. “Намерение запомнить надо считать одним из важнейших условий успешного запоминания” [4, с. 121]. Мнемическая деятельность может быть направлена:

1. На ту или иную полноту запоминания: сплошное запоминание (то есть, запоминание всего предлагаемого материала) или выборочное запоминание (то есть запоминание лишь какой-то части, основных положений или идей предлагаемой информации). В данном случае имеет значение то, какой объем представленной информации необходимо удержать в памяти, нужно ли запомнить всю представленную к запоминанию информацию или же только какую-то ее часть.

2. На точность запоминания содержания или формы того, что запоминается. В случае направленности на точность запоминания содержания основное внимание будет уделяться удержанию в памяти различных подробностей представленного к запоминанию текста. Одной из крайностей в данном случае является запоминание максимально “своими словами” с почти полной потерей стилистики текста. Крайним же выражением направленности на точность запоминания формы является задача или установка запомнить представленный материал буквально, выучить наизусть.

3. На прочность усвоения запоминаемого материала, то есть то, на какой срок необходимо удержать в памяти запоминаемую информацию. В зависимости от срока запоминания будет задействована кратковременная либо долговременная память.

4. На своевременность воспроизведения, то есть на то, чтобы воспроизвести запоминаемое в определенный момент времени, при наличии определенной ситуации.

Кроме того, психологи отмечают, что при наличии установки на запоминание на длительное время деятельность запоминающего субъекта более интенсивна и воспринимаемый материал осмысливается им более глубоко, чем тогда, когда что-либо запоминается на неопределенный срок.

Таким образом, мы считаем целесообразным в процессе обучения иностранному языку студентов лингвистических вузов использовать такую организацию изучаемого материала, которая способствовала бы развитию и тренировке навыков запоминания иноязычного материала, а также учитывала бы вариативные условия обучения в условиях лингвистического вуза.

В усвоении иностранного языка участвует не только память, но и мышление. Основой осознанного запоминания языкового материала является наличие смысловой структуры объекта запоминания и возможность ее установления. Поэтому там, где это возможно, запоминание языкового материала должно опираться на выявление его смысловой структуры, установление ассоциативных связей между его компонентами. Это особенно важно, когда объектом заучивания

является монологическая тема: ведь даже при заучивании наизусть темы в фонетических целях ее необходимо предварительно осмыслить, чтобы правильно оформить интонационно.

Одной из характеристик произвольного заучивания наизусть является точность. Требование точности запоминания может предъявляться как к содержанию материала, так и к форме его выражения. В этом случае имеет место сложная активная мыслительная деятельность студента, что уже по себе обеспечивает запоминание. У студентов при этом должна быть четкая установка на точность запоминания: без направленности на точное запоминание многое прочитывается поверхностно, даже если читается несколько раз. При заучивании в условиях направленности на точность запоминания «количество того, что доводится до ясного сознания, значительно повышается» [3, с. 60].

Направленность на точное запоминание дополняется кропотливой работой над языковыми явлениями и их осмыслением. Такого рода работа обязательно должна сопровождать заучивание наизусть любого материала, обладающего смысловой структурой – она не только облегчит и ускорит сам процесс выучивания, но запоминание будет более прочным и продуктивным.

Важно также помнить, что заучивание наизусть эффективно лишь тогда, когда выученный языковой материал регулярно повторяется через определенные интервалы во времени. Повторение может носить различный характер: быть одним из компонентов домашнего задания или проводиться на занятиях в аудитории. Необязательно повторять выученный материал в том порядке, в каком он заучивался наизусть, наоборот, целесообразно и полезно вводить его в новые комбинации. Психологи подчеркивают, что «повторение оказывается важным не только потому, что при повторном протекании процессов следы становятся более прочными, но и потому, что оно способствует большей осмысленности запоминания, более глубокого, точного запоминания того, что заучивается» [2, с. 84]. Психологи Дитце и Джонс вывели кривую сохранения в памяти текстов после однократного их прочтения. Данный график наглядно показывал, что наиболее интенсивное забывание усвоенного происходит в первые дни (1-20 дни), затем процесс забывания практически останавливается (21-70 дни) и отложившаяся в памяти информация остается почти в неизменном состоянии (71 день и далее). Поэтому, соответственно, наиболее активно повторение должно происходить в первые дни после введения материала, предназначенного для запоминания, но в то же время повторение должно быть длительно организовано во времени. Так, например, доказано, что повторение в течение 12 дней по 2 раза в день более эффективно, нежели повторение в течение 8 дней по три раза в день.

Целесообразно в первые два дня после введения нового материала проводить интенсивное и разнообразное его повторение, тогда как в последующем этому уделяется вдвое меньше времени с перерывами в определенные дни, когда внимание обучающихся будет переключаться на другой материал. В первую неделю повторение можно проводить с интервалом в два дня, в последующие две недели – три дня, а затем некоторое время раз в неделю возвращаться к усвоенному материалу.

ВЫВОДЫ

Итак, мы можем сделать вывод, что большое значение в процессе запоминания имеет организация запоминаемого материала, задание корректной и соответствующей целям обучения установки, что помогает сконцентрировать внимание во время процесса запоминания, а также корректная организация процесса повторения с учетом действия теории давности ассоциаций. Теория давности ассоциаций гласит, что всякие связи и ассоциации в процессе памяти приобретают большее значение только тогда, когда они длительны: чем длительнее ассоциации, тем больше их значение в запоминании.

Таким образом, осмысленное заучивание наизусть определенной части языкового материала в неязыковом вузе является необходимым и полезным видом работы, так как оно стимулирует мыслительную деятельность студентов, развивает их память, способствует накоплению нужных образцов. Однако заучивание наизусть должно рассматриваться только лишь как средство накопления «языкового багажа», который студенты обязаны научиться употреблять при общении на иностранном языке, и является одним из видов работы, предшествующих речевым упражнениям.

Список литературы

1. Грищенко Л.А. Психология восприятия, внимания, памяти / Л.А. Грищенко. – Екатеринбург, 1994. – 83 с.
2. Мусницкая Е.В. Новые тенденции и актуальные проблемы формирования умений иноязычного общения у студентов неязыкового вуза / Е.В. Мясницкая // Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе. – М., 2000. – С.83-84.
3. Рахманов И.В. Обучение устной речи на иностранном языке / И. В. Рахманов. – М., 1990. – 320 с.
4. Смирнова А.А. Проблемы психологии памяти / А. А. Смирнова. – М., 1996. – 422 с.
5. Соколова В.А. Формирование у студентов эффективных механизмов усвоения иноязычной лексики / А. В. Соколова // Вузовская наука - региону: Материалы третьей всероссийской научно-технической конференции. Вологда, 2005. – С. 193-195.

MEMORIZATION IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE

Girenko I.V.

The main goal of training foreign language in higher education institution is graduates ensuring with active mastery of foreign language as means of formation and a formulation of thoughts in the field of daily communication and in the field of the corresponding specialty. The purpose of this work is to study the features of the informative sphere of students, identification of effective mechanisms of foreign-language lexicon storing. Learning by heart is one of the forms of directed memorization which plays an essential role at mastering foreign language by the students and is subordinated to the active mastery of a foreign language as a communication medium.

When training students in a foreign language the organization of foreign-language material, including lexical one has paramount value that is in many respects connected with psychological age features of trainees. Memorization is the main mental process providing quality of learning and reproduction of any information, and in particular, foreign-language lexicon. Exactly thanks to storing, information is coded and remains in memory throughout human life. Concentration of attention is the cornerstone of storing. Successful mastering of a foreign language in many respects depends on amount of material which the student has fully and precisely remembered in the course of performance of a large number of exercises. By making exercises it is necessary to consider action of factors of arbitrary and involuntary storing. It is known that some part of material if it repeatedly repeats in various situations and is of interest to the students can be mastered by them without

special learning, that is involuntarily (lexicon); its other part can be acquired only at the directed learning, that is by arbitrary storing (the grammatical phenomena).

Memory performance also depends on the availability of mnemonic activities, which is aimed at continuous selective remembering or memorizing, accuracy in storing the content or remembered form, on the strength of the absorption of stored material, on the timeliness of the play.

Not only memory, but also thinking participates in learning foreign language. Therefore storing of language material has to rely on identification of its semantic structure, establishment of associative communications between its components. Accuracy is one of the characteristics of any learning by heart. Requirement of accuracy of storing can be imposed both to the content of material, and to a form of its expression. In this case difficult vigorous cogitative activity of the student takes place that already itself provides storing. Students at the same time have to have an accurate installation on the accuracy of memorization.

The orientation on exact storing is supplemented with laborious work on the linguistic phenomena and their judgment.

Such work surely has to accompany learning by heart of any material possessing semantic structure which will not only facilitate and accelerate process of studying, but storing will be stronger and productive. Memorization is only effective when the learned language material regularly repeated at certain intervals in time.

In the course of learning the organization of the remembered material, determination of the correct and appropriate aim at training purpose is of great importance that helps to concentrate attention during the memorization process, and also the correct organization of process of repetition taking into account the action of the theory of prescription of associations. Learning by heart of a certain part of language material in non-linguistic University is necessary and useful type of work as it stimulates cogitative activity of students, develops their memory, promotes accumulation of the necessary samples.

Keywords: vocabulary, mental process, lexical exercises, revision, the accuracy of memorization, cogitative activity.

УДК 811. 112. 2:070.41

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОЛОРИТА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ

Гурьев В. И., Евтихова И. М.

*ГБОУ ВО РК «КИПУ», г. Симферополь
E-mail: anytka1620@rambler.ru*

В данной статье рассматриваются особенности публицистического стиля на примере лексики немецкоязычных газет, их основные черты, дается характеристика аббревиатур и газетных заглавий. Анализируется вопрос, касающийся важности средств публицистики, ведь пресса это не только средство передачи информации, но и средство для пропаганды идей. В данной статье пресса представлена, как источник новой информации, которая может оказывать определенное влияние на читателя. Помимо всего прочего детально рассмотрен немецкий публицистический стиль, с его характерными особенностями и функциями, помимо всего прочего были приведены примеры газетных заглавий и аббревиатур. Процесс изучения лексического колорита прессы стал актуальным для исследования у студентов.

Ключевые слова: публицистика, заглавия, аббревиатуры.

ВВЕДЕНИЕ

Публицистический стиль представляет собой функциональную разновидность речи, обслуживающую широкую сферу общественных отношений: культурных, общественно-политических, спортивных и т.д.» [1, с. 95]. В самом полном и развернутом объеме публицистический стиль проявляется в газетах и общественно-политических журналах, и за это «его называют также газетно – или журнально-публицистическим стилем» [2, с. 76].

Цель исследования заключается в тщательном изучении немецкоязычных газет, таких как «Südkurier», «Leute», «Frankfurter Allgemeine», и особенностей немецкого публицистического стиля, а также определении его характерных признаков и черт.

Говоря о лексике немецкого публицистического стиля, можно сказать, что она имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, включает разговорные, просторечные и жаргонные элементы. Лексика, характерная для публицистического стиля, может употребляться и в других стилях: в официально-деловом, научном. Однако в публицистическом стиле она приобретает особую функцию – создать картину событий и передать адресату впечатления журналиста о тех или иных событиях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Стиль публицистики – очень важный стиль, с помощью него можно передать то, что нельзя передать другими стилями речи.

Немецкий газетно-публицистический стиль очень быстро развивается, динамично отражая социальное и культурное состояние германоязычного общества. За последние пятьдесят лет он претерпел существенные изменения в плане снижения декларативности и расширения содержательного и языкового диапазона.

Газетно-публицистический стиль образуется с помощью языка газет, общественно-политических журналов, памфлетов и т.д., несущих в себе политическую информацию. «Публицистический стиль обладает двумя основными функциями, которые тесно и неразделимо связаны между собой: информационной и воздействующей» [3, с. 85].

Информационная функция в публицистическом тексте заключается в передаче адресату тех или иных сведений и фактов. При этом полученные сведения используются лишь в том случае, когда они представляют непосредственно общественный интерес и не противоречат убеждениям, высказываемым автором текста.

«Воздействующая функция осуществляется благодаря системе языковых и неязыковых средств» [4, с. 96]. Публицистика направлена на активное вмешательство в социальную жизнь, формирование общественного мнения. И поэтому очень важной является ее воздействующая функция. Автор публицистического текста является не равнодушным человеком, который считает необходимостью запечатлеть те или иные события, являясь непосредственно их активным участником и комментатором. Его цель – убедить адресата в своей правоте, оказать влияние на читателя, внушить ему определенные идеи. Позиция автора является прямой и открытой.

Как и любой другой стиль, публицистический обладает теми или иными особенностями, отличающими его от других стилей. Публицистике свойственно отображать жизнь прямо, непринужденно, хронологически.

Функция воздействия определяется в большей степени формой выражения позиции автора. В публицистике авторская позиция выражается лаконично, открыто, четко и прямо, в отличие, например, от автора-художника, позиция которого находит выражение в многоплановой речевой и композиционной структуре художественного произведения.

Рассказы и стихотворения, написанные в газете, уже имеют отношение к художественному стилю, а различные постановления, указы и т.д. относятся к официально-деловому стилю, хотя наличие терминов, логичность изложения и присутствие нейтральных по стилистической окраске слов сближают публицистический стиль с научным и официально-деловым. Проведенное исследование показало, что признаком публицистического стиля являются эмоционально-воздействующие на читателя языковые средства. Наиболее распространенной языковой особенностью публицистического стиля являются языковые штампы. Публицистические штампы имеют двойную природу. С одной стороны, это устойчивые словосочетания, близкие официально-деловым клише («das trifft ins Schwarze (в яблочко)» [5, с. 15], «Das kommt nicht in Betracht (это не принимается во внимание)» [6, с. 1], «das geht auf keinen Fall (ни в коем случае)» [7, с. 17]. Многие из них являются перифразами, к ним можно подобрать однословные нейтральные синонимы («в яблочко» – «в точку», «угадывать»; «не принимать во внимание» – «не обращать внимание», «забыть»). Большинство этих фразеологизмов имеет устную природу; они появляются в текстах наряду с разговорной лексикой. Штампы также принято называть языковыми стандартами, которые в свою очередь помогают автору легко и доступно переложить информацию на газетный язык, тем самым сделав ее легко воспринимаемой для читателя.

Важной и неотъемлемой частью любого газетного текста являются газетные заголовки. Заглавие представляет собой первоначальное информирование читателя о тексте, статье, публикации. Он носит в себе содержательный элемент, краткую информацию с ноткой недосказанности, хотя в то же время его информативные возможности весьма и весьма велики. Заголовок способен обозначать всю тему в буквально нескольких словах. Здесь уже вступают в ход средства лексики, синтаксиса, морфологии и фонетики. В заголовках наблюдается большое количество устойчивых выражений, фразеологизмов, обиходно-повседневных фраз, историзмов и неологизмов [8, с. 13]. В качестве примеров послужили следующие заглавия:

Der Doyen des Finanzplatzes kämpft für die Börse – Глава дипломатического корпуса борется за справедливость

Die kleine Biathlon-Fee – Маленькая фея по биатлону

Auf den Spuren der Sandfresser – По следам поглотителя песков

Geht gut quer – Отлично едет поперек

Diabetes, die globale Krise – Диабет, глобальный кризис

Alte Pillen, neuer Nutzen – Старые таблетки, новая прибыль

Schubladen in unseren Köpfen – Тумбы в наших умах

Bessere Noten nach langen Schulpausen – Лучшие оценки после длительных школьных каникул

Die Leiden der Impressionisten – Страдания импрессионистов

An den eiskalten Rändern der Welt – На ледяных краях мира

Zahl der arbeitslosen Flüchtlinge steigt – Численность безработных беженцев растет

Mehr nachdenken als abschreiben lassen – Больше размышляй, чем позволяй списывать

Mathestunde, Kamera läuft – Урок математики, работает камера

Rausch und Strafe – Опьянение и наказание

Barrierefrei? Schön wär's! – Свободный доступ? Было бы не плохо!

Deutschlands Exporte überraschend zurückgegangen – Немецкий экспорт неожиданно сократился

Jobs mit Perspektive entdecken – Откройте для себя перспективные вакансии

Glück gleich Realität minus Erwartungen – Счастье равно реальность минус ожидания

Magische Momente in der Ferne – Волшебные моменты вдали

Kulturmetropolen aus neuen Perspektiven – Культурные столицы из новых перспектив

Orientalische Fülle und Exotik – Восточные богатства и экзотика

Помимо газетных заглавий, в качестве важной составляющей газетных страниц следует отметить и сокращения, или, как их принято называть, аббревиатуры. Аббревиатуры – это далеко не «пик новых идей» в области изучения лингвистических особенностей языка газет, но это не означает, что они мало кому интересны. Сокращения – это потрясающее явление в целом, ведь несколько букв могут в себе нести название государства, географическое местоположение, политический термин, экономическую формулировку и т. д. [9, с. 10]. В качестве примеров для исследования явились следующие аббревиатуры:

VG (Vermögenswerte) – Имущественные ценности

StVO (Straßenverkehrsordnung) – Правила дорожного движения

THW (Technisches Hilfswerk) – Служба технической помощи
SV (Sportverein) – Спортивное общество
LG (Landgericht) – Окружной суд
MdB (Mitglied des Bundestages) – Депутат бундестага
MTA (medizinisch-technische Assistent) – Ассистент врача
BRH (Bundesrechnungshof) – Счётная палата
BMZ (Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit) – Федеральное министерство по экономическому сотрудничеству
AsTA (Allgemeiner Studierendenausschuss) – Генеральный студенческий комитет
NOK (Nationales Olympisches Komitee) – Национальный олимпийский комитет
IQ (Intelligenzquotient) – интеллектуальный коэффициент
IRK (Internationales Rotes Kreuz) – Международный Красный Крест
HGB (Handelsgesetzbuch) – Торговый кодекс
GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung) – Общество с ограниченной ответственностью
DBP (Deutsche Bundespost) – Почта ФРГ
LP (Langspielplatte) – Долгоиграющая пластинка
GUS (Gemeinschaft unabhängiger Staaten) – Содружество Независимых Государств
FGB (Familiengesetzbuch) – Кодекс законов о семье
CAM (Computer Aided Manufacturing) – Автоматическая система управления производством.

Аббревиатуры заслуживают внимание исследователей, поскольку являются важным средством донесения информации до читателя при помощи нескольких букв [10, с. 37]. Подобный способ передачи информации является достаточно удобным, при этом он затрагивает минимум словесных знаков. На сегодняшний день исследователи испытывают большой интерес к различным аспектам изучения заголовков и аббревиатур, а именно таким, как синтаксический, функционально-стилистический, а также аспекту текстообразования.

«Заголовки и аббревиатуры довольно богаты на свою многозначность и это достигается путем применения в названиях текстов стилистически окрашенной лексики» [11, с. 6]. В заглавиях наблюдается частое употребление метафор, исходя из которых, по названию заголовка можно как догадаться о последующем изложении материала в статье, так и что называется «промахнуться».

Сегодня, спустя многое время со дня начальных изданий газет, просто нереально представить хоть одну газету, не содержащую стилистически маркированной лексики, которая служит своего рода окраской для материала, привлекающей внимание игрой слов и использованием особых конструкций синтаксиса.

ВЫВОДЫ

Обобщая вышесказанное, следует отметить тот факт, что в прессе используются не только определенные специфические газетные средства, но и все языковые средства, отличающиеся стилистической и эмоциональной нейтральностью. «Они служат для предания тому или иному тексту стилистической и эмоциональной окраски и являются по тем или иным причинам «удобным» или даже обязательным средством для осуществления некоторых коммуникативных задач» [12, с. 32].

Список литературы

1. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика: пособие для учителей / Л.Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 255 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1990. – 312с.
3. Брандэс М. П. Stilistik der deutschen Sprache: учеб. / М.П. Брандэс. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Высшая школа. – 1990. – 416с.
4. Розен Е. В. Газеты и журналы на немецком языке в школе: пособие для учителя / Е. В. Розен. – М.: Просвещение. - 1985. – 174с.
5. Südkurier, Nr. 191. Samstag, 19. August, 2006. 32 S.
6. Leute, Nr. 191. Samstag, 19. August, 2006. 63 S.
7. Frankfurter Allgemeine, Nr. 120. Donnerstag, 24. Mai, 2012. 51 S.
8. Горбунов А. П. Вопросы журналистики: автореферат / А.П. Горбунов. – Владикавказ, 1974. – 50 с.
9. Лазерева Э.Л. Заголовок в газете. – Свердловск : Изд-во Урал.ГУ, 1989.- 96 с.
10. Стам И.С. Язык газеты / И.С. Стам. М.: Изд-во МГУ, 1992. - 71с.
11. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192с.
12. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Е.Ф. Тарасов, Н.А. Безменова. – М.: Наука, 1990. – 136с.

THE FEATURES OF JOURNALISTIC STYLE BASED ON THE EXAMPLE OF LEXICAL COLOR OF GERMAN NEWSPAPERS

Guriev V.Y., Yevtihova I.M.

In this article under analysis are the features of journalistic style using the example of German-language newspaper lexis. The author considers its main features and gives the characteristics of abbreviations and headlines. The question under analysis appeals to the importance of the journalism, because the press is not only the way of giving information but the way of the propaganda of ideas. The author also considers the press as a stream of new information that can have an impact on the reader. The german journalistic style is considered by the author in details with its significant features and functions, moreover the writer gives the examples of newspapers' abbreviations and headlines. Nowadays the newspapers have become one of the greatest source of information. Being older than internet the newspaper still attracts our attention leaving such a long time of developing behind. It's rather easy to get the information from the newspaper because you can do it without modern technologies and light. The paper is our past, our present and future. The process of studying linguistic aspects has become rather interesting for the students as a research work.

Keywords: journalism, headlines, abbreviations.

УДК 070.19+81

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСМИССИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ О МАСЛЕНИЦЕ В ВОЛОГОДСКИХ СМИ)¹

Драчева Ю. Н.

*Вологодский государственный университет, г. Вологда,
e-mail: legora@list.ru*

В статье рассматривается функционирование иностилевых элементов в текстах современных медиа о народных праздниках как результат несформированности языка описания возрождаемых народных традиций. Приводится лингвокультурологическое описание публикаций локальных СМИ о праздновании Масленицы в Вологодской области в аспекте вопроса о преемственности культурной традиции. Ставится проблема неудовлетворительного развития языка описания народных календарных праздников в российской медиасфере. Автор приходит к выводу о том, что трансмиссия народной культуры, которая осуществляется в дискурсе массовой коммуникации, находится под воздействием таких факторов, как развлекательность и коммерциализированность, что приводит к карнавализации языка описания традиционных народных праздников. В статье анализируются такие экстралингвистические особенности трансмиссии народной культуры, как уменьшение значимости соответствующих культурных традиций в целом для общества, десакрализация культурных объектов.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык СМИ, народная культура, народные праздники, трансмиссия народной культуры.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях постмодернистского общества в современных дискурсивных практиках происходит процесс взаимопроникновения и взаимовлияния различных типов культур. Сегодня мы можем говорить о массовой культуре как феномене, стремящемся вобрать в себя, переработать и представить в новом качестве то, что ранее связывалось только с элитарной или народной культурой. К этому явлению вполне можно применить термин *симулякр* (Ж. Бодрийяр) как ложное подобие чего-либо. Критика массовой культуры, а также ее осмысление и сопоставление с традиционной народной и элитарной культурой представлено в работах отечественных ученых (К.З. Акопян, О.Ю. Биричевская, А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов, Л.Н. Дергунова, А.В. Захаров, А.В. Костина, Э.А. Орлова, Т.О. Семенова, Н.А. Руднев, А.Я. Флиер, Н.А. Хренов, Е.Н. Шапинская, и др.). В лингвистическом отношении взаимодействие традиционной народной культуры с другими её формами изучалось в работах В.А. Масловой, В.Е. Гольдина, С.Ю. Дубровиной и ряда других учёных, тем не менее данная тема остается актуальной.

На протяжении десятков лет русская медиасфера в содержательном отношении находилась в разрыве с местной народной культурной традицией. Когда в конце прошлого века появилась возможность возвращения ее в тексты средств массовой информации, то на страницы газет хлынул поток информации о «новых»

---

¹ Статья публикуется при поддержке гранта Президента РФ (соглашение МК 5977.2015.6, проект «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»).

культурных сферах, которые активно осваивались и обществом, и СМИ. Казалось бы, за прошедшие годы должна была сложиться устойчивая система описания возрождающихся традиций народной культуры в рамках существующих журналистских подходов к анализу и описанию окружающей нас действительности и общества. Однако этого не произошло, и сейчас следует обратиться к анализу языка описания традиционной народной культуры в журналистской практике, чтобы попытаться найти возможные причины данного явления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Передача культуры, которая осуществляется на основе предмета и деятельности, происходит на фоне трансляции языковых знаков, имеющих отношение к сфере бытования данного предмета и осуществления данной деятельности. От поколения к поколению передается культурный предмет, в котором «опредмечивается» некая способность, которая, в свою очередь, «распредмечивается» и усваивается в ходе деятельности по изготовлению нового культурного предмета. В то же время, как пишет Е.Ф. Тарасов, «культурный предмет может просто потребляться и не распредмечиваться – при этом у потребителя не возникает никаких способностей и культура в этом случае не играет роли генетической программы трансляции человеческих способностей» [8: 49]. Исследование, проведенное на материале публикаций о традиционных народных праздниках (в частности Масленице) в региональных СМИ Вологодской области (газеты «Премьер – новости за неделю», «Местная газета») за последние несколько лет, позволило определить некоторые особенности представления традиционной народной культуры в медиасфере.

Предметная и деятельностная форма культуры празднования Масленицы трансформируется в современном обществе и это отражается в публикациях в СМИ, что не может не «размывать» передаваемую культурную традицию еще в большей степени, ср.: *«в Кириллове от распространенного обычая – сожжения чучела Масленицы – было решено вообще отказаться: как и в прошлом году, Масленицу, изготовленную из воздушных шаров, выпустили в небо»* [1]. Не следует путать подобные публикации с описанием празднования Масленицы в «осовремененном» варианте, ср.: *«В Устюжне ... театрализованное представление с богатырскими забавами и масленичным столбом, куда будут взбираться смельчаки за призами. Гостей праздника ждет и катание на квадроциклах или электромобилях»* [6].

Атрибутом Масленицы, в наибольшей степени претендующим на роль «культурного предмета», является блин. Каждый год через средства массовой информации ведется разъяснение той символической роли, которую блин играет во время празднования Масленицы: *«блины, которые в изобилии пекли в этот день, как и всю предыдущую неделю, были символом ясного теплого солнышка и предстоящего теплого и щедрого лета»* [7]. Но в то же время блин как культурный предмет десакрализируется и низводится до уровня неизменного рекламного атрибута праздника: *«Любой мог полакомиться главным масленичным блюдом — блинами, чаем, выпечкой, приобрести сувенирную продукцию»* [4]; *«Были поставлены и другие рекорды местного значения — испечено 27 тонн блинов, которые полагалось*

заправлять десятью тоннами варенья» [5]; «Те, кому удалось их поест, были немало удивлены, что на тарелочку с блинами продавцы капали... кетчуп и майонез. Ни сметаны, ни меда, ни тем более икры к вологодским блинам почему-то не предлагалось» [3].

В текстах современных медиа, посвященных народным праздникам, в частности Масленице, сформировалась двойная система описания подобных событий. С одной стороны, представлены фрагменты текстов, транслирующих энциклопедическое описание праздника: «Масленица — это языческий праздник, один из немногих дошедших до наших времен. Чучело, которое сжигают в этот день, символизирует собой древнерусскую злую богиню Мару — символ зимы и суровых холодов» [7]. С другой стороны, в одном и том же тексте наблюдается эклектичное использование лексики современной и устаревшей, разговорной и книжной, народно-поэтической, религиозной, газетной: «Православная церковь считает, что смысл Сырной седмицы — примирение с ближними, прощение обид, подготовка к Великому посту — время, которое нужно посвятить доброму общению с ближними, родными, друзьями, благотворению. В современном народном понимании масленица — это возможность выплеснуть накопившуюся за зиму негативную энергию и погулять на славу»; «Были организованы игровые площадки как для взрослых — “Молодецкие забавы”, так и для детей — “Веселые старты”, “Веселое фото”»; «Масленичные гулянья развернулись сразу на нескольких площадках» [4].

Празднование Масленицы является одним из примеров карнавала в народной культуре в трактовке М. М. Бахтина и сопровождается «обрядовым смехом» [2]. На основе анализа публикаций местной прессы, посвященных традиционным народным календарным праздникам, можно сделать вывод об их «двойной карнавализации», то есть на естественную карнавализацию, проистекающую из самой сущности народного праздника, накладывается карнавализация искусственная, заключающаяся в насмешливо-ироничном отношении к празднику как таковому, что свидетельствует о продолжающемся отчуждении возрождаемых праздничных традиций и современной народной культуры.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в современной отечественной медиасфере возможно констатировать наличие проблемы описания как традиционных народных праздников, так и традиционной народной культуры в целом. Изображение значимых для русской культуры и менталитета объектов и событий в средствах массовой информации требует дальнейшего рассмотрения и изучения.

Список литературы

1. Анатольев А. Гуляй, Вологда / А. Анатольев // Премьер – новости за неделю. № 11 (805). – 19 марта 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premier.region35.ru
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
3. Давыдова В. В поисках утраченных блинов / В. Давыдова // Премьер – новости за неделю. № 9 (183). 27 февраля 2001 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premier.region35.ru
4. Жаренкова М. Широкая Масленица / М. Жаренкова // Премьер – новости за неделю. № 10 (701). 8 марта 2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premier.region35.ru
5. Ильинская О. Масленица, блин! / О. Ильинская // Премьер – новости за неделю. № 8 (751). 28 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premier.region35.ru
6. Кузнецов И. Как Вологодчина отмечает Масленицу / И. Кузнецов // Местная газета Вологодской области. № 3 (99). 11 марта 2016 г. – С. 1.
7. Литвинова Е. Зачем жгут? / Е. Литвинова // Премьер – новости за неделю. №10 (958). 15 марта 2016 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premier.region35.ru
8. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е.Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–53.

PECULIARITIES OF FOLK CULTURE TRANSMISSION IN MODERN MEDIA LANGUAGE (ON THE CASE OF VOLOGDA MEDIA'S PUBLICATIONS ON PANCAKE WEEK)

Dracheva Ju. N.

The paper deals with analyzing elements of different styles in the texts of modern media about folk festivals as a result of deficiency of the language which can be used to describe reviving popular traditions. In the article, cultural and linguistic description of the publications during the Pancake Week in the Vologda region of Russia in local media is given in the aspect of continuity of cultural tradition. The problem of unformed language of the description of folk calendar holidays in Russian media sphere is discussed. The author concludes that transmission of folk culture, which is carried out in the mass media discourse, is influenced by a number of factors, e.g. entertainment and commercial nature of modern media, that leads to carnivalization of language used to describe traditional folk festivals. The author also analyzes extralinguistic features of folk culture transmission, e.g. reducing importance of this cultural traditions in the Russian society, desacralisation of cultural objects.

Key words: cultural linguistics, media language, folk culture, folk festivals, folk culture transmission.

УДК 373.2

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Комиссарова Т.Г.

*Вологодский государственный университет, г. Вологда,
e-mail: filfak@list.ru*

В тексте комментируется проблема развития коммуникативной компетентности детей 2-4 лет, обращается внимание на особенности формирования её языковой, предметной и прагматической составляющих. Рассматриваются преимущества работы с детьми по программам, стимулирующим речевое развитие ребёнка в процессе театрализованной деятельности. Представлены результаты внедрения авторской программы «Развитие речи. Театральные игры». Эта программа, реализуя методологические принципы логоритмики и артпедагогики, формирует в сознании детей образное представление о мире, закреплённое в слове, улучшает коммуникативные качества детской речи. Опыт внедрения программы в практику работы детской школы искусств «Пируэт» г. Вологды с 2011 по 2016 годы показывает, как совместная творческая деятельность детей и педагогов способствует повышению коммуникативной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: методика развития речи, дошкольное образование.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем обучения дошкольников является формирование их коммуникативной компетенции. Это особое качество речевой личности, обеспечивающее её адекватное участие в процессах информационного обмена. Развивая коммуникативную компетенцию, следует принимать во внимание такие её составляющие, как **языковая** компетенция, определяемая знанием единиц языка и правил их соединения, **предметная** компетенция, основанная на соотношении значений слов с явлениями реальной, внеязыковой действительности, **прагматическая** компетенция, демонстрирующая владение правилами отбора и организации языкового материала в процессе речи с опорой на специфику коммуникативной ситуации или стилистический контекст речи. Высокий уровень развития коммуникативной компетенции обеспечивает формирование таких коммуникативных качеств речи, как *правильность, логичность, точность, чистота, выразительность, уместность*. Формирование коммуникативной компетенции человека наряду с охраной его биофизического здоровья, развитием интеллекта и эмоциональной сферы, обеспечением реализации культурно-нравственного потенциала рассматриваются как необходимые составляющие развития и накопления человеческого капитала в современном обществе [Стрижакова, 2013].

Формирование коммуникативной компетенции у современных дошкольников связано с решением ряда социокультурных, личностно-психологических и лингводидактических проблем. В частности, это увеличение рождаемости, которое на фоне достаточно сложного экономического положения во многих российских регионах влечёт за собой проблему квалифицированного педагогического сопровождения детей дошкольного возраста, оказания им квалифицированных образовательных услуг. Следует также принимать во внимание то, что развитие речи современного ребёнка происходит в условиях воздействия неблагоприятных техногенных

и антропогенных факторов. Это, например, влияние компьютерных технологий, ориентированных на общение в виртуальном мире, развивающих визуальную коммуникацию в ущерб аудиальной и кинестетической. Это также весьма высокий уровень коммуникативной агрессии в современном мире, влияющий на стратегию речевого поведения детей и взрослых.

Возникает проблема: как создать в процессе обучения доброжелательную коммуникативную среду и обеспечить сбалансированное развитие всех составляющих коммуникативной компетенции дошкольника?

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Среди многочисленных публикаций, посвященных проблеме раннего развития коммуникативной компетенции детей обращают на себя внимание опыты российских и зарубежных педагогов, в практике работы которых осуществляется синтез аудиального, визуального и кинестетического восприятия речи. Это, например, исследования логоритмического направления, представляющие комплексную методику развития речи, включающую в себя сопряженные музыкально-ритмические движения (музыкотерапия), лечебные физические упражнения (кинезитерапия), а также собственно логопедические упражнения). **Логоритмика** возникла как активная терапия, предназначенная для преодоления речевых нарушений путем сочетания речевой деятельности с музыкой и движением. Основы этого направления были заложены в конце XIX века швейцарским композитором и педагогом Э. Жаком-Далькрозом [Жак-Далькроз Э., 2006], в российской педагогике это учение получило своё творческое развитие в трудах Г.А. Волковой [Волкова Г.А., 2003]. Как одна из важнейших составных частей логоритмика входит в состав такого направления педагогической деятельности, как **артпедагогика**. Это направление, о мнении Е.А. Медведевой, представляет собой «совокупность психокоррекционных методик, принадлежавших как к определенному виду искусства, так и являющихся технологией адаптогенного, профилактического, лечебного и коррекционного применения (музыка – музыкотерапия; изобразительное искусство – изотерапия; театр, образ – имаготерапия; литература, книга – библиотерапия; сказки – сказотерапия; танец, движение – кинезитерапия (танцетерапия, коррекционная ритмика, психогимнастика) и др.)» [Медведева, Левченко, Комиссарова, Добровольская, 2001]. Эти методики включают слово в контекст более сложной коммуникативной деятельности, обеспечивая тем самым освоение ребенком языковых ресурсов (**языковая** компетенция) и закрепление в его сознании взаимодействия между явлениями реальной действительности и элементами языка (**предметная** компетенция). Возникает вопрос: как активизировать в процессе формирования коммуникативной компетентности развитие ее **прагматической** составляющей, как расширить круг коммуникативных ситуаций в процессе раннего развития детской речи? Ответ на этот вопрос дает разработанная нами программа «Развитие речи. Театральные игры».

ФОРМУЛИРОВКА ЦЕЛИ, ЗАДАЧ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель нашей работы – представление авторской программы «Развитие речи. Театральные игры» в контексте актуальных проблем раннего речевого развития как средства повышения коммуникативной компетенции обучаемых в процессе проявления их креативных способностей. **Методологической базой** проекта является деятельностная концепция современного образования (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин и др.), а также учение о коммуникативно ориентированном развитии детской речи (С.Н. Цейтлин, А.В. Запорожец, М.И. Лисина и др.). **Объект изучения** – процесс формирования коммуникативной компетенции у ребёнка 2,5 – 5 лет. **Предмет анализа** – система психолого-педагогических воздействий, обеспечивающая формирование коммуникативной компетенции детей. **Основной метод** исследования – формирующий эксперимент, направленный на создание в образовательной деятельности ребёнка речевых ситуаций, способствующих развитию коммуникативной компетенции.

Суть нашей программы состоит в том, что в процессе развития коммуникативных навыков у детей 2–4 лет мы соединили достижения разных наук: лингвистики детской речи, коммуникативной психологии, культурологии и методики обучения языку. Это стало возможным в результате внедрения различных информационных блоков в практику театрализованной деятельности. Разработанная нами программа «Развитие речи. Театральные игры» учитывает сензитивные периоды в развитии речи ребёнка, разработана в соответствии с базовыми идеями дошкольного образования, обозначенными Федеральным государственным образовательным стандартом [Театрализованная деятельность в ДОУ в соответствии с ФГОС].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

По мнению Л.С. Выготского, развитие речи у детей тесно связано не только с «интеллектуальным развитием, но и с формированием характера, эмоций и личности в целом» [Выготский, 1999]. Реализовать поставленные задачи в процессе развития коммуникативной компетенции можно лишь при условии разнообразия речевой практики ребёнка в максимально комфортных для него психологических условиях. Такие возможности обеспечивает **театрализованная деятельность**. Этот вид деятельности направлен на развитие у ее участников ощущений (сенсорики), чувств, эмоций, мышления, воображения, фантазии, внимания, памяти, воли, а также многих умений и навыков (речевых, коммуникативных, организаторских, двигательных и так далее).

Программа предназначена для детей в возрасте от 2 до 4–5 лет, рассчитана на 3 года обучения и включает в себя такие тематические блоки, как «Животный мир», «Времена года», «Путешествие по странам» и др. Текстовую основу занятий составляют произведения устного народного творчества, детской художественной литературы, а также материалы периодической печати, адаптированные для детского восприятия. В процессе работы с детьми мы опираемся на игровые методики, используем большое количество тематических игр и богатый арсенал дидактиче-

ских игрушек, соединяя в процессе театрализованной деятельности слово, визуальный образ, музыку и движение. Всё это создает возможность для формирования гармоничной личности маленького человека, овладения им родным языком, с его традициями и красотами.

Приведём примеры используемых нами **тематических игр**. Так, народная игра «Комарики» помогает детям расширять свой лексический запас, запоминать названия частей тела человека. Повторяя слова игры «*дарики-дарики, злые комарики вились, кружились, в щечки вцепились!*» и показывая ручками комариков, дети пощипывают себя за названную в игре часть лица или тела. Таким образом, наряду с самомассажем, немаловажным для развития ребёнка, происходит запоминание слов-названий частей лица и тела. Злые комарики «кусают» за щечки, колени, локоточки и т.д., а дети запоминают слова. Важен также применяемый здесь приём т.н. «якорения»: в момент называния части тела на неё оказывается физическое воздействие – пощипывание.

Используя метод **сопряженного проговаривания** вместе с педагогом потешек, прибауток о животных, маленькие дети легко запоминают их названия. Игры, текстовой основой которых являются потешки и прибаутки о животных, имеют ярко выраженную ритмизацию движений: дети в процессе игры подражают движениям и голосу животного, копируют его привычки и повадки.

Рано-рано поутру	Наши гуси у пруда –
Пастушок: «Ту-ру-ру-ру!»	Га-га-га! Га-га-га!
А коровки в лад ему	А индюк среди двора –
Зянули: «Му-му-му!»	Бал-бал-бал! Балды-балда!
Ты, Буренушка, ступай,	Наши гуленьки вверху –
В чисто поле погуляй,	Грру-грру-грру-у-у-у!
А вернешься вечером,	Наши курочки в окно –
Нас напоишь молочком.	Ко-ко-ко-ко-ко-ко!
Наши уточки с утра –	А как Петя-петушок
Кря-кря-кря! Кря-кря-кря!	Рано-рано поутру
	Нам споет ку-ка-ре-ку!

Рассматривание игрушек как метод уточнения, закрепления и активизации словаря также является очень эффективным [Тихеева, 1981]. Содержание и подбор игрушек (люди, животные, птицы) определяются задачами развития речи на каждом отдельном занятии. Так, знакомство с куклой-вологжанкой из коллекции «Куклы в народных костюмах» издательского дома Де Агостини [Куклы в народных костюмах] активизирует на занятии ситуацию приветствия, рассказа о себе и о кукле, а также обращения к таким сферам речевой культуры, как описание родного края, знакомство с местными словами и произведениями фольклора. Занятия с дидактическими игрушками стимулируют речевую активность детей, способствуют речевому подражанию, тем самым развивая коммуникативную функцию речи.

На занятиях мы также активно используем метод **загадывания и отгадывания загадок**. Ценность этого метода состоит в том, что он позволяет эффективно упражнять ум, развивать мыслительные способности, углублять и уточнять знания о

предметах и явлениях. Загадки, наряду с другими малыми формами фольклора, помогают детям осваивать образный строй русской речи, овладевать выразительными средствами языка. Отгадывание загадок на наших занятиях также сопровождается введением новых слов. В момент активизации мыслительного процесса во время отгадывания загадки и новые слова запоминаются успешнее.

Незаменим в работе по раннему развитию речи и метод **заучивания и произношения скороговорок**. Дети проявляют активный интерес к подобным упражнениям. В этот момент, помимо работы над произношением звуков и тренировки артикуляционного аппарата, также активно усваиваются и новые слова и понятия.

И, наконец, неоценимую помощь педагогу оказывает **работа со сказкой**. На занятиях дети не только слушают сказки, но и тут же вместе с педагогом разыгрывают их. В этот момент можно, помня о том, что психологи справедливо критикуют многие методики раннего развития речи за механическую, бездумную повторяемость речевых действий, избежать этого недостатка. Когда ребенок должен несколько раз произнести слова своего персонажа (мышки, лисички, волка и др.), сначала можно просто повторить текст, без движения, потом разнообразить его мимикой, далее включить движение, создать необходимые мизансцены и пр.

Важным компонентом наших занятий является их музыкальное сопровождение, в частности, совместное с педагогом **пение** – разучивание различных песен, попевок, игр с пением и танцевальными движениями, типа хороводной игры «Зайка, попляши». Музыка, как известно, оказывает самое сильное эмоциональное воздействие, а эмоциональная память гораздо сильнее механической. Поэтому на всю жизнь врезаются нам в память выученные в детстве песни: «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок», «Жили у бабуси два веселых гуся» и др.

Комплексное использование всех перечисленных методов на занятиях по программе «Развитие речи. Театральные игры» позволяет в игровой форме активно обогащать словарный запас детей, решая при этом основные задачи по всестороннему развитию познавательно-речевой деятельности и образного мышления ребенка в рамках воспитания гармоничной личности в традициях национальной культуры русского народа.

Подготовленная и апробированная нами программа «Развитие речи. Театральные игры» весьма актуальна в свете проблем онтолингвистики, учения о детской речи. Разработанная на основе деятельностной концепции современной педагогики, реализующая методологические основы логоритмики и артпедагогики, данная программа обеспечивает целенаправленное, поступательное усложнение речевой практики ребёнка в условиях положительной мотивации его речевой активности в процессе театрализованной игровой деятельности.

ВЫВОДЫ

Разработанная нами программа «Развитие речи. Театральные игры» была апробирована в течение четырех лет на базе детской школы искусств «Пируэт» г. Вологды. К концу обучения у детей наших групп (в сравнении с их сверстниками, не участвующими в программе) лучше развиваются навыки артикуляции, быстрее пополняется словарный запас, более активно проявляются процессы словотворчества, лучше усваиваются нормы грамматики, расширяется арсенал языковых средств выражения эмоций. Дети более осознанно используют нормы речевого этикета, легче приобретают навыки взаимодействия в детском коллективе. Это значит, что наша программа действительно способствует повышению уровня коммуникативной компетенции детей-дошкольников. Мы считаем, что данная программа может быть использована другими образовательными учреждениями, а также может представлять интерес для общественных организаций, занимающихся образованием и воспитанием дошкольников, а также для родителей, заинтересованных в развитии коммуникативной компетенции своих детей.

Список литературы

1. Волкова, Г.А. Логопедическая ритмика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Г.А. Волкова. – М.: Владос, 2002. – 272 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.2.
3. Жак-Далькроз, Э. Ритм / Э. Жак-Далькроз. – М: Классика, 2008. – 248 с.
4. Куклы в народных костюмах. Вып. 1–90. М.: Де Агостини, 2012–2015 <http://dolls.deagostini.ru/> (режим доступа: 20.11.2015).
5. Медведева, Е.А [и др.] Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Е.А. Медведева., И.Ю. Левченко., Л.Н. Комиссарова Т.А. Добровольская. – М.: Академия, 2001. – 248 с.
6. Стрижакова, Е.Н. Человеческий капитал и проблемы формирования его структуры, измерения и методов оценки / Е.Н. Стрижакова // Государственный советник. – 2013. – № 2. – С. 28–41.
7. Театрализованная деятельность в ДОУ в соответствии с ФГОС // <http://www.maam.ru/detskijasad/teatralizovanaia-dejatelnost-v-dou-v-sotvetstvi-s-fgos.html> (режим доступа: 20.11.2015).
8. Тихеева, Е.И. Развитие речи детей раннего и дошкольного возраста / Е.И. Тихеева. – М., 1981. – 111 с.

DEVELOPMENT OF THE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF CHILDREN IN THE COURSE OF THE DRAMATIZED ACTIVITY

Kommissarova T. G.

Development of communicative competence of children (2-4 years old) is under analysis. The results of author's program "Development of the speech. Theatre games" are described in the text. This program, implementing the methodological principles of logarithmic and artpedagogic forms in the mind of children imaginative representation of the world fixed in the word, improves the communicative quality of children's speech. The program implementation experience in the practice of children's artschool "Pirouette" (Vologda from 2011 to 2016 shows how the unified creative activity of children and teachers contributes to the improvement of communicative competence of children.

Keywords: a technique of development of speech, preschool education.

УДК 811.161.1:070

К ВОПРОСУ О МАРКЕРАХ ОЦЕНОЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

У.О. Малярчук-Прошина

Таврическая академия (структурное подразделение)

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
e-mail: maljarchuk.uljana@rambler.ru*

В статье рассматриваются маркеры выражения оценочности в современных публицистических текстах. В информационном обществе именно средства массовой информации в значительной мере формируют те ценностные приоритеты, которые усваивает социум. В связи с этим можно рассматривать оценочность как неотъемлемую черту публицистического стиля. При этом в современных медиатекстах используются оценки двух типов: открытая (имплицитная) и скрытая (эксплицитная). В публицистике категория оценочности может реализовываться посредством выбора и классификации фактов, использования эвфемизмов или сочетания эвфемизма с иронией либо контекстуальной оценкой. Также яркими особенностями современного публицистического дискурса являются использование идеологем, создание оценочного контекста интертекстуальность и языковая игра. При этом все указанные стилеобразующие черты современных публицистических текстов используются как средство реализации оценочности.

Ключевые слова: оценочность, медиадискурс, языковая игра, интертекстуальность, идеология.

ВВЕДЕНИЕ

Разнообразные предметы, явления, факты действительности оказывают значительное влияние на индивида, способствуя выработке того или иного отношения к окружающему миру за счет формирования личностных мнений и оценок. Таким образом, человека нельзя рассматривать только как созерцателя, все предметы человеческой деятельности, разнообразные социальные отношения и природные явления выступают как объекты ценностного отношения. На современном этапе развития информационного общества именно средства массовой информации в значительной мере формируют те ценностные приоритеты в политической, общественной, культурной жизни, которые усваивает социум. Таким образом, медиатекст является своего рода проводником традиционных или новых социально-культурных ценностей, средством для их сохранения или изменения. Публицистические тексты призваны решать две задачи: распространять информацию и воздействовать на общество. В связи с этим можно рассматривать оценочность как неотъемлемую черту публицистического стиля. Таким образом, исследование способов реализации оценочности в медиатекстах представляется *актуальным*.

Цель данной статьи – рассмотреть основные стилеобразующие черты современных публицистических текстов с позиции их использования для выражения оценки.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В публицистике, по мнению исследователей, категория оценочности может реализовываться посредством выбора и классификации фактов, а также путем описания указанных фактов с той или иной позиции. При этом в современных медиатекстах используются завуалированные приемы манипулирования сознанием аудитории, что позволяет ученым говорить о наличии оценочности двух типов: открытой или имплицитной, которая заложена непосредственно в значении, и скрытой (эксплицитной), проявляющейся в специфике конкретного словоупотребления [3].

Примером имплицитной оценки в публицистическом дискурсе может служить употребление эвфемизмов: «К сожалению, юридическая аргументация КСУ в решении № 20-рп/2010 удивляет своим легкомыслием и «лаконичностью» [ЗН, №41, 06 ноября 2010] (Если словарная трактовка прилагательного лаконичный – это жато выраженный, немногословный, отличающийся лаконизмом, то в указанном тексте: лаконичный выступает как сумма значений «несправедливая» или «сфабрикованная»); Первородный же грех вторичности искупаем трудами праведными, а не посыпанием головы пеплом. И проанализируем наконец последний состав Верховной Рады, где значительна часть «избранников» под народным омофором крадет или крышует воров [ЗН, №20, 03 июня 2011] (ИЗБРАННИК (книжн. ритор.). Лицо, избранное для исполнения важных обязанностей. В тексте статьи: избранник используется в значении «вор»); На 20-м году «независимого» ТВ во всем господствует триединый репертуарный принцип: ржать, жрать, врать. На этой ниве, согласитесь, наше ТВ достигло бешеных экономических успехов (На экране: участники ежевечернего телебалагана. Какой смысл их перечислять?) [ЗН, №32, 02 сентября 2011] (Согласно толковому словарю, НЕЗАВИСИМЫЙ 1. Самостоятельный, не находящийся в зависимости, в подчинении. 2. Представляющий собою особую политическую группировку (полит. и спец.). 3. Пользующийся суверенитетом, самостоятельностью в международных отношениях (полит.). В тексте статьи: независимое имеет скорее отрицательную коннотацию, «некачественное», «жалкое», «низменное»).

Стоит отметить, что проведенный нами анализ текстов СМИ политической и социальной тематики свидетельствует, что использование эвфемизмов является не слишком распространенным. Гораздо чаще встречаются примеры использования сочетания эвфемизма с иронией либо контекстуальной оценкой.

Подобные контексты в значительной степени схожи с высказываниями с эксплицитно выраженной оценкой вследствие использования имен нарицательных, устойчивых выражений и слов с факультативным оценочным компонентом [2], поскольку формирования оценочного смысла базируется не столько на значении самих лексем в высказывании, сколько на соотношении их семантики с фоновыми знаниями участников коммуникации.

Контекст, в котором заложена оценочность, далеко не всегда ограничен одним предложением. Так, оценочное значение зачастую дополняется путем объяснения причин или целей его высказывания. По мнению ученых, оценка может проявляться как вывод из описания, или, наоборот, предварять контекст, разъясняющий основания для ее формирования. Следовательно, формирование оценочного контекста

ста может осуществляться либо дедуктивно (от оценки к ее аргументации), либо индуктивно (от перечисления фактов к оценке [7]. *Одесский строитель Сергей Дейкун стал «уголовником», готовясь поздним июньским вечером ко сну. Около 23 часов в комнату общежития, где он проживал на законных основаниях, вошла группа милиционеров, один из которых объявил: проверка соблюдения паспортного режима. Второй понятой Александр Аристов числится приписанным в доме №1 по Студенческому переулку, хотя по этому адресу не проживает, также является наркоманом и «штатным понятым» для подписи любых бумаг по указанию своего куратора — «борца с наркотиками» Форманчука [ЗН, № 30, 21 августа 2010] (Лексема УГОЛОВНИК (простореч.) означает 1. Уголовный преступник. 2. Адвокат по уголовным делам. В данном случае она использована в переносном, ироничном значении, «стать уголовником» – быть привлеченным к уголовной ответственности по сфабрикованным доказательствам); *Балога просит Литвина перейти на зимнее время [ЗН, №36, 05 октября 2011] (Комментарий: содержание заголовка раскрывается в следующей цитате: «Министр чрезвычайных ситуаций Украины Виктор Балога просит главу Верховной Рады Владимира Литвина инициировать пересмотр решения парламента об изменении порядка исчисления времени в Украине. Об этом сообщила пресс-служба МЧС»).**

По мнению Л. Гуслистой, отрицательная оценка может выражаться не только посредством номинаций субъекта, совершившего нечто предосудительное, но собственно в характеристике подобного поступка. С целью выражения этических претензий журналист зачастую воссоздает поступки, которые являются релевантными для обозначения аксиологического статуса. Исследователь отмечает, что для контекстов с отрицательной оценкой характерна определенная информационная недостаточность. Л. Гуслистая объясняет эту черту тем, что в данном случае мы имеем дело не с подробным описанием конкретной ситуации, а с выражением субъективного отношения к ней [1]. Как следствие, наблюдается использование достаточно большого диапазона выразительных средств языковых, содержащих негативную оценку способа реализации действия, потенциально опасного для общества. Например, *При свете дня наших читателей нагло облапошили политические наперсточники [ЗН, №42, 13 ноября 2010].*

Ученые обращают внимание на то, что для дискредитации субъекта и снижения его ценностной позиции может использоваться прием контрастного выделения поступка, противоречащего общественным интересам или нормативными ожиданиями. В связи с чем для контекста осуждения характерно преобладание интерпретативных компонентов, а не фактов [1]. В подобных случаях СМИ обращаются к наиболее распространенным моральным категориям, например, добро и зло, а этические понятия ответственности, наказания, вины и пр., приближают осуждение к обвинительному приговору [2]. Например: *Кто ответит за исчезновение и гибель журналистов? Доколе мы будем сетовать на многомиллионные убытки, которые несет государственная казна, и при этом быть безмолвными свидетелями сколачивания на взятках и на отчуждении госсобственности миллиардных состояний [ЗН, №20, 03 июня 2011].*

Для публицистического дискурса характерно использование идеологем. Н. Клушина [4] считает, что идеологемы наиболее ярко проявляются именно в публицистическом подстиле. Обращение к идеологемам призвано решить задачу целенаправленного влияния автора сообщения на сознание адресата посредством заданной идеи [3, с. 37]. Такая идея носит скорее обобщенный характер и позволяет ориентировать общественное сознание в конкретном направлении. Закономерно, что в текстах масс-медиа транслируются те идеологемы, которые связаны с политической установкой конкретного СМИ [5, с. 1]. *«Завершилась очередная «хрущевская перестройка». В Украину пришло невиданно жаркое лето и политическая засуха, а точнее, зима. В украинском «океанеэльзы» стало действительно «Холодно»* [ЗН, №30, 21 августа 2010]; *«Так что пришло время выкручивать руки авторам в угоду господам-шевалье и «товарищам» с их совковым видением роли истории? Кому нужны сегодня эти неоспоримые факты, когда мы (русские, украинцы, белорусы), по словам посла РФ М. Зурабова, «единый народ»?* [ЗН, №32, 04 сентября 2010]; *«И первую свою «пятилетку» отработает ударно. Отлично! «Больше хороших товаров!» — для телевизионных трутней-потребителей. «Экономия не должна быть экономной!» — если раскатали губу на калорийное телевизионное удовольствие. Все у него четко. Форма схвачена, суть подмечена»* [ЗН, №40, 30 октября 2010].

В проанализированных нами материалах идеологемы используются не слишком часто, в большинстве случаев они представлены советскими лозунгами, штампами. При этом, данные элементы в основном употребляются в ироничном контексте.

Также яркими особенностями современного медиадискурса являются интертекстуальность и языковая игра, «что свидетельствует в целом о возросшей экспрессивности данного подстиля, в котором реализуется установка современного автора-публициста на творчество, а не стереотип» [4].

В публицистическом тексте нередко соотносятся прямое значение широко известного устойчивого выражения и «обновленное» значение, благодаря чему его семантика структурно или семантически изменяется, добавляются новые смысловые или экспрессивные оттенки. Такой прием провоцирует более активную мыслительную деятельность у адресата сообщения. «Ассоциативные нити, возникающие при этом у читателя, связывают преобразованную цитату с ее общеизвестным источником и создают яркий экспрессивно-стилистический эффект» [9, с. 81]. Например: *«О пользе, не о благодати»* [ЗН, №03, 30 января 2010] (Отсылка к памятнику древнерусской литературы – «Слово о законе и благодати»); *«Хочешь жить — верти уменьем! Следуя этой формуле, решил эффективно отформатировать прежде не очень успешный «Тонис» известный шоу-продюсер Юрий Никитин. Получилось забавно. «Тонис» как-то сам собою адаптировался в «фауну, которая поет»* [ЗН, №32, 04 сентября 2010] (Отсылка к названию фильма «Женщина, которая поет» (СССР, 1978 г.); *«Часовню тоже я развалил?..»* [ЗН, №25, 08 июля 2011] (Комментарий: отсылка к высказыванию киноперсонажа Шурика (х/ф «Кавказская пленница»).

Интертекстуальность как прием привлечения читательского внимания активно используется журналистами, в частности распространено цитирование по-

словicc и поговорок (*молодым везде у нас дорога*), литературных произведений («*чтобы в мире без России и Латвии жить единым человеческим общежитием*», «*итоги кампании: что день вчерашний нам готовит*», «*графиня изменившимся лицом...*»), кинематографа («*Назад в будущее*», «*Фауна, которая поет*», «*Все умрут, а я останусь?*»).

Нередко для выражения оценки используется языковая игра. Это понятие, первоначально появившееся благодаря теории Л. Витгенштейна, сегодня вошло в научный обиход и может рассматриваться как одно из ключевых в современной культуре. По мнению Л. Витгенштейна, языковая игра является определенной моделью коммуникации или текста, в которой слова используются в строго определенном смысле. Я. Хинтикка предложил собственную теоретико-игровую интерпретацию языка, основанную на том, что определенное условие, которое закреплено в грамматической структуре предложения, определяется адресантом как игровое и опирается на таких «игроков», как «Я» и «реальность» [6, с. 1155].

Данная теория получила развитие в работах многих ученых-лингвистов. В. Санников рассматривает понятие языковой игры, как относящееся к области общения и определяет его как «украшательство» речи, чаще всего принимающее форму «остроты, каламбура, шутки» [8, с. 138]. Н. Клушина обращает внимание на то, что целью языковой игры является привлечение внимания аудитории посредством шутки, юмора [4]. Таким образом, в отечественной научной традиции языковую игруппирно рассматривать скорее как форма «комической» коммуникации: *Газовую трубу проложили через суды* [ЗН, № 01, 15 января 2010]; *О «маленьком человеке» по большому счету* [ЗН, №02, 23 января 2010]; *Судебные неисполнители* [ЗН, №03, 30 января 2010]; *Каннское «Древо жизни» на голливудской пилораме* [ЗН, №22, 17 июня 2011] (Используются метафоры с элементами игры слов (картины, представленные на Каннском фестивале, принимают участие в церемонии награждения Американской киноакадемии); *Хороша «Russia», но не наша* [ЗН, №37, 14 октября 2011] (по аналогии: Хороша Маша, да не наша).

ВЫВОДЫ

Разнообразные предметы, явления, факты действительности оказывают значительное влияние на индивида, способствуя выработке того или иного отношения к окружающему миру за счет формирования личностных мнений и оценок. На современном этапе развития информационного общества именно средства массовой информации в значительной мере формируют те ценностные приоритеты в политической, общественной, культурной жизни, которые усваивает социум. Публицистические тексты призваны решать две задачи: распространять информацию и воздействовать на общество. В связи с этим можно рассматривать оценочность как неотъемлемую черту публицистического стиля.

В публицистике, по мнению исследователей, категория оценочности может реализовываться посредством выбора и классификации фактов, а также путем описания указанных фактов с той или иной позиции. При этом можно говорить о наличии в современных медиатекстах оценочности двух типов: открытой и скрытой.

Примером имплицитной оценки в публицистическом дискурсе может служить употребление эвфемизмов. Также яркими особенностями современного публицистического дискурса являются использование идеологем, создание оценочного контекста интертекстуальность и языковая игра. Каждая из этих черт может рассматриваться как маркер оценочности медиадискурса.

Список литературы

1. Гуслиста, Л. О. Негативна етична оцінка в контекстах осуду (на матеріалі сучасної публіцистики) [Текст] : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Л. О. Гуслиста; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2002. – 16 с.
2. Егорова, Л. Г. О некоторых особенностях дискурса современных масс-медиа / Л. Г. Егорова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2012. – Том 25 (64) № 3. Часть 1. – С. 311-317.
3. Клушина, Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты [Текст] / Н. И. Клушина // Русская речь. – 1996. – № 5. – С. 37.
4. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля [Электронный ресурс] / Клушина Н. И. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#з_03
5. Мелетинский, Е. М. Чувство меры [Текст] / Е. М. Мелетинский // Наше наследие. – 1990. – № 2. – С. 1-3.
6. Новейший философский словарь [Текст] / сост. и гл. н. ред. Грицанов А. А. – 3-е изд., испр. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
7. Полякова, Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Полякова. – Саратов, 2001. – 201 с.
8. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В. З. Санников. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 541 с.
9. Шалимова, Г. С. Форма новая – проблемы старые : (об одной модели газетного заглавия) [Текст] / Г.С. Шалимова // Журналистика и культура русской речи. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 81.

MARKERS EXPRESSION EVALUATION IN MODERN JOURNALISTIC TEXTS

Malyarchuk-Proshina U.O.

The article deals with markers expression evaluation in modern journalistic texts. In the information society it is the media largely shape those values priorities that society learns. In this regard, it can be regarded as an integral feature of evaluative journalistic style. In the modern media texts use the estimates of two types: open (implicit) and hidden (explicit). In the journalism category appraised can be realized through the selection and classification of the facts, the use of euphemisms or a combination of euphemism to irony or contextual assessment. Also striking features of contemporary journalistic discourse are the use of ideologies, the creation of the assessment context of intertextuality and language game. At the same time all of these trailblazing features of modern journalistic texts are used as a means of implementing the Evaluation.

Keywords: assessment, media discourse, language game, intertextuality, ideologem.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'373.7:179.8

ПОРОКИ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Газимова А. Х., Ярута А. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь,
e-mail: gazimova_2014@mail.ru; yaruta.nastya@mail.ru*

В статье проанализированы и классифицированы по тематическим блокам фразеологические единицы, обозначающие пороки характера человека. Представлено понятие «фразеологизм» и даны его синонимы, которые позволяют более детально изучить семантику и особенности функционирования фразеологизмов в речи респондентов. Фразеология, являясь неотъемлемой частью языка, представляет собой одну из наиболее значимых и противоречивых проблем современной лингвистики, поэтому вопросы о месте фразеологии в составе языка, о корпусе фразеологических единиц, роли фразеологизмов в языке становятся все более актуальными в современной лексикологии.

Разговорная речь является наиболее продуктивной для исследования, поскольку в ней наиболее полно отражается вся совокупность проявлений человеческой личности, именно по этой причине практический материал был собран методом очного анкетирования среди обучающихся Таврической академии. На основании установленных примеров было выделено одиннадцать тематических блоков фразеологизмов на обозначение пороков характера человека, которые реализуются в следующих позициях: фразеологические единицы, описывающие злобу человека, глупость, злоречие, трусость, лживость, пустословие, лицемерие, лень, хитрость, плутовство, эгоизм.

Русская фразеология выступает активным средством языковой концептуализации сферы моральных качеств русской национальной личности. Фразеологизмы сферы моральных качеств личности характеризуются повышенной эмоционально-оценочной нагруженностью, что делает фразеологическую картину мира более яркой, насыщенной и глубокой.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, семантика фразеологизма, пороки характера человека, фразеологическая картина мира.

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемый в современном мире повышенный интерес к человеку, его духовной жизни, системе нравственных ценностей выдвинул в качестве первостепенной задачи глубокое изучение морально-этического потенциала личности, феномена человека в культуре и языке. В то же время фразеологизмы, характеризующие моральные качества личности, еще не были предметом специального идеографического описания ни на базе русского языка, ни в сопоставительном плане. Именно поэтому активизировались исследования, посвященные языковой картине мира того или иного народа.

Изучение фразеологии тесно связано с представлением о языковой картине мира. Фразеосемантическое поле как фрагмент языковой картины мира последние годы не раз привлекало внимание многих исследователей. Изучение фразеологии на основе структурирования фразеосемантического поля выдвигается многими учеными (З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н. Ф. Алефиренко, Е. И. Зиновьева и др.) как одна из самых популярных методик. Такое изучение фразеологии имеет для лингвистики большое значение, т.к. способствует более глубокому познанию языковой природы фразеологических единиц, выявлению парадигматических отношений внутри поля, построению фразеологической картины мира. Ведь язык – это вербальная сокровищница культуры нации, способ ее концентрации и хранения, вместилище русской духовности, пространство актуализации национального менталитета, а фразеологизмы являются особыми языковыми знаками, содержание которых в процессе семиозиса уподобляется микротексту.

В настоящее время фразеологические единицы интерпретируются как специфические экспрессивные и прагматические экспликативы языковой личности – центрального объекта и субъекта языка и главного субъекта создания языковой картины мира. Языковая личность квалифицируется с помощью фразеологических маркеров, которые в широком смысле могут быть названы антропоквалификативными фразеологическими единицами, или фразеоантропонимами (термин Л. Ю. Буяновой). Фразеоантропонимы (понимаемые как фразеологизмы, характеризующие исключительно личность, как фразеономинация человека) входят в самый актуальный, доминантный для обыденной картины мира концепт «Человек» и формируют его, что поддерживает известный тезис об антропоцентричности языковой модели мира в целом [2, с. 4].

Несмотря на всестороннее изучение фразеологического материала славянских языков, вопросы о фразеологическом значении, о сущности, классификации и признаках фразеологических единиц остаются дискуссионными и сегодня. К числу важнейших, не имеющих однозначного решения вопросов фразеологии, относится проблема определения системы классификации фразеологических единиц, распространяющихся на фразеологический состав языка, определяющих пороки характера человека. Именно по этой причине обозначенная языковая отрасль является актуальной для исследования.

Основная цель исследования заключается в анализе и классификации фразеологических единиц, обозначающих пороки характера человека. Реализация цели исследования предполагает решение следующих задач: рассмотреть теоретические основы фразеологии, определить состав фразеосемантического поля «Человек», распределить выделенные фразеологические единицы по тематическим блокам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В советском языкознании фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х г. XX столетия. С тех пор была проделана большая работа по решению ряда фундаментальных ее проблем. Первые исследования теории фразеологии были заложены в трудах А. А. Потебни, И. И. Срезневского,

А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова. Значительное влияние на развитие фразеологии оказали также идеи французского лингвиста Ш. Балли [1].

Понятие «*фразеологизм*» трактуется современными учеными неоднозначно. Отсутствие в настоящее время единого его определения обусловлено интра- и экстралингвистическими факторами [2, с. 7].

Для обозначения фразеологического оборота в отечественном языкознании существуют различные термины: «фразес» (М. В. Ломоносов), «слитное слово и слитное речение» (Ф. Ф. Фортунатов), «неразложимое словосочетание» (А. А. Шахматов), «устойчивое сочетание слов» (С. И. Абакумов), «идиома» (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский, Р. А. Будагов), «фразеологизм» (А. М. Бабкин), «лексическое словосочетание» (И. И. Мещанинов), «фраза, фразеологическая единица» (В. В. Виноградов), «фразема» (термин предложен С. И. Бернштейном, однако А. В. Яковлевская, Н. Н. Амосова, В. Н. Телия и Н. Ф. Алефиренко интерпретируют его по-разному), «устойчивая фраза» (С. И. Бернштейн, В. Л. Архангельский), «фразеологический оборот речи» (Н. М. Шанский), «фразеосочетание» (М. М. Копыленко, З. Д. Попова), «идиоматическое сочетание» (В. Г. Гак), «устойчивый словесный комплекс» (С. И. Ройзензон, И. И. Чернышева), «фраземный знак» (Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия) [2, с. 9].

В современности фразеологизм имеет множество различных дефиниций. Развернутое определение предложила В. Н. Телия: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [3, с. 324].

А. И. Молотков говорит о том, что фразеологические единицы – «это то или иное переосмысленное конкретное словосочетание или предложение» [4, с. 9]. В. П. Жуков в учебном пособии «Русская фразеология» дает следующее определение: «Фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний, обладающий целостным значением и сочетающийся со словом» [5, с. 5].

Фразеологический фонд русского языка составляют исконно русские и заимствованные фразеологизмы. Источниками пополнения фразеологизмов являются профессиональная лексика, богослужебные книги, произведения русских писателей, жаргонная лексика и разговорная речь.

В процессе исследования методом очного анкетирования был собран практический материал среди обучающихся Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Общая численность фразеологических единиц составила 239 примеров. Большинство фразеологизмов неоднократно повторялось, однако было учтено их первоначальное употребление.

При определении значения фразеологических единиц были использованы различные словари фразеологизмов. Весомой составляющей при работе с собранным контентом стали лексикографические исследования А. И. Молоткова, А. Н. Тихонова и А. Н. Булыко.

Собранный практический материал определил одиннадцать тематических блоков фразеологических единиц на обозначение различных пороков характера человека:

- блок на обозначение злобы человека;
- фразеологизмы, иллюстрирующие глупость человека;
- указание на злоречие как на порок характера человека;
- фразеологизмы для номинации трусости;
- блок, содержащий обозначение лживости человека;
- фраземы, демонстрирующие пустословие как порок характера;
- лицемерие как порок характера человека;
- блок, иллюстрирующий леность как порок;
- идиомы на указание хитрости;
- фразеологические единицы, называющие плутовство;
- блок на обозначение эгоизма.

Наиболее многочисленным блоком фразеологических единиц является блок на обозначение злобы как порока характера человека. Зафиксировано 62 примера. Условно их можно разделить на психологически обусловленные процессы и направленные на физическое вмешательство. Последнее выражает грубое, антигуманное отношение к другим живым существам, насилие над ними и даже посягательство на жизнь. Например, «распускать руки» – употребляется в значении драться, бить, избивать кого-либо. Выделяются примеры с синонимичным значением: «задать баню/дёрну», «дать прикурить/леща», «намять бока/холку», «бить по мордасам», «пересчитать ребра», «вышибить дух». А такие примеры как «на взводе», «всеми печенками», «с безумных глаз» обозначают человека в состоянии раздражения, возбуждения и содержат в себе отрицательную коннотацию. На ряду с вышеперечисленными парадигмами могут употребляться такие фразеологические обороты как «лезть в бутылку», «вожжа под хвост попала», которые имеют тождественное значение.

Блок, занимающий второе место по количественному признаку, содержит в себе фразеологизмы на обозначение глупости человека. Зафиксирован 31 пример. Глупость, как порок, является наиболее прощательным и не несет в себе резко негативного значения. Следует выделить такие примеры: «дурак дураком», «как пробка», «олух Царя небесного», «медный лоб», «без царя в голове», «голова дурья/пустая/баранья/еловая».

Следующий тематический блок представлен фразеологизмами, отображающими такой порок как злоречие (30). Идиомы, входящие в состав данного блока, определяют поведенческие характеристики человека, который неуместно варьирует отрицательными категориями, унижает других людей. Парадигма реализуется в следующих примерах: «дурилка картонная», «мелкая сошка» – данные фраземы определяют человека с субъективной стороны, а «злой на язык», «острый на язык» и «колючий как ёж» – напротив, характеризуют адресанта. Нижеприведенные фразеологические единицы классифицируют злоречие как предикативные структуры: «рыться в грязном белье», «втапывать в грязь», «бросить тень/камнем», «чесать языки», «вешать собак», «просклонять по всем падежам/на все лады».

В состав данного тематического блока входят фразеантропонимы, которые употребляются для номинации трусливого человека, невольно демонстрирующего окружающим свои отрицательные проявления характера (22). На первый план стоит экстрагировать фраземы предикатной формы: «гайка ослабила», «душа уходит в пятки», «волосы становятся дыбом», «кровь стынет в жилах», «мороз по коже дерет» – обозначают испуг, страх, боязнь перед чем-либо. Также стоит отметить выражение атрибутивных отношений: «заячья душа», «не из храброго десятка», «тепличное растение» – определяющих приоритетные доминанты в характере робкого, трусливого человека.

Данный тематический блок иллюстрирует лживого человека (21). Фразеологическая модель реализуется в следующих примерах: «водить за нос», «обвести вокруг пальца», «притянуть за волосы», «замазать глаза». Вышеприведенные фраземы характеризуют социальное поведение личности, которое приводит к обману и вводит в заблуждение социум.

Такой порок как пустословие продемонстрирован в данном тематическом блоке (20). Необходимо акцентировать внимание на следующих фразеологических конструкциях: «бросаться словами», «вертеть вола», «говорить на ветер», «нести окошечку/ахинею». С наивысшей частотностью встречался фразеологизм «молоть языком». Именную составляющую данной тематики выразили следующие примеры: «слаб на язык», «бесструнная балалайка». Главным критерием определения фразеологизмов является принцип бесполезных разговоров и утверждения глупостей.

Фразеологические единицы «играть роль», «извиваться ужом», «надевать маску», «ломать комедию» составляют большую часть блока на обозначение лицемерия (19). Последний материализуется в одноаспектной семантике: действуя обманным путем, прибегая к различным уловкам, добиваться чего-либо в собственных интересах. Также необходимо выделить фразеологизмы, характеризующие субъекта как носителя признака: «волк в овечьей шкуре», «фиговый листок», «двуликий Янус».

Следующий тематический блок объединяет идиомы, обозначающие леность как порок характера человека (14). На первый план выдвигаются фразеантропонимы «гонять лодыря/собак», «валить Ваньку/дурака», «лопаться от жиру», «лежать на боку», которые обладают отрицательной коннотацией и несут в себе значение праздного времяпрепровождения, безделья. С наибольшей частотностью употребляются фразеологизмы «бить баклуши» и «плевать в потолок».

Наиболее малочисленным блоком фразеологических сочетаний является блок, иллюстрирующий хитрость человека как порок характера (10). Фразеологическая парадигма данной тематики представлена нижеприведенными лексическими конструкциями: «вертеть/вилять хвостом», «играть в кошки мышки», «поймать на удочку», обозначающими действия человека, которые направлены на искажение действительности, манипуляцию чувствами и интересами других людей для достижения личной выгоды. Атрибутивные отношения в данном блоке проиллюстрированы фразеологизмами «шельма» и «хитрая бестия/жук».

ВЫВОДЫ

Русский фразеологизм выступает релевантным активным средством языковой концептуализации сферы моральных качеств русской национальной личности. Установлено, что в русской фразеологии за последнее столетие накопилось свыше пятидесяти авторских дефиниций и интерпретаций фразеологического объекта, что свидетельствует о сложности определения его языковой природы. Фразеологизмы русского языка – это не только единицы вторичной номинации и средство общения и воздействия на слушающего, но и в большей степени средство образной, эмоционально-экспрессивной характеристики личности, эмотивной оценки ее моральных качеств, средство познания, языковой концептуализации и отражения национально-го характера и менталитета народа, системы его духовно-нравственных ценностей.

Центральное место среди эксплицированных фразеологических единиц отрицательных моральных ценностей (пороков характера) русского народа занимают агрессия, глупость, злоречие, трусость, лживость, пустословие, лицемерие, леность, хитрость. Фразеологизмы, концептуализирующие эти пороки, заключают в своем семантическом ядре совокупность христианских истин и моделей правильного/праведного поведения, которые предписываются русскому человеку с целью ориентировать его в повседневной жизни на деяния, порождающие добро и благо. Фразеологизмы сферы моральных качеств личности характеризуются повышенной эмоционально-оценочной нагруженностью, что свидетельствует о том, что в русской фразеологии нашли отражение следы социально-прагматических установок православной этики и выработанные русским народом общественно значимые мнения и взгляды на человека как личность.

Список литературы

1. Без автора. Фразеология английского языка. [Электронный ресурс] / Без автора. - Режим доступа: <http://turboreferat.ru/foreign-language/frazeologizmy-anglijskogo-yazyka/11043-57972-page1.html> Проверено 18.02.16.
2. Буянова Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. - Москва. 2013 - 179 с.
3. Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1987. — 543 с.
4. Жуков В. П. Русская фразеология Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 2006. — 310 с.
5. Телия В. Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. - Москва, 1990. - 559 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. – 334 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Булыко. — Мн. : «Харвест», 2007. – 448 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING THE VICIES OF CHARACTER OF HUMAN BEING

In the article phraseological units denoting the vices of character of human being are analysed and classified by thematic blocks. The concept "phraseological unit" is presented and also its synonyms are given in here which allow to study in more detail semantics and peculiarities of functioning of phraseological units in the speech of respondents. Phraseology, being an integral part of language, represents one of the most meaningful and controversial problems of modern linguistics, therefore the questions of the place of phraseology in language structure, about a body of phraseological units and the role of phraseological units in language become more and more actual in modern lexicology.

Colloquial speech is the most productive for research as all summation of demonstration of human being is most fully reflected in it. For this reason the practical material has been collected by a method of internal questioning among the full-time students of Taurida academy. On the basis of the installed examples the eleven thematic blocks of phraseological units for a designation of defects of human being's character have been allocated and realized in the following positions: phraseological units describing rage of the person, nonsense, evil tongue, cowardice, falsity, idle talk, hypocrisy, laziness, cunning, trickery, egoism.

The Russian phraseology acts as active means of language conceptualization of the sphere of moral qualities of the Russian national personality. Phraseological units of the sphere of moral qualities of the personality are characterized by the increased emotional and estimated loading that does a phraseological picture of the world brighter, saturated and deep.

Keywords: phraseology, phraseological units, semantics of the phraseological unit, vices of human being character, phraseological picture of the world.

АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ (ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Коновалова Е. А., Волкова Д. С.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь,

e-mail: legora@list.ru

Статья посвящена исследованию иноязычных заимствований. В работе на материале проведенного анкетирования определили уровень семантической адаптации иноязычных неологизмов. Процесс освоения заимствования рассматривают на фонетическом, графическом, грамматическом, семантическом уровнях. Мы провели исследования семантической адаптации иноязычных слов. Критерием освоения заимствования использовали понятие «свой», «чужой». Для определения степени освоения иноязычных неологизмов использовали следующие критерии: нулевая степень освоения слова, низкая степень освоения, средняя степень освоения, высокая степень освоения, наивысшая степень освоения. Нулевая степень слова – это минимальный процент употребляемости слова в устной речи, практически отсутствие фиксации в словаре. Наивысшая степень освоения слова характеризуется высоким процентом употребления слова в речи и подтверждается закреплением в словарях русского языка.

Ключевые слова: иноязычные неологизм, семантическая адаптация иноязычных слов.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс заимствования слов из других языковых источников, способность русского языка «превращать» чужое в свое, отказываясь от избыточного словесного материала, всегда привлекал исследовательский интерес [13, с. 5].

Изучением языковых контактов, иноязычной лексики, исследованием семантического аспекта занимались Й. Айдукович [1, 2], Н.С. Арапова [3], В.М. Аристова [4], О.Э. Бондарец [5], У. Вайнрайх [6], Э.Ф. Володарская [7], С.С. Изюмская [8], В.Г. Костомаров [9], Е.Е. Кругляк [10], Л. П. Крысин [11, 12], Е.В. Маринова [13; 14; 15; 16; 17], Е. Д. Поливанов [18], В. Ю. Розенцвейг [20], Е.В. Сенько [21], Т.А. Таганова [22], Э. Хауген [23] Т.Е. Шилова [24], Л. В. Щерба [25] и др. [Й. Айдукович [2004], Н.С. Арапова [2000], В.М. Аристова [1978], О.Э. Бондарец [2008], У. Вайнрайх [1979], Э.Ф. Володарская [2002], С.С. Изюмская [2000], В.Г. Костомаров [1999], Е.Е. Кругляк [2006]. Л. П. Крысин [2002; 2004], Е.В. Маринова [2006; 2007; 2008; 2012; 2013], Е. Д. Поливанов [1968], В. Ю. Розенцвейг [1963; 1972], Е.В. Сенько [2012], Т.А. Таганова [2004], Э. Хауген [1972] Т.Е. Шилова [2005], Л. В. Щерба [2004].]

Несмотря на большой интерес к этой проблеме теория заимствования по-прежнему является недостаточно разработанной. Цель нашей работы определили как изучение адаптации иноязычного слова. Процесс освоения заимствования рассматривают на фонетическом, графическом, грамматическом, семантическом уровнях. Мы провели исследования семантической адаптации иноязычных слов.

Для своего исследования отобрали иноязычные неологизмы. Термин иноязычное слово имеет несколько синонимов: новозаимствованное слово, «свежее» заимствование, новые заимствование, новейшие заимствования. Но все эти термины имеют одно значение: новое слово иноязычного происхождения [13, с.120].

Л.П. Крысин в работе «О русском языке наших дней» говорит об усилении заимствования иноязычных слов.

Среди причин, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: презентация выглядит более респектабельно, чем привычное русское представление, эксклюзивный лучше, чем исключительный, топ-модели шикарнее, чем лучшие модели. Правда, надо сказать, что здесь намечается некоторое семантическое размежевание своего и чужого слов: презентация это торжественное представление фильма, книги и т.п.; эксклюзивным чаще всего бывает интервью.

Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовым объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Так, во французском языке слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин', а будучи заимствовано нашими модельерами и коммерсантами, оно приобрело значение 'магазин модной одежды' [11].

Л. П. Крысин отмечает сферы, которые больше всего подвержены иноязычному влиянию.

Чаще всего новые иноязычные слова можно встретить в прессе и в других средствах массовой информации, например, на телевидении, в передачах, посвященных экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту. В устной публичной речи например, в радио- и телеинтервью на бытовые темы, в выступлениях на заседаниях парламента употребление иноязычных слов-неологизмов часто сопровождается оговорками типа: так называемый монетаризм, как теперь принято выражаться, электорат и т.п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает связь с ним более непосредственно и остро, нежели автор газетной или журнальной статьи. Некоторые из заимствований употребляются не только в прямых своих значениях, но и переносно, метафорически: телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, рейтинг вранья и т.п., и это явление также характерно в основном для языка средств массовой информации [11].

Проведенное нами исследования подтверждает эту точку зрения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

После анализа анкет, которые в полной мере отражают общую картину освоения иностранных слов в речи носителей русского языка, мы представили результаты опроса в процентном соотношении.

В своей работе мы используем классификацию освоения заимствований, разработанную О.Э. Бондарец [5].

Для определения степени освоения заимствований в устной речи перечислим критерии, которые были использованы в эксперименте: если 0-3 % – участников опроса дали утвердительный ответ на поставленный вопрос, то это нулевая степень освоения слова; 4 % - 25 % – низкая степень освоения; 26 % - 45 % – средняя степень освоения; 46 % - 70 % – высокая степень освоения; 71 % - 100 % – наивысшая степень освоения.

Нулевая степень слова – это минимальный процент употребляемости слова в устной речи, практически отсутствие фиксации в словаре.

Наивысшая степень освоения слова характеризуется высоким процентом употребления слова в речи и подтверждается закреплением в словарях русского языка.

Проанализировав анкеты, мы раздели все заимствования на пять групп по степени освоения их в речи носителей русского языка.

В первую группу вошли слова, имеющие нулевую степень освоения в устной речи: *аматор, спуфинг, тизер, бокс-офис, аутстаффинг, афтершок, бэби-бокс, байбэк, дауншифтинг, анбоксинг, антиглобалист, фандрайзинг, стимпанк, анлимитед, сник-пик, адвертайзинг, айдентика, вендинг, киберпанк, слэшер, бокс-сет.*

Заимствование *спуфинг* не освоено в речи, т.к. 0 % информантов определили значение. 95 % опрошенных отнесли слово к заимствованным.

Слово *аматор* в значении 'любитель-непрофессионал' известно 0 % информантов, употребляет его 0 % участников опроса. Большинство участников опроса (96 %) ответили, что слово является заимствованным, «чужим».

Слово *тизер* практически не освоено в речи, т.к. лишь 5 % определили приблизительное значение 'что-то, связанное с рекламой и объявлениями', а употребляет его только 2 % участников опроса. 77 % опрошенных отнесли слово к заимствованным.

Слово *аутстаффинг* в значении 'сдача в аренду работников' известно 6 % информантов, употребляет его 0 % участников опроса. 92 % участников опроса ответили, что слово является «чужим».

Заимствование *бэби-бокс* известно 5 % информантов, употребляет его 2 % участников опроса. 97 % опрошенных отнесли слово к заимствованным.

Слово *адвертайзинг* в значении 'рекламная деятельность' известно 10 % информантов, употребляет его 0 % участников опроса. 98 % участников опроса ответили, что слово является «чужим».

Отметим некоторые особенности ответов информантов, которые относятся не только к заимствованиям с минимальной степенью освоения, но и к остальным группам. Даже при незнании информантом значения слова, большинство

опрошенных старались не пропускать другие колонки с вопросами, поэтому процентное соотношение в разных столбцах результатов анкетирования может не совпадать. Основываясь на статистических данных результата анкетирования, можем предположить, что в некоторых случаях, несмотря на анонимность эксперимента, информанты боялись признаться в незнании или неупотреблении слова.

Большинство информантов при условии незнания значения слова считали его «чужим».

Вторую группу составляют заимствования с низкой степенью освоения в устной речи: *саундтрек, фейк, байопик, билборд, ньюсмейкер, спецэффект, логин, ситком, хоррор, дрон, демпинг, апгрейд, промоуин, веранда, блогосфера, дедлайн, супервайзер, трэши, бурлеск, мультипликация, саспенс, аниме, месседж, бэкграунд, адгезия, краудфандинг, аутсорсинг, бенефициар, гуру, брифинг.*

Фейк. 34 % опрошенных знают это слово, а 5 % употребляют его в своей речи. Были названы следующие дефиниции: «клон», «подделка», «фальшивка». Для 55 % участников анкетирования анализируемое слово «чужое» и для 45 % «свое».

Семантика лексемы *месседж* освоена 24 % информантов, употребляют его только 9 %. Значение представлены так: «сообщение», «послание», «уведомление». Абсолютное большинство (95 %) участников опроса анализируемое слово воспринимает как «чужое».

Слово *хоррор* освоено 15 % информантов, 5 % употребляют его в своей речи. Были названы следующие дефиниции: «клон», «подделка», «фальшивка». Для 55 % участников анкетирования анализируемое слово «чужое» и для 45 % «свое».

Слово *гуру* в значении «наставник», «учитель» известно 20 % информантов, употребляет его 5 % участников опроса. 58 % информантов считают это слово «своим». 42 % участников опроса ответили, что слово является «чужим».

Слово *треш* освоено 10 % информантов, 5 % употребляют его в своей речи. Были названы следующие дефиниции: «фильм ужасов», «ужастик». Для 65 % участников анкетирования анализируемое слово «чужое» и для 35 % «свое».

Третью группу составляют заимствования, имеющие среднюю степень освоения в устной речи: *кастинг, контент, шопинг, флешмоб, блокбастер, гастарбайтер, бутик, мультиплекс, попкорн, продюсер, проектор, трейлер, бэби, экин, аккаунт, супергерой, сиквел, промоутер, бестселлер, нокаут, дайвинг, гламур, адреналин, горячая линия, блэкаут, хэппи энд, постер, тинейджер, лайк, никнейм, IP-адрес, лабутены, аутлет, бейдж, квадрокоптер, гуглить, аккаунт-менеджер, анлимитед, дресс-код, бренд-менеджер, хейтерить, уикэнд.*

Слово *кастинг* известно 89% информантов, употребляют его 27 %. Синонимы к этому слову были подобраны следующие: «отбор», «конкурс», «осмотр». 78 % информантов считают это слово современным. На вопрос, является ли это слово заимствованным или нет, 79 % участников опроса ответили положительно и 21 % предположили принадлежность слова к русскому языку.

Семантика слова *бутик* освоена 75 % информантов, употребляют его только 35 %. Были даны следующие толкования: «магазин», «лавка», «шоп». 83 % участников опроса анализируемое слово воспринимают как «чужое» и только 17 % как «свое».

	Слово Вами воспринимается как		Употребляете ли Вы слово речи		Затрудн. с определ. значения	Определили значение
	«чужое» %	«свое» %	да %	нет %	%	%
<i>адвертайзинг</i>	98	2	0	100	90	10
<i>айдентика</i>	100	0	0	100	100	0
<i>аккаунт</i>	85	15	80	20	10	90
<i>бэби-бокс</i>	97	3	2	98	95	5
<i>бэкграунд</i>	90	10	0	100	95	5
<i>вендинг</i>	100	0	0	100	100	0
<i>гаджет</i>	80	20	80	20	10	90
<i>гастарбайтер</i>	60	40	70	30	15	85
<i>гламур</i>	40	60	70	30	25	75
<i>глюк</i>	65	35	75	25	20	80
<i>гуглить</i>	95	5	95	5	0	100
<i>гуру</i>	42	58	5	95	80	20
<i>дайвинг</i>	94	6	25	75	8	92
<i>дауншифтинг</i>	100	0	0	100	95	5
<i>дедлайн</i>	100	0	2	98	95	5
<i>демпинг</i>	85	15	0	100	90	10
<i>дисконт</i>	60	40	95	5	5	95
<i>дрон</i>	90	10	10	90	95	5
<i>никнейм</i>	95	5	75	25	20	80
<i>нокаут</i>	60	40	70	30	20	80
<i>нюсмейкер</i>	90	10	5	95	85	15
<i>пиар</i>	10	90	95	5	5	95
<i>попкорн</i>	20	80	90	10	0	100
<i>постер</i>	75	25	75	25	20	80
<i>прайм-тайм</i>	70	30	70	30	20	80
<i>приквел</i>	90	10	85	15	15	85
<i>продюсер</i>	45	55	85	15	20	80

АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ
(ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

<i>проектор</i>	65	35	80	20	10	90
<i>спецэффект</i>	85	15	45	55	45	55
<i>спуфинг</i>	95	5	0	100	100	0
<i>стимпанк</i>	95	5	0	100	100	0
<i>супервайзер</i>	100	0	20	80	70	30
<i>супергерой</i>	45	55	70	30	20	80
<i>таймаут</i>	85	15	75	25	10	90
<i>тизер</i>	77	23	2	98	95	5
<i>тинейджер</i>	95	5	70	30	0	100
<i>трейлер</i>	55	45	90	10	5	95
<i>тренд</i>	20	80	60	40	10	90
<i>триллер</i>	45	55	60	40	0	100
<i>трэш</i>	65	35	5	95	90	10
<i>уикэнд</i>	85	15	70	30	0	100

Таблица 1. Освоение иноязычных неологизмов (фрагмент)

Слово *дайвинг* знают 92 %, а употребляют 25 % информантов. Значение слова определяется как ‘подводное плавание’, ‘ныряние с аквалангом’, ‘плавание со снаряжением’. 94 % опрошенных считают его заимствованным и 6 % «своим».

Четвертую группу составили слова с высокой степенью освоения в русской устной речи: *блог, гаджет, приквел, глюк, дисконт, секьюрити, драйв, винтаж, волонтер, волатильность, драфт, сноуборд, хулиган, прайм-тайм, кетчуп, фастфуд, сленг, коктейль, чипсы, спрей, чат, эксклюзив, хот-дог, пазлы, WIFI, роутер, феминизм, таймаут*.

Слово *секьюрити* известно 79% информантов, употребляют его 29 %. Синонимы к этому слову были подобраны следующие: ‘охранник’, ‘сторож’. На вопрос, является ли это слово заимствованным или нет, 89 % участников опроса ответили положительно.

Слово *волонтер* освоено 81 % информантов, 33 % употребляют его в своей речи. Были названы следующие дефиниции: ‘помощник’, ‘доброволец’. Для 60 % участников анкетирования анализируемое слово «чужое» и для 40 % «свое».

Пятую группу составили слова с наивысшей степенью освоения в русской устной речи: *коррупция, бизнесмен, финал, мейкап, триллер, хит, тренд, бонус, снайпер, финиш, пиар*.

Слово *мейкап* знают 90 %, а употребляют 71 % информантов. Значение слова мейкап определяется как ‘макияж’, ‘работа над стилем и образом’, ‘искусство макияжа’, ‘внешний вид’ ‘правила нанесения косметики’. 78 % опрошенных считают его заимствованным и 22 % «своим».

Слово *финиш* знают 90 %, а употребляют 78 % опрошенных. Значение слова определяется как ‘конец’, ‘завершение’, ‘окончание чего-либо’. 19 % опрошенных считают его заимствованным и 81 % «своим».

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования замечены следующие тенденции: чем лучше, точнее участник опроса знает лексическое значение слова, тем короче его дефиниции; большая часть опрошенных при условии незнания значения предлагаемого заимствования отмечала использование слова в речи; заимствования, значения которых респонденты знали лишь приблизительно, объяснялись с помощью местоименно-указательных слов; участники анкетирования заимствования, значения которых не знали, относили к «чужим», т. е. не принадлежащим русскому языку и устаревшим.

Список литературы

1. Айдукович Й. О понятии язык-посредник на материале словарей сербского, болгарского и македонского языков. / Й. Айдукович. — Режим доступа: <http://www.filologia.su>. (дата обращения: 26.01.2016).
2. Айдукович Й. Основные понятия лексической контактологии (на материале русизмов в славянских языках) / Й. Айдукович // Тезисы и доклады II Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». — М., 2004. — С. 445–446.
3. Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. / Н.С. Арапова. — М.: Изд-во МГУ, 2000. 319с.
4. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. / В.М. Аристова. — Л.: Изд. ЛГУ, 1978. — 151с
5. Бондарец О.Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект. / О.Э. Бондарец. — Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. - 142с.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / [пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко]. / У. Вайнрах. — К. : Вища школа, 1979. — 263 с.
7. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов. / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. 2002. - №4. - С.96-111.
8. Изюмская С.С. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты: Дис. . канд. филол. наук. / С.С. Изюмская. — Ростов-на-Дону, 2000.- 168с.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. / В.Г. Костомаров. — СПб: Златоуст, 1999. — 320с.
10. Кругляк Е.Е. Семантические изменения в условиях языкового контакта (на материале общественно-политической лексики французского языка Канады): Дис. . канд. филол. наук. / Е.Е. Кругляк. — Саратов, 2006. - 269с.
11. Крысин Л.П. О русском языке наших дней / Л.П. Крысин // Международная научная конференция «Изменяющийся языковой мир». - Пермь, 2002 — Режим доступа : <http://philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения 28.01.2016).
12. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
13. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е.В. Маринова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 240 с.
14. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. / Е.В. Маринова. — М.: Флинта: Наука, 2012. — 296с.
15. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX -XXI в.: проблемы освоения и функционирования. / Е.В. Маринова. — М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. — 495с.

**АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ
(ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

---

16. Маринова Е.В. О типах скрытого заимствования в современном русском языке / Е.В. Маринова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. 20-23 марта 2007г. — М.: Изд-во МГУ, 2007. — С. 134-135.
17. Маринова Е.В. Проблема системного описания неологической лексики современного русского языка / Е.В. Маринова // Русская академическая неография: Материалы международной конференции. СПб.: Лемма, 2006. — С. 105-110.
18. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы / Е. Д. Поливанов. — М. : Наука, 1968. — 376 с.
19. Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах / В. Ю. Розенцвейг // Вопросы языкознания, 1963. — №1. — С. 57–69.
20. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1972. — Вып. 6. — С. 5–22.
21. Сенько Е.В. Лексические инновации в современной языковой картине: новые слова, значения, словосочетания. / Е.В. Сенько. — Владикавказ: Изд-во СО-ГУ, 2012. — 268с.
22. Таганова Т.А. Лексическое заимствование как результат межкультурной коммуникации. / Т.А. Таганова // Межкультурная коммуникация. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. - С. 138-143.
23. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. 6. —М. : Прогресс, 1972. — С. 61–80.
24. Шилова Г.Е. Особенности семантики и функционирования иноязычных слов в современной российской публицистике (на материале газет, радио и телевидения): Дис. . канд. филол. наук. \ Г.Е. Шилова. — Воронеж, 2005. — 212с.
25. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — [2-е изд., стереотип.]. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.

THE FOREIGN-LANGUAGE BORROWING

Konovalova Ye.A., Volkova D.S.

The article investigates the foreign-language borrowing. The work on the material of the survey to determine the level of semantic adaptation of foreign language neologisms. The process of development is considered borrowing on the phonetic, graphic, grammatical, semantic levels. We conducted a study of the semantic adaptation of foreign words. The criterion for the development of the borrowing using the concept of "a", "alien". To determine the degree of development of foreign language neologisms used the following criteria: zero degree of development of speech, the low degree of development, the average level of development, a high degree of development, the highest degree of development. The zero degree of the word - a word coined by a minimum percentage in speech, almost no fixation in the dictionary. The highest degree of development of speech is characterized by a high percentage of use of the word in question and confirmed by the fixing in the dictionaries of the Russian language.

Key words: foreign-language neologism, semantic adaptation of foreign words.

УДК 81'44: 811.11

ВТОРИЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Косицкая А. Г.

*Донецкий национальный университет, г. Донецк
E-mail: alinakositskaya@mail.ru*

Предлагаемая статья посвящена исследованию процессов вторичной номинации человека в искусстве (кино, театр, музыка и телевидение) на материале нейтральной и разговорной лексики английского и немецкого языков. Устанавливаются типы метафорических и метонимических переносов, сравнивается их разнообразие и продуктивность в исследуемых языках.

Ключевые слова: существительное, вторичная номинация, метафора, метонимия, метоним.

ВВЕДЕНИЕ

Наименования человека являются неотъемлемой частью антропоцентрической парадигмы, активно разрабатываемой современной лингвистикой. Человек повседневно играет разнообразные роли в многочисленных жизненных ситуациях; его мировоззрение, оценки находят свое отражение в языке, в частности в использовании аналогий, в сравнении различных явлений на основании определенного ассоциативного сходства, что закономерно приводит к появлению в языке метафор, метонимий и т.д.

Объектом настоящего исследования являются метафоризированные и метонимизированные наименования человека в сфере искусства в английском и немецком языках, например: англ. *warbler* букв. 'певчая птица'; разг. 'певец/певица', *talking head* букв. 'говорящая голова'; разг. 'телеведущий, диктор либо эксперт в какой-л. области, приглашенный на телепередачу' (телезрители видят на экране только его голову и плечи); нем. *Lustspielkanone* (f) букв. 'комедийная пушка'; разг. 'популярный актер комедий' (сила популярности актера приравнивается к эффекту пушечного выстрела), *Brücke* (f) букв. 'колосники (закулисный мост над сценой или киноплощадкой)'; разг. 'осветитель, находящийся на колосниках'.

Предметом исследования является вторичная номинация человека (метафоризация, метонимизация) в названных языках.

Материалом исследования послужили наименования человека в искусстве (далее НЧИ), отобранные путем сплошной выборки из толковых, разговорных и сленговых словарей [12–21]. В английском языке из 749 НЧИ 42 является метафорически и 60 метонимически переосмысленными лексемами. В немецком языке из 926 НЧИ 92 лексемы строятся на метафорических и 43 на метонимических переносах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Типы метафорических переносов НЧИ в английском и немецком языках

Значение вторичных наименований формируется путем переосмысления «предшествующего» (прямого и/или буквального) значения слова. При этом метафора понимается как утверждение о свойствах объекта на основе некоторого сходства с тем, что уже обозначено в переосмысленном значении слова [6, с. 190–191].

Согласно трем коммуникативным функциям [9, с. 240–241] метафора: а) употребляется для выражения того, что нельзя передать буквально; б) в отличие от буквальных средств выражения понятия, помогает в сжатой и лаконичной форме передать бóльшее количество информации; в) придает яркость и образность субъективному восприятию того, что могло бы быть выражено буквально. Г. Стерн сравнивает метафору со своеобразной вербальной стенографией для тех идей, которые излагаются в громоздкой фразе [11, с. 308].

В структурном плане НЧИ-метафоры являются однословными (англ. *feeder* букв. ‘кормилец’; разг. ‘актер на вторые роли; актер, подающий реплики – актер/актриса, который/которая, исполняя свою роль, содействует («кормит, снабжает») актера/актрису на главную роль’; нем. *Granate* (f) букв. ‘граната, снаряд’; разг. ‘популярный актер’) и многословными, т.е. словосочетаниями (англ. *crew hog* букв. ‘кабан из команды’; разг. ‘член съемочной группы’; нем. *junger Hund* (m) букв. ‘юный пес’; разг. ‘актер-новичок’) или композитами (англ. *ballad-basket* букв. ‘корзина с балладами’; разг. ‘уличный музыкант’; нем. *Leinwandlöwe* букв. ‘экранный лев’; разг. ‘успешный, ведущий киноактер’ (ассоциация строится на ведущей роли льва в животном мире), образованиями. Следует отметить, что в английском языке количественно преобладают многословные НЧИ-метафоры (25 ед. из 42 ед.), а в немецком языке эта количественная разница существенна (86 ед. из 92 ед.).

В процессе метафоризации переосмыслению может подвергаться весь многословный НЧИ как единое целое или один из его компонентов, часто – второй компонент [1, с. 291; 2, с. 3–13; 3, с. 22–25; 5, с. 129–133; 8, с. 96; 10, с. 99–100]. Базовый (второй) компонент вторичных НЧИ в английском и немецком языках может обозначать:

1) *фауну* и *флору* (англ. – 3, нем. – 19), ср.: англ. *hep-cat/hip-cat* букв. ‘знающий кот’; разг. ‘знаток джаза’ (ассоциативная связь с *cat* ‘кот’ возникла, очевидно, из-за странствующего образа жизни, который вели первые джазисты); нем. *Theaterpflanze* (f) букв. ‘театральное растение’; разг. ‘актриса театра’ (профессиональная занятость и талант актрисы метафорически связываются с местом произрастания растения (*Pflanze*);

2) *человека* по его: а) *роду деятельности и умениям* (англ. – 2, нем. – 14), ср.: англ. *village blacksmith* букв. ‘деревенский кузнец’; разг. ‘актер, который получает ангажемент не более, чем на неделю’ (ассоциация происходит из стихотворения Г. Лонгфелло «Деревенский кузнец», в котором кузнец каждую неделю получает заказ на изготовления деталей, о чем свидетельствуют строчки: «Week in, week out, from morn till night, You can hear his bellows blow; You can hear him swing his heavy

sledge With measured beat and slow ...»); нем. *Seelenmasseur* (m) букв. 'массажист душ'; разг. 'лирический певец' (певец, который своим пением как бы массирует (лечит) души); б) *социальному положению* (англ. – 2, нем. – 3), ср.: англ. *acting lady* букв. 'леди, работающая актрисой'; ирон. разг. 'посредственная актриса' (ирония строится на том, как многие светские дамы/леди безуспешно хотели повторить успех Лилли Лэнгтри – британской актрисы и «светской львицы»); нем. *Rampenvogt* (m) букв. 'управляющий рампой'; разг. 'строгий и требовательный режиссер' (он ведет себя, как властный, бесцеремонный управляющий-феодал (*Vogt*)); в) *возрасту* (англ. – 1 ед., нем. – 1 ед.), ср.: англ. *piano kid* букв. 'ребенок-пианист'; разг. 'пианист (в барах Нового Орлеана, Нью-Йорка, Мемфиса и т.д.)' (в связи с тем, что первые пианисты обычно были юными); нем. *Leinwandnymphchen* (n) букв. 'экранная нимфетка'; разг. 'юная киноактриса'.

Межъязыковые различия анализируемых типов метафор проявляются в некоторых несовпадениях тематической организации метафоризированных НЧИ и их компонентов. Так, лишь в английском языке отмечены НЧИ, у которых базовый (второй) компонент обозначает небесное тело: *booth-star* букв. 'звезда балагана'; разг. 'ведущий актер или актриса балаганного театра', *back-cloth star* букв. 'звезда заднего фонового занавеса (задника)'; разг. 'актер/актриса, находящийся/находящаяся на авансцене наряду с другими актерами/актрисами и привлекающий/привлекающая все внимание к себе'.

Немецкие метафоризированные НЧИ отличаются большим тематическим разнообразием своих означаемых, которые охватывают более широкий круг предметов, например: 1) *механизмы, приборы, приспособления и их детали* (14 ед.): *Bildschirmmagnet* (m) букв. 'экранный магнит'; разг. 'популярный участник телепрограммы' (он словно магнит притягивает внимание телезрителей);

2) *внеземные/мифологические/волшебные существа* (8 ед.): *Berufs-Sirene* (f) букв. 'профессиональная сирена'; разг. 'актриса, исполняющая роль соблазнительницы' (*Sirene* 'сирена; морская нимфа' или 'соблазнительная, оболъстительная женщина' – восходит к преданию Гомера об Одиссее, в котором сирены предстают морскими существами, искушавшими и губившими моряков);

3) *собственные имена людей*, которые в силу своей распространенности часто являются нарицательными (7 ед.): *Leinwand-Casanova* (m) букв. 'экранный Казанова'; разг. 'киноактер в амплуа любовника' (Джакомо Джироламо Казанова – итальянский авантюрист, путешественник и писатель, который прославился своими многочисленными любовными похождениями).

Среди исследуемых НЧИ отмечены случаи одновременной метафоризации всех компонентов НЧИ. Первичные значения данных НЧИ распределены по следующим тематическим группам:

1) *фауна* (англ. – 1, нем. – 8), ср.: англ. *dicky-bird/dickey-bird* букв. детск. 'птичка'; разг. 'профессиональный певец'; нем. *Wetterfrosch* (m) букв. 'квакша (лягушка)' (своим кваканьем предвещает дождь); разг. 'метеоролог; синоптик на радио или телевидении';

2) *артефакты, механизмы, приборы, приспособления и их детали* (англ. – 2, нем. – 5), ср.: англ. *boot-jack* букв. 'холуй (приспособление для снятия сапог)'; разг.

‘универсальный актер’ (универсальность актера ассоциируется с универсальностью самого приспособления, пригодного для снятия любой обуви); нем. *Museumsstück* (n) букв. ‘музейный экспонат’; разг. ‘постаревший актер, который раньше был популярным’;

3) *человек по его роду деятельности* (англ. – 1, нем. – 3), ср.: англ. *dog-robber* букв. ‘ординарец офицера (выполняющий многочисленные и малозначительные поручения)’; разг. ‘член съемочной группы, который подыскивает реквизит’; нем. *Holz hacker* (m) букв. ‘дровосек’; разг. ‘бесчувственный пианист, плохой музыкант’ (он бьет по клавишам, как дровосек по полону).

В английском языке зафиксированы единичные метафорические переносы, построенные на обозначении *человека* по его: а) *родственным связям*: *grand-dada/gran(d)-daddy* букв. ‘дедушка; предок’; разг. ‘джазист, отличающийся опытом и превосходством’; б) *личным качествам и характеру*: *jitterbug* букв. ‘псих, нервный человек’; разг. ‘джазист, фанат свинговой музыки’ (который двигается энергично, делает резкие, подобно психу, движения).

Метафорические переносы наблюдаются также у однословных НЧИ, обозначающих:

1) *фауну* (англ. – 9, нем. – 2), ср.: англ. *canary* букв. ‘канарейка (певчая птица)’; разг. ‘певец (хорист), выступающий на балконе среди публики; певица, выступающая с оркестром’; нем. *Paragei* (m) букв. ‘попугай’; разг. ‘актер, не умеющий импровизировать’ (он, подобно попугаю, механически воспроизводит один и тот же текст, не проявляя эмоций);

2) *человека по роду деятельности* (англ. – 5, нем. – 1), ср.: англ. *professor* букв. ‘профессор, преподаватель’; разг. ‘пианист (в баре)’ (возможно, в виду того, что пианисты давали уроки игры на пианино); нем. *Beamter* (m) букв. ‘служащий’; разг. ‘актер, играющий без воодушевления’ (этот актер похож на бездушного чиновника, выполняющего безучастно и равнодушно рутинную работу);

3) *артефакты, механизмы, приборы, приспособления и их детали* (англ. – 3, нем. – 3), ср.: англ. *dummy* букв. ‘манекен’; разг. ‘статист/статистка (актер/актриса, исполняющие роль без слов)’ (они молчаливые, как манекены); нем. *Dampfer* (m) букв. ‘пароход’; разг. ‘джаз-оркестр, джазовый ансамбль’ (звук ударных инструментов, а также отбивание такта музыкантами схожи со стуком/шумом работающего двигателя парохода).

Только в английском языке выявлены два однословных НЧИ, метафорические значения которых построены на сравнении человека с «внеземными/мифологическими/волшебными существами»: *angel* букв. ‘ангел’; разг. ‘театральный меценат’, *gods* букв. ‘боги’; разг. ‘публика на галерке’.

2. Типы метонимических переносов НЧИ в английском и немецком языках

Метонимия является способом развития значения на основе смежности признаков того, что обозначено в предыдущем и новом значении слова [6, с. 190].

Этой стилистической фигуре присуща в основном референциальная функция, т. е. она позволяет одному классу объектов/единичному объекту замещать другой

класс/отдельный объект. В процессе метонимического переноса используется один предмет для того, чтобы сослаться на другой, связанный с ним [4, с. 61–62].

По своей структуре НЧИ-метонимы являются однословными (англ. *tenor* ‘тенор (голос)’; ‘тенор (певец)’; нем. *Oktett* (n) ‘октет – музыкальное произведение для восьми исполнителей (голосов или инструментов)’; ‘октет – ансамбль из восьми исполнителей такого произведения’) и многословными образованиями, а именно композитами (англ. *woodwind* ‘деревянные духовые инструменты’; ‘оркестранты, играющие на деревянных духовых инструментах’; нем. *Heldenbariton* (m) ‘драматический баритон’; ‘певец с таким голосом’). Данные структурные типы НЧИ представлены в обоих языках практически в равном соотношении.

В английском и немецком языках отмечены НЧИ, которые строятся на следующих метонимических моделях [7; 11, с. 362–376]:

1) объект (обычно инструмент), который используется → субъект действия (англ. – 26, нем. – 21). В данном каузальном типе метонимического переноса выделяются подвиды: а) музыкально-драматическое произведение или его часть → исполнитель данного произведения: англ. *buffa* ‘опера-буффа (ит. разновидность комической оперы на бытовой сюжет 18 в.)’; ‘ведущая певица в опере-буффе’; нем. *Klavierduo* (n) ‘композиция для исполнения на фортепиано в четыре руки или для двух фортепиано’; ‘фортепианный дуэт, исполняющий такую композицию’; б) объект, который поддается воздействию → субъект действия: англ. *fit-up* букв. ‘сборная сцена; декорации, реквизит для выездных постановок’; разг. ‘труппа передвижного или гастрольного театра’; нем. *Retorte* (f) букв. ‘реторта (сосуд, применяемый в лабораториях для нагревания и перегонки веществ)’; разг. ‘типичный актер с неестественными манерами’ (от *aus der Retorte* ‘синтетический, полученный химическим путем, искусственный’);

2) часть → целое (англ. – 14 ед., нем. – 19 ед.). Партитивный (синекдохический) тип метонимии имеет следующие подвиды: а) голос → певец с таким голосом: англ. *baritone* ‘баритон (голос)’; ‘баритон (певец с таким голосом)’; нем. *Heldtenor* (m) ‘драматический тенор’; ‘певец с таким голосом’; б) часть тела, орган → человек: англ. *flesh* букв. ‘плоть’; разг. ‘актер, выступающий на сцене’; нем. *Tränendrüse* (f) букв. ‘слезная железа’; разг. ‘актриса, которая может заплакать при необходимости’.

3) роль → актер, исполняющий такую роль (англ. – 4 ед., нем. – 2 ед.). Данный тип метонимического переноса строится на атрибутивных отношениях, ср.: англ. *walk-on* ‘роль без слов’; ‘актер (статист), исполняющий роль без слов’; нем. *Knallcharge* (f) букв. ‘роль шута, паяца’; разг. ‘актер в роли шута, паяца’.

В английском языке также выявлены примеры таких типов метонимических переносов:

1) атрибутивный тип по моделям: а) отличительная черта → человек с такой чертой (*talent* букв. ‘талант’; разг. ‘актер, исполнитель’); б) имя собственное → имя нарицательное (*flack* букв. ‘(Джин) Флэк (американский рекламный агент)’; разг. ‘рекламный агент’);

2) локальный тип по модели ‘место → человек’ (*pad* букв. ‘дорога’; разг. ‘странствующий музыкант’);

3) каузальный тип по модели 'действие → субъект действия' (*quaver* букв. 'трель'; разг. 'певец (выводящий трели)').

ВЫВОДЫ

Итак, сопоставительный анализ НЧИ, возникших в ходе вторичной номинации, свидетельствует о том, что немецкие производные по сравнению с английскими в целом характеризуются большей образностью при обозначении человека в сфере кино, театра, музыки и телевидения. Главным средством вторичной номинации человека в искусстве в английском языке служит метонимия (60 ед. или 58,8%), а в немецком – метафора (92 ед. или 68,1%). Важно отметить, что большая часть аналогичных образований наблюдается в сфере разговорной и сленговой лексики. В английском и немецком языках доминирует каузальный тип метонимического переноса, построенный по модели 'объект (музыкально-драматическое произведение, музыкальный инструмент) который поддается действию → субъект (исполнитель, музыкант) действия'. В обоих германских языках метафорические НЧИ возникают в ходе вторичного переосмысления человека по его роду деятельности и умениям, социальному положению, личным качествам и характеру, возрасту, родственным связям, а также фауны и флоры.

Список литературы

1. Антропова Н. А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного) / Н. А. Антропова. – М.: Прометей, 2005. – 350 с.
2. Басиров Ш. Р. Метафоричні моделі орнітонімів у різноструктурних мовах / Ш. Р. Басиров // Науковий вісник Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. – Серія: Філологічні науки (мовознавство), №1, 2014. – С. 3-13.
3. Басыров Ш. Р. Номинация транспортных средств в немецком, английском и украинском разговорном языках / Ш. Р. Басыров // Филологические чтения: Материалы Международной научно-практической конференции 27-29 ноября 2013 года, Оренбург / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 22-25.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1953. – 374 с.
6. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
7. Удинська А. Г. Метонімічні переноси на позначення людини в англійській і українській мовах: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17 / А. Г. Удинська. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 224 с.
8. Benczes R. Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations / R. Benczes. – John Benjamins Publishing, 2006. – 205 p.
9. Fainsilber L., Ortony A. Metaphor production in the description of emotional states / L. Fainsilber, A. Ortony // Metaphor and Symbolic Activity, 2. – Lawrence Erlbaum Assoc., 1987. – P. 239-250.
10. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 3. unveränderte Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. – 382 S.
11. Stern G. Meaning and change of meaning: with special reference to the English language / G. Stern. – Indiana University Press, 1964. – 490 p.
12. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms and Catch Phrases, Fossilised Jokes and Puns, General Nicknames, Vulgarisms, and Such Americanisms As Have Been Naturalised 8Th Ed. / Eric Partridge, Paul Beale. – Taylor & Francis Routledge, 1984. – 1400 p.

13. Collins English Dictionary: Complete and Unabridged, 8th ed. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 1888 p.
14. Duden: das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bdn. – Mannheim [u. a.]: Dudenverlag, 1999. – 4320 S.
15. Gold Robert S. A jazz lexicon. – New York, A. A. Knopf, 1964. – 402 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English, 4th ed. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
17. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 8.05.2016).
18. The Oxford Dictionary of Slang / John Ayto. – Oxford University Press, 1998. – 474 p.
19. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / Tom Dalzell. – Taylor & Francis, 2009. – 1104 p.
20. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / Heinz Küpper. [Электронный ресурс] / Digitale Bibliothek 36, 2000. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
21. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. URL: <http://mundmische.de> (дата обращения: 8.05.2016)

A CASE STUDY OF ENGLISH AND GERMAN SECONDARY NAMES OF PEOPLE IN ARTS

Kositskaya A.G.

The article explores the processes of secondary nomination of people in arts (namely, in cinema, theatre, music, and television) based on English and German neutral words and colloquialisms, e.g.: Eng. *warbler* 'a songbird'; colloq. 'a singer', *talking head* colloq. 'a presenter or reporter on television who addresses the camera and is viewed in close-up'; Ger. *Lustspielkanone* (f) lit. 'a comic cannon'; colloq. 'a popular comic actor/actress' (the effect of the actor's/actress's popularity is associated with the effect of a cannon shot), *Brücke* (f) lit. 'the flies (the space over the stage in a theatre)'; 'an electrician positioned in the flies'.

Structurally, metaphorized and metonymized names of people in arts (NPA) in English and German equally belong to single word and multiword formations, the latter including compounds and word combinations.

Thus, the comparative analysis of NPA secondary nomination in the Germanic languages under comparison has revealed that German in comparison with English offers more figurativeness for naming people in cinema, theatre, music, and television. Metonymy serves the primary means of NPA secondary nomination in English (60 units or 58,8%) whereas metaphor is highly productive in German (92 units or 68,1%). It is important to note that the largest share of the formations thereof refers to a slang and colloquial domain. Both English and German NPAs gain their meaning through the causative type of metonymic transference 'object (musical-dramatic work, musical instrument) acted upon → subject (performer) acting', cf.: Eng. *buffa* 'a form of comedic opera'; 'a comedic actress or clown in an opera'; Ger. *Klavierduo* (n) 'a piano duet (a piece of music composed either for two people playing duets or for each playing the piano)'; 'an instrumental ensemble consisting of two people playing the piano'. The most part of metaphorical NPAs refer to *fauna and flora* (Eng. *hep-cat/hip-cat* colloq. 'an enthusiast for jazz, swing music, etc.' (*cat* might be related to the itinerant nature of early jazzmen); Ger. *Theaterpflanze* (f) lit. 'theatre plant'; colloq. 'a stage actress' (*Pflanze* colloquially means a conventional thing, something grown in a certain place) and *people* according to their occupation and skills, kinship, social position, character traits, and age (Eng. *village blacksmith* colloq. 'a performer or actor not quite a failure, his engagements never lasting longer than a week' (the association comes from H. Longfellow's poem "The Village Blacksmith", 'Week in, week out, from morn till night...'); Ger. *Noten-Akrobat* (m) lit. 'a note acrobat'; colloq. 'a musician' (he is as deft as an acrobat); Eng. *red-hot momma* colloq. 'an earthy female jazz-singer'; Ger. *Luxusdame* (f) lit. 'a luxury lady'; colloq. 'an actress wearing luxury costumes'; Eng. *jitterbug* 'a very nervous or 'jittery' person'; colloq. 'a jazz musician; a swing jazz enthusiast' (the association might be connected with the fact that a musician or a swing jazz enthusiast jitters to this music); Ger. *Leinwandnymphchen* (n) lit. 'a screen nymphet'; colloq. 'a young actress').

Key words: noun, secondary nomination, metaphor, metonymy, metonym.

УДК 801.81

УКРАЇНСЬКІ ТА РОСІЙСЬКІ ЗАМОВЛЯННЯ ПРИКОРДОННИХ ТЕРИТОРІЙ УКРАЇНИ ТА РОСІЇ У ЗАПИСАХ КІНЦЯ ХІХ — ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТЬ: БІБЛЮГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ

Кривенко О. В.

*Таврійська академія (структурний підрозділ)
КФУ ім. В. І. Вернадського
м. Сімферополь,
e-mail: oksanaugr@rambler.ru*

У статті зроблено спробу систематизації українських та російських замовлянь, зафіксованих на прикордонних територіях України та Росії. Це має важливе значення для дослідження побутування та взаємодії української та російської фольклорних традицій. Відображено у першу чергу джерела, що місять записи тільки з однієї області (губернії). Збірки, у яких зафіксовані замовляння одночасно з кількох різних областей сучасних України та Росії, не беруться до уваги. У статті також обґрунтовано необхідність використання поняття «мезотрадиція» для позначення локальної традиції конкретного регіону.

Ключові слова: замовляння, традиція, мезотрадиція, бібліографія, прикордонна територія, фольклор.

ВСТУП

Метою дослідження є виокремлення фольклорних (зокрема okazіонально-обрядових) мезотрадицій, виникнення яких пов'язане із відносно високою мобільністю населення внаслідок суспільно-політичних та історичних обставин. Під мезотрадицією розуміємо традицію конкретної територіально невеликої місцевості (губернії, міста з прилеглими селами тощо). Питання географічного районування текстів замовлянь ускладнюється відсутністю протягом тривалого часу повної паспортизації записаних текстів.

Матеріалом дослідження стали наявні в українській та російській фольклористиці збірки та інші публікації замовлянь. Під українськими та російськими замовляннями маємо на увазі не стільки тексти, записані українською та російською мовами відповідно, скільки тексти, які за своїми структурними особливостями можна віднести до однієї із зазначених okazіонально-обрядових етнотрадицій.

У ході дослідження було використано метод вибірки (для виділення джерел, що містять інформацію про замовляння прикордонних територій України та Росії), порівняльний та зіставний методи (для виділення схожих та відмінних рис зазначених груп текстів), статистичний метод (для кількісного вимірювання отриманих результатів).

ОСНОВНА ЧАСТИНА

У контексті розвитку та взаємодії культур у поліетнічному світі особливого значення набувають взаємовпливи генетично близьких фольклорних традицій. Цікавим та перспективним для дослідження в цьому напрямку регіоном є прикордонні території України та Росії, де населення протягом століть було відносно мобільне і

де тривалий час перебували козаки. *Об'єктом* аналізу обрано замовляння (рос. заговор), оскільки цей жанр в українській традиції ще недостатньо досліджений, в російській фольклористиці його інтерпретація досі залишається дискусійною, а питання його класифікації та систематизації постійно перебуває у колі наукових зацікавлень вчених. Порівняльне дослідження українських та російських замовлянь як сакральних текстів, що функціонували в регіоні одночасно, виглядає особливо перспективним з огляду на тенденцію комплексного дослідження східнослов'янського фольклору. Питання класифікації та зокрема укладання показчиків сюжетів та мотивів замовлянь пропонується розв'язувати за аналогією до вже існуючих показчиків сюжетів та мотивів казок (наприклад, «Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка» (1979), «Типы международных фольклорных сказок» (2004) та ін.).

Українські замовляння, зафіксовані на помежевій території, вміщені у збірках українських замовлянь («Ви, зорі-зориці...» Т. М. Шевчук (1991), «Сборник малороссийских заклинаний» П. Єфименка (1869) тощо), а також у наступних переважно російськомовних працях: «Наговоры от болезней у черноморцев» (1883) Ф. Щербини (8 одиниць), «Черноморские заговоры» (1892) П. Короленка (20 од.), «Народные средства для лечения болезней» (1893) П. Горбанева (13 од.), «Суеверия, приметы, поверья, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска» (1893) П. Горбанева (6 од.), «Заговор от лихорадки» (1898) О. Л. (1 од.), «Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам)» (1902) А. С. Лебедева (2 од.), «Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края» (1905) В. А. Бабенка (10 од.), «Сказки, пословицы и т. п., зап. В Екатеринославской и Харьковской губ.» (1890) І. І. Манжури (16 од.), «Заговор от бешихи» (1906) б/а (1 од.), «Малорусские народные заговоры, заклинания, молитвы и рецепты, собранные в Екатеринославщине» (1913) Я. Новицького (68 од.), «Несколько простонародных способов лечения в Херсоне и окрестностях» (1853) В. Негрескула (2 од.), «Памятники украинской народной словесности» (1859) П. Єфименка (7 од.), «Село Голенка Конотопского уезда [Чернігівської губернії]» М. Ісаєнка (1 од.), «Статистическое описание Бобровицкой дачи» А. Шамбараєвського (5 од.), «Село Меленск (Стародубского у.)» Г. Пригаровського (5 од.), «Знахарство, шептанье и заговоры» (1885), «Народные обычаи, поверья, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате» (1889) І. Іванова (36 од. та 1 од. відповідно), «[Заговоры, употребляемые в Черниговской губ. от болезней]» (1890) б/а (4 од.), «Малороссийские заклинания в Харьковском уезде» (1890) В. Липського (19 од.), «Сказки, пословицы и т.п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ.» (1890) І. Манжури (16 од.), «О деревенских знахарях и их заговорах» (1890) б/а (7 од.), «Из записной книжки малорусского этнографа» (1890) Д. Эварницького (4 од.), «Местечко Дмитровка» (1890) Г. Сорокіна (16 од.), «Из области суеверий малорусов Черниговской губернии» (1891) Є. Шарко (6 од.), «Заговоры из Городищенского и Черниговского у. Черниговской губ. (Собраны М. Гавриловым, доставлены П.С. Ефименко)» (1892) (9 од.), «Сборник Ирины Антоновны Семенцовоной, доставленный из с. Будниц Кролевецкого у. Черниговской губ.» (1892) (20 од.), «Материалы по этнографии Новороссийского края» (1894) В. Ястребова (47

од.), «Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии» (1894) б/а (71 од.), «Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии» (1895) б/а (12 од.), «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях» (1895) Б. Гринченка (55 од.), «Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии» (1898) б/а (20 од.), «Заговор от лихорадки» (1898) О.Л. (1 од.), «Экспурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий. XXI–XXIII» (1902) М. Халанського (14 од.), Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края (1905) В. Бабенка (10 од.), «Из этнографических рукописных материалов предварительного комитета XII археологического съезда» (1905) А. Ветухова (16 од.), «Несколько заговоров из Старобельского уезда» (1913) П. Иванова (9 од.), «Малорусские народные заговоры, заклинания, молитвы и рецепты, собранные в Екатеринославщине» (1913) Я. Новицького (68 од.), «Исчезающие народные обычаи Донбасса» (1924) Л. Гаєвого (8 од.), «Символика животных в славянской народной традиции» (1997) А. Гури (10 од.), «Жанрове розмаїття фольклору на Сумщині: сучасне побутування» (2011) І. Коваль-Фучило (5 од.), «Старушка» (1852) Г. Надхіна (1 од.), «Из мотивов народного творчества (с. Фашевка Городищенского р-на Луганского округа)» (1925) П.С. (1 од.) та ін.

Російські замовляння представлені у таких публікаціях: «Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской Терской области» (1893) А. Гусева (8 од.), «Народная медицина в г. Ейске» (1893) С. Мажникова (11 од.), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1893) б/а (4 од.), «Заметки о болезнях, замечаемых в ст. Кубанской, и о местных средствах против них» (1893) І. Соболя (4 од.), «Из области суеверий и устной словесности терских казаков» (1899), Є. Баранова (5 од.), «Этнографические материалы Поволжского края» (1874) Д. Садовнікова (12 од.), «Нашептывания и наговоры так называемых знахарей» (1879) В. Орлова, «Город Нижнедевицк и его уезд» (1861) П. Малихіна (2 од.), «Домовой, леший, водяной и русалки, колдуны, ведьмы, знахари и обмирающие, обряды, приметы и гадания» (1861), «Этнографические очерки Воронежской губернии. Ч. III. О народных болезнях и их суеверном лечении» (1862), «Этнографические очерки Воронежской губ.» (1863), «Этнографические очерки Воронежской губернии» (1886) А. Селіванова (10 од., 6 од., 14 од. та 32 од. відповідно), «Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда» (1862) А. Машкіна (7 од.), «О болезнях и лечении их в простом народе Воронежской губернии» (1862) М. Попова (7 од.), «Волга. Заговор от немощи лошадей» (1864) б/а (1 од.), «Русские чародеи и чародейки конца прошлого века» (1871) Д. Мордовцева (4 од.), [Заговоры] (1872) б/а (8 од.), «Нашептывания и наговоры так называемых знахарей» (1879) В. Орлова (34 од.), «Наговоры от болезней у черноморцев» (1883) Ф. Щербина (8 од.), «Заговоры» (1889) С. Блохіна (7 од.), «Станица Бороздинская Терской обл., Кизлярского округа» (1889) Є. Бутової (1 од.), «Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А.Ф. Бычкову)» (1891) Л. Майкова (1 од.), «Черноморские заговоры» (1892) П. Короленка (20 од.), «Материалы по описанию пчеловодства Кавказского края» (1892) б/а (25 од.), «Народные средства для лечения болезней» (1893), «Суеверия, приметы, поверья, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска» (1893) П. Горбанева (13 од. та 5 од. відповідно),

«Слобода Пена Обоянского у. (Знахари)» (1898) б/а (4 од.), «Народные поверья и заговоры, относящиеся к пчеловодству» (1899) Т. Павлевського (17 од.), «Корреспонденция из Ст. Родниковская (Лабинск. отдела)» (1901), «Народные развлечения. – Средство от чирьев. – Заговор» (1901), «Путешествие в Харьков и возвращение больного раком. Заговор от рака» (1901) Л. Розенберг (2 од., 1 од. та 1 од. відповідно), «Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Ейске» (1901) М. Харламова (45 од.), «Заговор для уничтожения находящихся в доме тараканов, сверчков и мокриц» (1903) В. Водарский (1 од.), «Материалы по этнографии казачьего населения Кубанской области» (1904) Н. Державина (2 од.), «Брянский говор. Заметки из области русской этнологии» (1904) П. Тиханова (10 од.), «Народные говоры Курской губернии» (1904) М. Халанського (3 од.), «Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Майкопе» (1904) М. Харламова (31 од.), «“Егорьев день” в Смоленской губ.» (1908) В. Добровольського (4 од.), «Заговоры» (1908) М. Неклюдова (13 од.), «Заклятия на судей» (1913) В. Данілевича (6 од.), «Этнографические материалы, собранные в Задонском у. Воронежской губ. по поручению императорской АН, В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. Подг. к печати и снабдил примеч. А.А. Шахматов» (1916) б/а (8 од.), «Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении» (1925) Г. Булгакова (2 од.), «Об изучении народной поэзии в школе 2-й ступени (Методические заметки и материалы для занятий)» (1927) С. Баранова (3 од.), «Песни, частушки, заговоры и малопонятные слова д. Конево Курского у.» (1927) В. Стрельського (3 од.), «Из истории русских суеверий в XVIII столетии» (1940) М. Успенського (3 од.), «Заговорная традиция с. Дереевск Погарского района Брянской области (2007) В. Євтеєвої (29 од.), «Два заговора» (1846) б/а (2 од.), «Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии» (1848) У. Карпова (11 од.), «Народное лечение лихорадки [Леопольдов]» (1850) б/а (1 од.) та ін.

Записані російською мовою українські та російські замовляння, що побутували серед змішаного українсько-російського населення, зафіксовані зокрема у працях Г. Ткачева «Этнографические очерки Богучарского уезда» (1867) (9 од.), «Лживые молитвы, заговоры» (1860) Г. Кушелева-Безбородька (5 од.), «Несколько заговоров (доставлены М. Д. Линдой и И. Ф. Любичким)» (1892) б/а (8 од.), «О змее в русской народной медицине» (1912) В. Демича (6 од.), «Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18–20 февраля 1914 г.» (1914) В. Перетц (16 од.), «Заговорные формулы и описания магических действий, собранные П. Г. Богатыревым (из фондов Фольклорного архива ГЛМ)» (1993) (8 од.) тощо. Окремо слід відзначити дослідження українсько-білорусько-російської території Полісся: «Зіллі (Предания, поверья, пословицы и песни жителей Полесья)» І. Трусевича (6 од.), «Поліські замовляння» (1995) зібрані та укладені В. Мойсієнком (188 од.), «Традиції першого вигону худоби в полішуків» (1996) М. Гладкого (15 од.) тощо.

Дискусійним є віднесення тих чи інших текстів до однієї з досліджуваних фольклорних традицій без відповідних пояснень. Це створює плутанину в цьому і без того складному питанні. Так, наприклад, у «Вказівнику» Т. Агапкіної та А. Топоркова [1] (імовірно, за назвою джерела: «Очерки России» В. Пассека) насту-

пний текст віднесено до російських замовлянь: «Помогаешь бо, вода явленная, очищаш ты, вода явленная, и луга, и берега, и середину! Очищай ты, вода явленная, моего новорожденного от позора подумана, и погадана, и встречна, и водяного, и ветряного, и жиноцька, и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити вы, уроки, на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря!» [2]. Імовірно, несвідомо було проігноровано назву розділу («Малороссийские поверья»), у якому розміщено наведене замовляння. Так само вводять в оману віднесені до українських (за місцем видання?) замовляння з праці А. Лебедева «Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам)» (Харьков, 1902). А от замовляння з праці Н. Тихонравова «Заговоры на оружие», записане у Харкові, віднесене зазначеними дослідниками до російських.

Слід звернути увагу на той факт, що, попри колишню належність певних територій сучасної України Російській імперії, під час розмежування фольклорних традицій треба брати до уваги передусім етнічні, а не політичні території, керуючись при цьому структурно-аналітичним принципом, а не механічним поділом за місцем видання чи запису текстів.

Загалом дослідження охоплює переважно джерела замовлянь із Чернігівської, Харківської, Сумської, Луганської, Донецької, Запорізької, Херсонської, Одеської області України, Воронежської, Краснодарської, Смоленської, Брянської, Курської, Белгородської, Ростовської, Саратовської області Росії.

ВИСНОВКИ

Таким чином, нашу увагу привернули у першу чергу джерела, присвячені мезотрадиції конкретної місцевості (зокрема на межі територій сучасних України та Росії), а не збірки текстів з різних регіонів, оскільки в останньому випадку ці тексти (цілком імовірно) могли піддаватися свідомій чи підсвідомій обробці під стандартну літературну мову або під ближчу записувачеві регіональну мезотрадицію. В результаті систематизації джерел (бібліографії) стає очевидно, що на досліджуваних територіях одночасно побутували обидві фольклорні традиції. Достатня кількість записаних українських та російських замовлянь свідчить про перспективність поглибленого дослідження, особливо українських замовлянь, зафіксованих у російськомовних джерелах.

Список літератури

1. Восточнославянские заговоры: аннотированный библиографический указатель / Сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков; версия 2-я, электронная. – М., 2012. – 199 с.
2. Пассек, В. Очерки России / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 448 с. – С. 286.
3. Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / Авторы-составители Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. – М.: «Индрик», 2014. – 320 с.

**УКРАИНСКИЕ И РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
УКРАИНЫ И РОССИИ В ЗАПИСЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ:
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Кривенко О. В.

В статье сделана попытка систематизации украинских и русских заговоров, зафиксированных на приграничных территориях Украины и России, что имеет значение для изучения бытования и взаимодействия украинской и русской фольклорных традиций. В работе отражены в первую очередь источники, содержащие записи только из одной области (губернии), а не сборники заговоров со всей территории современных Украины или России. Обоснована необходимость использования понятия «мезотрадиция» для обозначения локальной традиции конкретного региона.

Ключевые слова: заговор, традиция, мезотрадиция, библиография, приграничная территория, фольклор.

**UKRAINIAN AND RUSSIAN SPELLS IN BORDER TERRITORY OF RUSSIA AND
UKRAINE IN THE RECORDS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES:
BIBLIOGRAPHICAL ASPECT.**

Kryvenko O. V.

The aim of the study is to separate folklore (particularly occasional-ritual) meso-traditions associated with a relatively high mobility of the population, due to socio-political and historical circumstances. Question of the geographical zoning of spells is complicated by the absence of the full certification of written texts for a long time. The article is an attempt of systematization of the Ukrainian and Russian incantations (spells) recorded in the border area of Ukraine and Russia, which is important for the study of existence and interaction of Ukrainian and Russian folk traditions. Sources containing records of only one region (province), is preferred. Digests of incantations (spells) from all over the modern Ukraine or Russia are not taken into account. Also in the article the necessity of the "meso-tradition" concept usage which is substantiated to refer about the local tradition of a particular region. As a result of the bibliography systematization it becomes apparent that both folk traditions are existed at the studied area at the same time. A sufficient number of recorded Ukrainian and Russian incantations enable promising depth study of indicated meso-traditions.

Key words: spell incantation, tradition, meso-tradition, bibliography, border area, folklore.

УДК 81-25

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Михайличенко Е. С.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь
e-mail: mikki.milena@gmail.com*

Проанализированы лексические особенности интернет-языка пользователей социальных сетей в России, Украине и Польше. Показано, что общей тенденцией использования лексики в социальных сетях является усиление процесса заимствования лексических единиц из английского языка, которые можно разделить на две группы. Первая группа включает слова, которые отражают реалии социальных сетей и интернет-пространства и не имеют аналогов в родном языке. Ко второй группе относятся слова, которые имеют аналоги, и используются в социальных сетях, образуя особый сленг пользователей. Активное использование сленга обусловлено отсутствием в социальных сетях регламентированного контроля над языком, так как общение в интернет-сообществах носит неформальный характер. В социальных сетях сленг широко используется для придания коммуникации эмоциональной окраски. Помимо заимствований и сленгизмов, пользователи социальных сетей употребляют лексические сокращения для более быстрой передачи информации в сообщениях. Таким образом, показаны особенности функционирования русского, украинского и польского языков в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социальная сеть, молодежный сленг.

ВВЕДЕНИЕ

Социальные сети стали знаковым явлением современной жизни. Среди жителей развитых стран практически не осталось людей, не имеющих аккаунта в одной или сразу нескольких социальных сетях. При этом стремительное распространение данный вид интернет-коммуникации получил сравнительно недавно, хотя сам термин «социальная сеть» появился еще в 1954 году в работе социолога манчестерской школы Джеймса Барнса «Классы и собрания в норвежском островном приходе». В привычном для нас виде первая социальная сеть Classmates.com была открыта для посетителей в 1995 году Рэнди Конрадом, но массовую аудиторию интернет-сообщества получили лишь в начале XXI века с запуском сервисов LinkedIn, MySpace и Facebook. В настоящее время только в России по данным ВЦИОМа 82 % пользователей Интернета имеют собственную страничку в «Одноклассниках», «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter» или «Моем мире». Неудивительно, что феномен социальных сетей вызвал огромный интерес в научном сообществе: социальные сети активно изучаются в различных аспектах и различными науками – от социологии и философии до кибернетики и психиатрии. Одними из первых заинтересовались данным интернет-явлением лингвисты, изучающие вопросы функционирования языка в информационном интернет-пространстве, ведь переписка в социальных сетях позволяет наглядно исследовать так называемый интернет-сленг (работы Е.П. Буториной, А.В. Войкунского, Л.Ю. Щипициной).

И действительно, язык переписки в социальных сетях отличается от письменной речи, не говоря уже о таком отличительном признаке современной интернет-переписки, как активное использование невербальных знаков (смайлы, эмодзи и т. д.), порой полностью заменяющих вербальные реплики в диалогах пользователей социальных сетей. Что касается собственно языка, то общение в социальных сетях происходит на комбинации письменной литературной и устной разговорной речи, при этом нормы употребления данной речи могут отличаться от общепринятых правил орфографии, пунктуации, синтаксиса и т. д. В данной работе мы проанализируем лексические особенности интернет-языка пользователей социальных сетей в России, Украине и Польше, чтобы выявить общие тенденции развития языка в пространстве социальных сетей, обусловленные спецификой функционирования данных сообществ. Для этого предполагается решить следующие задачи:

1) выделить лексические признаки интернет-языка, используемого в социальных сетях;

2) определить их функциональное значение.

Материалом для проведения исследования служит картотека, составленная на основе открытой переписки в социальных сетях ВКонтакте и Facebook.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одна из главных лексических особенностей языка общения в социальных сетях – заимствования из английского языка. Как отмечает Л.П. Крысин: «Бывают в истории общества ... времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец прошлого столетия и начало нынешнего, когда возникли и существуют такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» [5].

Одним из таких условий и стало массовое распространение социальных сетей, активная часть пользователей которых – молодежь, более терпимая к чужой лексике. Причем активизация процесса заимствования характерна в одинаковой степени как для русского языка, так и для украинского и польского.

Чем же отличаются заимствования в социальных сетях от привычного заимствования? В первую очередь тем, что в интернет-общении заимствования приходят из одного языка – английского – как языка создателей самых популярных сетей (Facebook, Twitter и т. д.). А вот дальше заимствованную лексику можно разделить на 2 группы. Первую составляют те слова, которые выражают реалии социальных сетей и интернет-пространства, несут некоторую терминологическую окраску и не имеют аналогов в родном языке (или неполные аналоги):

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Сленгизм	Образование и описание сленгизма	Употребление в контексте – пример из социальной сети
Блоггер	Блоггер – человек, ведущий сетевой журнал (дневник) (от англ. <i>blog</i> (от <i>weblog</i> – интернет-журнал событий, интернет-дневник) онлайн-дневник).	«Она – очень интересный блоггер »
Оффлайн	(от англ. <i>offline</i> – отключенный от сети – вне доступа) – не на связи; за пределами глобальной сети Интернет.	«Ты постоянно оффлайн , я не могу с тобой нормально пообщаться»;
Фейс	(от англ. <i>Facebook</i> – социальная сеть Фейсбук).	«Я тобі на фейсі круті фотки скинув».

Как видно, данные заимствования активно вливаются в родной язык – они образуют разные части речи и склоняются по правилам родного языка.

Вторую группу составляют те иноязычные слова, которые имеют аналоги в родном языке, но используются в социальных сетях, образуя особый сленг пользователей, который постепенно проникает и в устную речь:

Сленгизм	Образование и описание сленгизма	Употребление в контексте – пример из социальной сети
Окейно	<i>Окейно</i> – хорошо (от англ. <i>Окей</i> – <i>all correct</i> +суффикс -но)	«Не переживай, всё будет окейно »
Сорри	от англ. <i>sorry</i> – извини	«Не могла тебе вчера позвонить, сорри »
Респект	от англ. <i>respect</i> – уважать	«- я склав цей іспит! -респект! »
Паті	от англ. <i>party</i> – вечеринка	«Підеш з нами на nami? »
Supcio	(<i>supcio</i> – отлично (основа от англ. <i>super</i> + суффикс -cio)	«Wszystko jest supcio! (все супер)»
Frontmen	от англ. <i>frontman</i> – солист	«Bardzo mi się podoba frontmen tej grupy muzycznej (мне очень нравится солист этой группы)»

Другая яркая особенность языка общения в социальных сетях – активное использование жаргонов, в основном, молодежного и воровского арго, а также специфичного интернет-сленга – так называемого «олбанского языка». Здесь следует отметить, что характерный для устной речи сленг обрел письменную форму в Интернете. Его быстрое распространение в настоящее время обусловлено свободным доступом к Интернету и отсутствием в социальных сетях регламентированного кон-

троля над языком. Изучению речи молодежи, в том числе в виртуальном пространстве, посвящено много работ. Из-за неустойчивости данной формы языка лингвисты пытаются фиксировать все изменения, которые в ней происходят, с целью полного, системного описания языковых явлений в виртуальном пространстве. В российском языкознании описанию речи молодежи посвящены работы Т.Г. Никитиной, Л.И. Скворцова, М.М. Копыленко, В.М. Мокиенко и др.; особое внимание в своих научных работах молодежному сленгу уделяли украинские лингвисты С. Пырало, Л. Ставицкая; польским молодежным сленгом интересовались И. Шрайбер, Д. Бартоль, Ст. Грабяс, А. Левандовский. Распространение молодежного сленга в социальных сетях обусловлено, с одной стороны, преобладанием среди пользователей молодежи и их активностью в интернет-сообществах, с другой стороны, тем фактом, что общение там носит неформальный, часто даже фамильярный характер, поэтому использование сленга является одним из способов добавить эмоциональности:

Сленгизм	Описание сленгизма	Употребление в контексте – пример из социальной сети
Накосячить	Накосячить – провиниться	«Слушай, я так <i>накосячила</i> , теперь не знаю, что делать.»
Морозить	Морозить – оказывать психологическое давление, игнорировать	«Ты еще долго будешь меня <i>морозить</i> ?»
Стібатися	Стібатися – насмехаться, иронизировать	«Слухай, досить <i>стібатися!</i> »
Тачка	Тачка – автомобиль	«Та він мажор! Бачив, на якій <i>тачці</i> він їздить?»

Помимо собственно молодежного сленга речь в социальных сетях изобилует лексикой деклассированных элементов общества и бранными словами, что добавляет соответствующую грубовато-циничную стилистическую окраску переписки:

Сленгизм	Образование и описание сленгизма	Употребление в контексте – пример из социальной сети
Бабло	Бабло – деньги	«У меня нет <i>бабла</i> »
Лох	<i>Лох</i> – жаргонное название наивно-го, простодушного человека	«Ну ти <i>лох</i> ! Як можна було таке сказати?!»

Еще одна особенность переписки в социальных сетях – использование лексических сокращений: акронимов, полусокращений, усечений. Причина их возникновения вполне понятна: соблюдается принцип экономии при письменной фиксации устной речи в условиях, когда сообщение к адресату доставляется за секунду после нажатия Enter. Приведем несколько примеров:

Сленгизм	Образование сленгизма	Употребление в контексте – пример из социальной сети
Магаз	от «магазин»	«Я сейчас быстренько в <i>магаз</i> смогаюсь, а потом сразу к вам на хату»
Комп	от «компьютер»	«Как буду с <i>компа</i> , обязательно посмотрю это видео!»

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Фотки	от “ <i>фотография</i> ”	«- безумно крутые <i>фотки!</i> »
Пжл	от “ <i>пожалуйста</i> ”	«- <i>пжл</i> »
Инфа	от “ <i>информация</i> ”	«Дякую за <i>инфу</i> »
Kolo	от “ <i>kolokwium</i> ” (коллоквиум)	«Jeszcze muszę zdać <i>kolo</i> »(Я еще должен сдать коллоквиум)
OMG	акроним от “ <i>Oh MyGod!</i> ” (ОБоже мой!)	« <i>OMG</i> co to w ogóle jest?» (О Боже, что это вообще?)

ВЫВОДЫ

Социальные сети создают особую форму интернет-коммуникации, связанную с технологиями виртуальной действительности, интерактивности и доступностью. Неформальный стиль общения и быстрота отправки/доставки сообщений, преобладание молодежи среди пользователей, влияние опыта участия в других видах интернет-коммуникации (чатах, форумах и т. д.) формируют отличительные признаки языка, используемого участниками социальных сетей. Данные особенности интернет-сообществ характерны в равной мере как для жителей России, так и Украины и Польши. Поэтому мы можем наблюдать, как русский, украинский, польский языки трансформируются в интернет-коммуникации. Так, пользователи социальных сетей активно используют жаргонизмы и заимствованную лексику. Не остается в прежнем виде и письменная речь – литературные формы слов родного языка преобразуются в более усеченные и сокращенные формы для более быстрой передачи информации в сообщении. Все эти изменения в лексическом пласте языка отражают общие тенденции процессов преобразования устной и письменной литературной речи, которые происходят под влиянием массового распространения интернет-коммуникации. Изучение же лингвистического аспекта интернет-коммуникации позволит, в свою очередь, лучше понять современное состояние развития языка.

Список литературы

1. Бирюкова Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности [Электронный ресурс] / Е.А. Бирюкова // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98. – Режим доступа: http://dropdoc.ru/doc/1066633/internet-kommunikaciya-kak-sredstvo-mezhkul._turnogo. Проверено 03.03.2016.
2. Буторина Е.П. А поговорить? Интернет как лингвистический феномен [Электронный ресурс] / Е.П. Буторина // Мир медиа XXI. 1999. № 1. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_50. Проверено 03.03.2016.
3. Войсунский А.В. Мегафоры Интернета / А.В. Войсунский // Вопросы философии. – № 11. – 2001. С. 64–79.
4. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А.И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск. – № 5. – 2003. С. – 35–43.
5. Крысин Л.П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>. Проверено 03.03.2016.
6. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика. Русский язык: межличностное общение. [Электронный ресурс] / М.Ю. Сидорова. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~sidorova/files/blogs.pdf>. Проверено 03.03.2016.
7. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа: монография / Л.Ю. Щипицина. – М: Красанд, 2010. – 296 с.

**SOCIAL NETWORKS AS A SPECIAL TYPE OF INTERNET COMMUNICATION:
LEXICAL ASPECT**

Ye.S. Mikhailichenko

The lexical features of the Internet-language of social network users in Russia, Ukraine, and Poland were analyzed. It is shown that the general trend of using the vocabulary in social networks consists of enhancement of the process of borrowing of lexical units from English language, which can be divided into two groups. The first group includes the words that reflect the realities of social networking and Internet space and have no analogues in the native language. The words, which have analogues and are used in social networks forming a special users's slang, belong to the second group. The active use of slang is due to the lack of regulated control of the language in social networks since the communication in online-communities has an informal character. In social networks slang is commonly used to create the emotional coloring of communication. In addition to borrowing and slangism, social networking users use lexical reductions to achieve a faster transfer of information in the messages. Thus, the peculiarities of Russian, Ukrainian, and Polish languages in Internet communication are shown.

Keywords: Internet communication, social networking, youth slang.

УДК 811.161.2

ПРОБЛЕМИ ЛЕКСИЧНОЇ СТИЛІСТИКИ Й ВИРАЖАЛЬНО- ЗОБРАЖАЛЬНИХ ЗАСОБІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ М. РИЛЬСЬКОГО

Пелипась Н. И.

*Таврійська академія (структурний підрозділ)
КФУ ім. В. І. Вернадського
м. Сімферополь
e-mail: p_shkola@mail.ru*

Актуальність роботи визначається теоретичною обумовленістю з огляду на недостатнє дослідження проблем лексичної стилістики й виразально-зображальних засобів української мови в інтерпретації М. Рильського. **Мета роботи** полягає в аналізі наукової діяльності М. Рильського й огляді його практичної діяльності, що має значення у вирішенні проблем української мови. Проблематика дослідження обумовлює вирішення наступних **завдань**: дослідити теоретичну та практичну діяльність М. Рильського в сфері мовознавства – лінгвостилістики її художньої мови, лексикографії, фольклористики – в тісному зв'язку з суспільно-політичними та ідеологічними умовами життя й творчості вченого.

Ключові слова: лексична стилістика, фольклоризми, діалектизми, стилістичні ремарки, синонімія.

ВСТУП

Багато уваги в своїх наукових дослідженнях М. Рильський приділяв проблемам лексичного складу та лексичної стилістики української мови. Разом з такими вченими, як А. Ю. Кримський, Л. А. Булаховський, М. Я. Калинович, І. М. Кириченко, І. К. Білодід, які працювали над різними аспектами лексико-семантичної, лексико-стилістичної та функціонально-стилістичної організації української мови та відбиттям її у словниках, М. Рильський шукав шляхи та можливості розвитку і збагачення лексичного складу української мови, його стилістичної диференціації. Поет-учений відчував потребу в нових словах, ретельному перегляді і можливому новому використанні тих лексичних одиниць, що, на думку багатьох, уже віджили свій вік. Розуміючи, що величезну кількість слів сучасної української, як і інших розвинених мов світу, „утримати в голові” неможливо, дослідник вітав створення та появу нових словників, своєрідних мовних кранниць, бо „неможливо уявити собі культурну людину, яка б не мала потреби в словнику” [4, т. 16, с. 467], і сам брав активну участь у цьому. Необхідно зауважити, що сучасників поета вражала широта його лексикологічних та лексикографічних знань. Про це у своїх спогадах неодноразово говорили відомі мовознавці Л. А. Булаховський, І. К. Білодід [1, с. 172]. Енциклопедична обізнаність поета в багатьох мовних питаннях дозволяла йому поглянути на певну виниклу проблему з різних точок зору: письменника, мовознавця, лексикографа, врешті-решт читача. Л. А. Булаховський, тодішній директор Інституту мовознавства імені О. О. Потебні АН України, говорив навіть про особливе “чуття мови”, яке ніколи не зраджувало поета [1, с. 172].

Хоча поняття лінгвостилістики вчений, можливо, розумів дещо звужено – лише як дослідження мовностилістичних особливостей художньої літератури, пор.:

„Термін *лінгвостилістика* чи *лінгвістична стилістика* лише недавно набув у нас значного поширення. Це та частина лінгвістичної науки, що має на меті вивчення стилістичних, а ширше беручи, ідейно-естетичних особливостей літератури чи творчості окремих письменників з мовознавчої точки зору” [4, т. 16, с. 420], у своєму практичному підході до розв’язання різних проблем стилістичної та, вужче, стильової організації української літературної мови він демонструє нам глибину розуміння природи виникнення, розвитку та функціонування літературних мов, яка полягає в діалектичній взаємодії, на перший погляд, протилежних і взаємосуперечливих процесів – формування літературної мови шляхом її наддіалектного загальнонаціонального піднесення і водночас її постійного живлення з боку діалектної стихії і мови фольклору, прагнення її до стильової універсальності і водночас до можливого гармонійного співіснування в ній одиниць і явищ „високого” і „низького” стилістичних реєстрів, формування її на власне національній основі з відштовхуванням від інших споріднених і неспоріднених мов і водночас постійного вбирання нею іншомовних запозичень і, нарешті, процесів стандартизації і водночас урізноманітнення, протидії її стилістичній закам’янілості. Афористичні слова поета, сказані з іншого приводу: „У щастя людського два рівних є крила: / Троянди й виноград, красиве і корисне”, можна з повною підставою віднести й до розуміння ним значення відшліфованої літературної мови в житті народу – органічного поєднання в ній усвідомлюваної суспільством її потрібності для нього („корисне”) і стилістичної довершеності („красиве”).

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Так, постійно закликаючи „більше дбати про чистоту мови художніх творів” [4, т. 13, с. 346], „до ще більшої уваги до мови як найголовнішого письменницького знаряддя” [4, т. 13, с. 347], проти захоплень „мовними раритетами” [4, т. 16, с. 377] і т. ін., М. Рильський разом з тим з не меншою категоричністю виступав проти надмірної, часто перестраховальної регламентації мови з боку „літературних редакторів”: „Наші літературні редактори, чия робота загалом гідна всякої пошани, іноді надмірно захоплюються „причісуванням” мови на один лад, з перебільшеним пуризмом виганяють слова, які виходять за межі їх – часом не дуже багатих – лексичних реєстрів, з гіпертрофованим запалом виганяють із творів так звані „заборонені” слова, не завжди зважаючи на те, яку функцію ті слова у даному творі виконують” [4, т. 16, с. 379-380]; „Ви розгортаєте газету або журнал, читаете статтю чи начерк, і вас охоплює іноді безнадія від тої сірості, штампованості, в яких зовсім невірною вбачати відрадні прикмети стабілізації і стандартизації мови. Та й яка, власне, може бути „відрадна” стандартизація мови, коли жива мова – це процес, а не закам’янілий факт, це широковода річка, що віддзеркалює в собі і береги, і небо, і мінливість хмар, і прудкий блискавичний літ аероплана, і зигзаги пташиних крил, а не покритий зеленою ряскою непорушний ставок!..” [4, т. 16, с. 347]; „Дбати про багатство, красу і чистоту рідної мови – це наша спільна справа. Боротися з занечищенням мови, із її штучним збідненням, до якого такі охочі деякі літературні редактори, – наш обов’язок” [4, т. 16, с. 445]. У рецензії на „Курс історії української літератур-

ної мови” вчений відзначає: „Може трошки злякати термін – „уніфікація літературної мови”. Але уважний читач побачить, що йдеться не про причісування всіх письменників, всіх, хто послуговується нашою мовою в публіцистичній і науковій роботі, на один лад, а про цілком закономірний процес творення й усталення єдиної літературної мови як зброї висококультурного народу. Автори ніяк не відкидають доцільного використання діалектних елементів, вони з належною увагою й повагою ставляться до індивідуальних стильових рис того чи іншого письменника, без наявності яких неможливий був би розвиток мови, розвиток літератури, – але разом з тим визначають, ідучи вслід за найавторитетнішими мислителями, що єдиний народ повинен мати єдину літературну мову, яка живиться всіма джерелами народної мови і в свою чергу впливає на мовну практику всіх верств суспільства” [4, т. 16, с. 461].

У рецензіях М. Рильського на художні, зокрема перекладні, твори та наукові мовознавчі праці постійно привертають до себе увагу його тонкі стилістичні спостереження, що спираються на глибоке знання української народної та літературної мови і свідчать про „абсолютний стилістичний слух” поета [див., наприклад: 4, т. 16, с. 317-318; пор. також у спогадах колег письменника по перу: 3, с. 317-318, 329, 335]. Так, у рецензії на кандидатську дисертацію, присвячену мовним особливостям поетичної творчості Лесі Українки, М. Рильський цілком слушно погоджується з висновками автора, що, наприклад, для текстів „високого” стилю більше підходить прикметник „чудесний”, ніж „чудовий”, що прикметник „капосний” щодо одного італійського хлопчика, якого поетеса змальовує з явною симпатією, має в собі аж ніяк не „лайливо-зневажальний тон”, що нібито „просторічний” прислівник „багацько” вона вжила з певною стилістичною метою (рецензент тут зауважує: „Можна б сказати і простіше: з версифікаційних міркувань, для рими (до „чудернацько”))” [4, т. 16, с. 439-440]).

Надзвичайно уважний до експресивно-стилістичних і функціонально-стильових відтінків слова, М. Рильський надавав великого значення лексикографічним стилістичним ремаркам, які вказують на відповідний стилістичний статус лексичної одиниці і допомагають читачеві правильно користуватися нею в своїй мовній практиці: „Мені скажуть: Українсько-російський академічний словник – не нормативний, він нотує і фіксує те, що є в мові, та й годі. Одначе численні ремарки до слів, розгалуження їх значень і вказівка на вживання, про які ще буде у мене мова і яких багато в цьому словнику, свідчать, що укладачі і редактори його дбають і не можуть не дбати про чистоту, багатство і правильність мови. Якоюсь мірою кожен словник, коли він не механічна збираниця всього, що пливе лексикографові в руки, є нормативним” [4, т. 16, с. 468]. Проте, виступаючи проти тих, хто заперечує потрібність і доцільність таких позначок у лексикографічних працях (це, зокрема, дехто з його колег-письменників), оскільки вони нібито сковують „свободу мови”, учений застерігав, по-перше, проти невиправдано звуженого стилістичного маркування слів, а по-друге, проти абсолютизації таких стилістичних характеристик слів, зокрема, видавничими та літературними редакторами, які в умовах тодішнього тоталітарного режиму сприймали їх як пряму політичну заборону на їх уживання: „Щодо ремарок, поданих курсивом, які визначають точне вживання слова, його відтінки,

стильове та емоційне забарвлення і т. ін., то проти деяких із них, як напр., *уст(арелое)*, *редк(ое)*, *обл(астное)* і т. ін., власне проти зловживання ними виступав не раз російський письменник та мовознавець О. К. Югов, доводячи, що такі „застережливі” позначки сковують свободу мови. Мені самому доводилося сперечатися із членами редколегії словника, коли я стрічав оте *обл.* поряд із словом, ілюстрації до якого виписані, приміром, із Франка, Коцюбинського і Котляревського, тобто письменників із зовсім різних мовних областей, коли ремарка *редк.* чи *уст.* супроводжувала слово, любісінько вживане в сучасній літературній та розмовній мові або й відроджений для нового вжитку архаїзм. Але загалом користь від таких ремарок, особливо для перекладачів, а надто для тих, хто, як от багато з наших зарубіжних сусідів та й наші, скажемо, грузини, вірмени, таджики, литовці чи естонці, не може інколи розібратися в українському тексті без допомоги українсько-російського словника, – користь від таких ремарок безперечна” [4, т. 16, с. 475]; „Цілком слушно автор „Інструкції” [до нового „Російсько-українського словника”. – М. П.], С. І. Головащук, наголошує на тій очевидній істині, що нормативний словник не встановлює мовних норм, а лише констатує, стверджує й систематизує норми, наявні в сучасній літературній мові. ... Небезпідставно застерігає він, щоб деякі стилістичні позначки, приміром „редк.”, „обл.”, „уст.”, не сприймалися як своєрідне „вето”. В практиці наших видавництв і редакцій і справді бували та й бувають випадки, коли такі позначки призводили (і призводять) до занесення деяких слів у список „заборонених”, – а це практично часто збіднює мову (особливо коли йдеться про мову художнього твору). ... У зв’язку з цим зазначу, що хоча стилістичні позначки і потрібні, та треба давати їх обережно й продумано. Як Вам відомо, це давня моя думка” [4, т. 16, с. 108-109].

Серед лексико-семантичних розрядів слів М. Рильський найбільше уваги приділяє (поряд з явищем міжмовної омонімії – як одному з джерел можливої небезпеки при перекладах) синонімії, і це цілком зрозуміло, оскільки пошуки і знайдення потрібного синоніма – це, як свідчать і самі письменники, і дослідники художньої мови, одна з найбільших „мук слова”, причому не тільки в художній літературі, а взагалі при уважному, вдумливому ставленні будь-якого мовця до свого мовлення. Письменник відзначає: „Багатство синонімів – одна з питомих ознак багатства мови взагалі. Уміле користування синонімами, тобто вміння поставити саме те слово і саме на тому місці, – невід’ємна прикмета хорошого стилю, доконечна риса справжнього майстра” [4, т. 16, с. 430]; „...синоніми – могутня зброя в руках письменника, оратора, лектора, вчителя, матері, що виховує своїх дітей, майстра, що показує учням, як працювати при верстаті, дипломата, що розмовляє з представником іншої держави, і т. ін.” [4, т. 16, 431]; „...письменник, який вважає себе письменником, головним чином звертається до словників у пошуках синонімів...” [4, т. 16, 325]. М. Рильський опікувався виданням „Матеріалів до синонімічного словника української мови” А. Багмета – першої праці такого роду в українській лексикографії, які почали публікуватися в журналі „Вітчизна” з 1959 року, і написав до них передмову [4, т. 16, с. 430-431]; низка цікавих і цінних спостережень письменника міститься в його „Відзиві про дисертацію І. С. Олійника „Синоніміка в поезіях Лесі Українки” [4, т. 16, с. 437 - 441].

ВИСНОВКИ

Сам блискучий стиліст, М. Рильський лишив свої міркування про культуру художньої мови та мовну природу поетичної майстерності, а також критичні зауваження з приводу порушення стилістичних норм і, як наслідок, збіднення художньої палітри літературного твору в доробку ряду українських письменників, збіднення арсеналу виражально-зображальних засобів у мові публіцистики. Надзвичайно уважний до експресивно-стилістичних і функціонально-стильових відтінків слова, М. Рильський надавав великого значення лексикографічним стилістичним ремаркам, які вказують на відповідний стилістичний статус слова і допомагають читачеві правильно користуватися ним у мовній практиці. Він не поділяв думки деяких своїх колега-письменників щодо їх непотрібності й навіть шкідливості для повнокровного функціонування живої мови, але разом з тим закликав не зловживати ними і не абсолютизувати їхнього значення.

Список літератури

1. Білодід І. К. Невгамовне серце // Незабутній Максим Рильський : Спогади / І. К. Білодід. – К. : Дніпро, 1968. – С. 172 – 173.
2. Будагов Р. А. Филология и культура / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 380 с.
3. Незабутній Максим Рильський : Спогади. – К. : Дніпро, 1968. – 432 с.
4. Рильський М. Т. Твори в 20-ти томах / М. Т. Рильський. – К., 1987.
5. Рильський М. Т. Ясна зброя / М. Т. Рильський. – К., 1971.
6. Тараненко О. О. Лексикографія // Українська мова : Енциклопедія / О. О. Тараненко. – К. : Українська енциклопедія імені М. П. Бажана, 2004. – С. 300 – 305.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ И ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. РЫЛЬСКОГО

Пеліпась Н.І.

Актуальность работы определяется теоретической обусловленностью на недостаточное исследование проблем лексической стилистики и выразительно-изобразительных средств украинского языка в интерпретации М. Рыльского. Цель работы состоит в анализе научной деятельности М. Рыльского и обзоре его практической деятельности, что имеет значение для решения проблем украинского языка. Проблематика исследования обуславливает решение следующих *задач*: провести исследование теоретической и практической деятельности М. Рыльского в сфере языкознания – лингвистической ее художественного языка, лексикографии, фольклористики – в тесной связи с общественно-политическими и идеологическими условиями жизни и творчества ученого.

Ключевые слова: лексическая стилистика, фольклоризмы, диалектизмы, стилистические ремарки, синонимия.

OF PROBLEMS OF LEXICAL STYLISTICS AND EXPRESSIVE-FIGURATIVE RESOURCES THE UKRAINIAN LANGUAGE AS INTERPRETED BY M. RYLSKY

Pelipas' N.I.

The relevance of this work is theoretically preconditioned by the insufficient study of problems of lexical stylistics and expressive-figurative resources of the Ukrainian language as interpreted by M. Rylsky. *The purpose* of this work is to analyze M. Rylsky's research activity and review his practical activity which is important for solving the problems of the Ukrainian language. The range of problems addressed in the study identifies the range of the following *objectives*: to conduct a study of M. Rylsky's theoretical and practical activity in the sphere of linguistics - linguistic stylistics of the artistic language, lexicography and study of folklore - in close connection with the socio-political and ideological conditions of the scholar's life and work.

In his research work, M. Rylsky paid much attention to the problems of lexical composition and lexical stylistics of the Ukrainian language. The scholar searched for ways and opportunities for the development and enrichment of the lexical composition of the Ukrainian language and its stylistic differentiation. He was keenly aware of the need for new words, a thorough review and a possible new use of the lexical units which, in the opinion of most other scholars, had already become obsolete. The researcher welcomed the creation and publication of new dictionaries, which were sort of language storages, and himself took an active part in their creation.

Particularly attentive to the expressive-stylistic and functional-stylistic nuances of speech, M. Rylsky attached special importance to lexicographical stylistic remarks which indicate the status of the corresponding lexical unit and help readers to correctly use it in their language practice.

Among the lexical-semantic word classes, the scholar pays the greatest attention to synonymy, and it is quite understandable, as the search for and finding of the necessary synonym is, as both writers and artistic language researchers themselves assert, one of the biggest “speech torment”, and not only in fiction, but generally in any case where a speaker is particularly attentive to his or her speech.

Key words: lexical stylistics, folklorisms, dialectisms, stylistic remarks, synonymy.

УДК 811.161.1'06

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ

Регушевская И.А.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

e-mail: legora@list.ru

В статье проведен анализ научной литературы, посвященный вопросу воздействия различных источников, формирующих языковую норму. Учтены разнообразные подходы ведущих лингвистов к вопросу о динамике и тенденции развития языковой нормы под воздействием социокультурной среды. Достаточное внимание в статье уделено анализу возрастающей роли средств массовой информации как преобладающего источника формирования и изменения языковых норм. Отмечается, что СМИ становятся эталонным нормотворческим фактором, влияющим и на формирование нормы современного русского литературного языка, и на этническую языковую культуру. Источники формирования языковой нормы на современном этапе напрямую зависят от коммуникативных запросов социума. Обращается внимание на значимость механизмов внедрения новых подходов к определению направлений развития языковых норм под воздействием традиций, культурного наследия и классической литературы.

Ключевые слова: языковая норма, СМИ, механизмы формирования норм языка, литературный язык.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы нормы и кодификации русского языка имеют научные традиции в исследовании: определение языковой нормы и кодификации, признаки и особенности эволюции нормы, типы норм; например, определение языковой нормы, ее типы и характер представлены в работах Л. В. Щербы, Л. И. Скворцова, С. И. Ожегова, В. В. Виноградова, Л. А. Введенской, М. Л. Ремневой, Д. Н. Ушакова и др. Проблемы кодификации русского языка XX в. исследовались В. А. Ицкович, Л. К. Граудиной, Г. Н. Склярёвской и др. Огромный вклад в развитие норм русского языка и его кодификацию внесли В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и др.

Проблемы языковой нормы, а также особенности современного состояния русского языка в целом и языка публицистики в частности изучают такие отечественные лингвисты, как В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, А. Д. Васильев, Л. П. Крысин, И. А. Стернин.

Проблема источника языковой нормы достаточно полно исследована в лингвистике. *Целью работы* является систематизация научных знаний о механизмах, которые задают нормы в языке.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для того чтобы определить механизмы, которые задают нормы в языке, необходимо задействовать критерии нормы. Обратимся к мнению Е. С. Истриной о том, что норма определяется общеупотребительностью и авторитетностью источников [4, с. 19]. На протяжении длительного периода авторитетным источником, определяющим процедуру нормирования, признавалась художественная литература. Л. В. Щерба отмечал, что классика является основным источником нормы [6, с. 10]. Вместе с тем ученый делает оговорку, что, несмотря на решающую роль авторитета писателя при определении правильности или неправильности, недостаточно ориентироваться исключительно на образцовые литературные произведения, если речь идет о нормах усредненного стандарта языка. «Правила употребления слов выводятся из всей совокупности читаемого в данном коллективе материала, т. е. из всей актуальной литературы» [21, с. 132]. Мнение о том, что норма формируется под воздействием традиций языка, культурного наследия и классической литературы высказывает Л. И. Скворцов [14, с. 164].

Следует указать и отличные от вышеизложенных точки зрения лингвистов. Например, Е. Ф. Петрищева полагала, что языковые нормы «добываются» из сознания ученых-лингвистов, которые используют отсылки к классической литературе, чтобы придать своим тезисам больше убедительности [11]. Г. О. Винокур высказывал сходное мнение: «гораздо более заманчивым было бы ... найти такую языковую систему, которая по своей функции от практического языка не отличалась бы ... Такая область есть. Это нехудожественная литература в самом широком смысле этого слова, т. е. литература газетная, журнальная, научная, язык канцелярии, писем, наконец, язык рекламы» [1]. Н. Ю. Шведова отмечала: «Все новое, что входит в письменную речь через «говорение», входит через периодическую печать» [20, с. 10].

По мнению Г. П. Немищенко, к концу XX столетия нормотворческая функция перешла от литературы к медиальным средствам. Причем наибольшее влияние на изменение языковой нормы, считает исследователь, оказывают устные СМИ [9, с. 100]. К такому же выводу приходит и Е. Ю. Скороходова: «До недавнего прошлого источником литературной нормы считалась художественная классическая литература. В настоящее время центр нормообразования перемещается в СМИ. Расширяется состав участников коммуникации: к роли пишущих прибавляются новые слои населения, резко ослабляется, а иногда и вообще отсутствует цензура. Наблюдается демократизация литературной нормы, сближение ее с разговорной просторечной стихией и профессиональной речью» [16, с. 22].

Возрастающая роль средств массовой информации в формировании и изменении языковых норм признается многими учеными. Г. Я. Солганик указывает на огромные возможности языка средств массовой информации, который способен влиять на весь литературный язык и на общество [17]. «К началу XXI века язык СМИ становится эталонным нормотворческим фактором, влияющим не только на формирование нормы современного русского литературного языка, но на этниче-

скую языковую культуру в целом, так как происходит несомненное усреднение, массовизация речевого стандарта» [9, с.107].

Ученые приходят к выводу, что механизмы, задающие и изменяющие языковую норму, на современном этапе претерпели значительные изменения [8].

Проблему авторитетности источников языковой нормы лингвисты также связывали с вопросом социальной престижности. А. А. Шахматов полагал, что активные процессы изменения в языке порождаются отдельными индивидуумами, заслужившими признание языкового сообщества благодаря своему социальному положению, образованию и уровню культуры [19]. Аналогичных взглядов на социальный престиж как значимый стимулятор процесса нормализации придерживались и другие ученые [12; 5; 14].

Сегодня исследователи обращают внимание на размывание социального престижа, поскольку в современном обществе наблюдается «множественность элит» [8]. Отдельного внимания в связи с этим заслуживает концепция «среднелитературного типа», предложенная О. Б. Сиротининой. Исследовательница считает, что историю изменения языковых норм на протяжении XX столетия можно описать как процесс замены норм, зафиксированных на основе элитарной речевой культуры, на то, что характерно для речевой культуры среднелитературного типа. «Среднелитературный тип охватывает большинство образованного населения, поэтому его узуальные нормы широко распространены и, главное, распространяются в школе и вузе (их внедряют вольно или невольно учителя и преподаватели, даже профессора), в средствах массовой информации» [13, с. 316]. При этом автор полагает, что такая среднелитературная норма не может быть признана равноправной элитарной норме и не может рассматриваться как ее замена.

Специфика современной ситуации описана Г. П. Немищенко: «К концу столетия язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприимчиком этой функции становится язык медиальных средств, причем прежде всего СМИ устных» [9, с. 100]. Отмечается при этом, что норма по языку СМИ отличается от нормы в соответствии с языком художественной литературы, потому что язык СМИ в выборе средств опирается на мгновенный риторический эффект, а значит, не может поставлять эталоны всеобщего значения, в то время как язык литературы руководствуется соображениями красоты, что и соответствует функции эталона, поставленного выше отдельных речевых актов [18].

Представления о языковой норме, которые сложились в работах ведущих отечественных лингвистов, позволяют среди основных принципиально значимых аспектов этого явления выделить его социальную природу [10; 15; 2]. Языковая норма всегда связана с потребностями социума в конкретный период. «Нормы формируются в ответ на потребности общества, а основной такой потребностью является стремление людей максимально быстро и правильно понимать друг друга. При определенной стабильности общества языковые нормы тоже будут достаточно стабильны. Как только в обществе происходят более или менее значительные перемены, языковые нормы также становятся более подвижными, более динамичными... Несомненно, языковые нормы должны меняться, но темпы и объемы этих изменений напрямую связаны с динамикой изменения социума» [16, с. 24].

Изменение нормы, по мнению исследователей, происходит в настоящее время под воздействием разговорной речи, диалектов, заимствований, профессионализмов [7]. «В исследованиях последних десятилетий все чаще подчеркивается мысль о том, что в наше время заметно ослабевает влияние современных художественных текстов на литературный язык. На динамику литературной нормы все большее влияние оказывают функциональные стили, развивающиеся в среде социо-профессиональных течений: в публицистике, в средствах массовой информации, деловой речи, профессиональной и научной речи» [3, с. 93].

Интересным, на наш взгляд, является замечание Е. Ю. Скороходовой о том, что языковые нормы сознательно формируются обществом в ответ на его коммуникативные потребности [16, с. 24].

ВЫВОДЫ

Проведя обзор научной литературы, приходим к следующим выводам. Классическая художественная литература утрачивает свои нормотворческие функции. На современном этапе развития языка эти функции переходят к средствам массовой информации, так как именно тексты, продуцируемые СМИ, являются источником формирования и удовлетворения коммуникативных запросов представителей социума.

Список литературы

1. Винокур Г. О. Культура языка. (Задачи современного языкознания) [Текст] / Г. О. Винокур // Печать и революция. – 1923. – Кн. 5. – С. 112-138.
2. Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи [Текст] / Б. Н. Головин. – Горький : Волго-Вятское книжное изд-во, 1966. – 208 с.
3. Граудина Л. К. Культура речи: социопрофессиональные течения и научные центры [Текст] / Л. К. Граудина // Словарь и культура русской речи : к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.]. – М., 2001. – С. 93.
4. Игнаткина Л. В. Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Игнаткина. – Л., 1982. – С. 19
5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143-343.
6. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров [Текст] / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб., 2000. – С. 10
7. Крысин Л. П. Современная литературная норма и её кодификация [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 82-87
8. Куликова Э. Г. Норма в лингвистике и паралингвистике [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Э. Г. Куликова. – Ростов н/Д, 2004. – 312 с.
9. Немищенко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития [Текст] / Г. П. Немищенко // Вопр. языкознания. – 2001. – № 1. – С. 100.
10. Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи [Текст] // Вопросы культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 15-20.
11. Петрищева Е. Ф. К вопросу о критериях нормативности [Текст] / Е. Ф. Петрищева // Вопросы культуры речи. – 1967. – Вып. 8. – С. 36-43.

12. Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции [Текст] / Е. Д. Поливанов // Статьи по общему языкознанию. Избр. работы / [АН СССР. Ин-т народов Азии. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук]. – М., 1968. – С. 67-89.
13. Сиротинина О. Б. Типы речевых культур и проблема кодификации норм [Текст] / О. Б. Сиротинина // Словарь и культура русской речи. – М., 2001. – С. 316.
14. Скворцов Л. И. Норма языковая [Текст] / Л. И. Скворцов // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 164.
15. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи [Текст] / Л. И. Скворцов ; отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1980. – 352 с.
16. Скороходова Е. Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Ю. Скороходова. – М., 2008. – 34 с.
17. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты [Текст] / Г. Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. Володиной М. Н. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261-268
18. Хазагеров Г. Г. Проблемы языковой нормы в свете понятия «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) [Текст] / Г. Г. Хазагеров // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика : межвуз. сборник науч. тр. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 55-64.
19. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – 4-е изд. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
20. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. (Словосочетание) [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М. : Просвещение, 1966. – С. 10.
21. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 132.

ON THE ISSUE OF LANGUAGE REGULATIONS MECHANISMS

Regushevskaya I.A.

The article analyzes the scientific literature on the effects of different sources forming the language norm. A variety of approaches of the leading linguists to the issue of the dynamics and trends of the language norm development under the influence of sociocultural environment are taken into account. Much attention is given to the analysis of the increasing role of the media as the dominant source of language norms formation and change. It is noted that the media are becoming the reference standard-setting factor influencing both the formation of the modern Russian literary language norms and ethnic linguistic culture. At the present stage the sources of the language norm forming depend directly on the communication requests of the society. The author draws reader's attention to the importance of mechanisms for the implementation of new approaches to the determination of areas of language norms development under the influence of traditions, cultural heritage and classic literature.

Key words: language norm, media, language regulation mechanisms, literary language.

УДК 811.161.1'373.7:070

ФРАЗЕОЛОГИЗМ-БИБЛЕИЗМ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Сегал Н. А., Бабич А. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

e-mail: legora@list.ru

В статье исследуется фразеологизм-библеизм *камень преткновения* как источник прецедентности в политических текстах. Выявляются особенности изменения денотативного значения устойчивого сочетания и его стилистической окраски, подчеркиваются экспрессивность, метафоричность и полисемантность библеизма, обусловленные преобразованием структуры прецедентной конструкции.

Ключевые слова: фразеологизм-библеизм, прецедентная конструкция (*камень преткновения*), политический текст, коннотация, полисемантность.

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие и интерпретация новых фрагментов наивной картины мира происходит опосредованно, через интерпретацию уже известных понятий, апеллирование к знакомым языковым и культурным сферам.

Целью данной статьи является описание и характеристика фразеологизма-библеизма *камень преткновения* как источника прецедентности в политических текстах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В современных лингвополитологических исследованиях подчеркивается, что лексика и фразеология представляют собой наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы, который реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро. По убеждению А. В. Васильева, «слова и устойчивые словосочетания, отражающие и запечатлевающие многообразные явления в сознании людей, способны при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции» [2, с. 47]. Использование подобных конструкций является одним из ярких признаков текстов современных СМИ. Как отмечает А. П. Чудинов, такие феномены «...позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку» [11, с. 103].

Прецедентные феномены как одни из самых широко используемых и действенных средств языка реализуют себя и в политическом тексте. Лингвисты

Л. А. Бутахина и А. В. Филиппова объясняют это тем, что прецедентные феномены характеризуются полифункциональностью, так как в них заложены возможности переосмысления и насыщения текста новыми смыслами [1, с. 7].

Исследователь Д. Б. Гудков считает, что «прецедентные феномены играют важную роль в консолидации того или иного социума – именно общность стоящих за ними представлений и связанных с ними оценок служит осознанию членами некоторой социальной группы своего единства. Идеологи группы (формальные и неформальные) стараются (осознанно или нет) сформировать подобные единые представления, активно используют их в своих попытках воздействовать на сознание членов группы» [3, с. 403].

Публицистика не выстраивает особой модели восприятия действительности, но опирается на житейскую живую картину мира, разрабатывая более глубоко отдельные ее участки. Поэтому главной функцией прецедентного феномена в политическом тексте является воздействие на адресата за счет апеллирования к уже закрепившейся в его сознании устойчивой конструкции. Источниками таких конструкций могут быть различные сферы, обращение к которым поможет объективно воспринимать текст в политическом дискурсе. Особое место для изучения сфер появления прецедентных феноменов отводит лингвист Е. А. Нахимова, которая пишет о том, что «рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата» [6, с. 102-103]. Исследователь Г. Г. Слышкин выделяет несколько главных источников прецедентных феноменов, а именно политические плакаты, лозунги и афоризмы; сказки и детские стихи; рекламные тексты; анекдоты; пословицы, загадки, считалки; советские песни; зарубежные песни, произведения классиков марксизма-ленинизма; исторические афоризмы; классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию [9, с. 73].

Такие выражения в современных лингвистических исследованиях называют библеизмами. Библеизмы отличаются семантикой оценочности качеств, свойств, эмоций человека, а также различных явлений и событий. Особенностью библейской фразеологии является назидательный характер, нравственно-этическая тематика, различные наставления, заповеди, предостережения, советы и т. д. Вышеуказанные особенности библеизмов в речи становятся весьма востребованными и в политических текстах.

Исследователь Т. А. Солдаткина утверждает, что использование библейской фразеологии в политическом тексте подчеркивает ее универсальность. Реализуя манипулятивную функцию, в политическом дискурсе библеизмы позволяют усилить воздействие на адресата благодаря яркой экспрессии и насыщенной выразительности [10, с. 3].

Одной из наиболее частотных конструкций библейского происхождения, реализующихся в политическом тексте, является библеизм *камень преткновения*. В первоначальном значении устойчивое сочетание *камень преткновения* встречается в Ветхом Завете в Книге пророка Исаии. Согласно Библии, камень, положенный Бо-

гом на Сионе, о который «претыкаются» неверующие или те, которые не покоряются строгим законам. Современные лексикографические источники интерпретируют данную конструкцию как препятствие на пути к достижению какой-то цели или решению какой-либо задачи [7, с. 192].

В денотативном (религиозном) значении *камень преткновения* в политическом тексте не находит своего отражения. При этом ядерными семантическими компонентами становятся семы 'препятствие' и 'непреодолимость', которые формируют данный образ в политических контекстах.

Реализуясь в политических контекстах, конструкция *камень преткновения* претерпевает различные трансформации.

Первая группа политических контекстов характеризуется неизменностью структуры библеизма *камень преткновения*, при этом конструкция теряет свое денотативное значение, сохраняя ядерные семантические компоненты 'препятствие', 'невозможность совершения действия'. В политических текстах в роли препятствий выступают объекты и субъекты, представленные различными тематическими группами.

1. Территориально-административные единицы как «камень преткновения»

Территории государства являются неотъемлемым и важным признаком государственности, в пределах которых оно осуществляет свою власть. Обмен территориями или распространение политики одного государства на территории другого должны осуществляться с учетом мирного развития дальнейших отношений между странами, но очень часто политика одного государства в пределах или за пределами своих территорий становится препятствием для осуществления политики другой страны: *Украина – единственный камень преткновения в отношениях России и США* (<http://www.ukrlife.tv>, 02.02.2015), *Крым стал камнем преткновения на Рижском саммите* (<http://www.informator.news>, 21.05.2015), *Израиль прекращает отношения с ЕС: камень преткновения – Палестина* (<http://from-ua.com>, 30.11.2015).

2. Политические лидеры как «камень преткновения»

Роль политического лидера в государстве очень велика. Такая личность ведет за собой не только людей-граждан данного государства, но и всю политическую систему. Политический лидер становится лицом всего государства и должен вызывать доверие не только у населения своей страны, но и у других мировых политиков. Расхождения в политических взглядах, целях, действиях приводят к политическим конфликтам, которые становятся помехой в отношениях государства и общества, в отношениях между государствами: *Асад – главный камень преткновения между Россией и США* (<http://thekievtimes.ua>, 20.02.2016), *Пушков назвал Меркель «камнем преткновения» на пути к возрождению российско-германских отношений* (<http://nation-news.ru>, 11.12.2015), *Тимошенко – камень преткновения в отношениях между ЕС и Украиной* (<http://ru.rfi.fr>, 20.12.2011).

3. Политические действия как «камень преткновения»

В рамках политической системы государственные деятели или группы осуществляют определенную тактику поведения, которая ориентирована на достиже-

ние поставленных целей. Эти цели могут иметь мирный и конструктивный характер в пределах собственных территорий, могут затрагивать политику других государств, порождая при этом конфликты различных масштабов: *Операция в Сирии – камень преткновения для западной пропаганды* (<http://politrussia.com>, 30.10.2015), *Блокада Крыма еще один камень преткновения между Украиной и РФ* (<http://inkor.com>, 21.09.2015). Политические действия, приводящие, по мнению авторов газетных текстов, к резко негативным результатам, также интерпретируются через трансформированный вариант устойчивой конструкции: *20 января 1991 года: референдум преткновения* (<http://ru.krym.com>, 21.01.2016).

4. Социально-политические недостатки государственного устройства как «камень преткновения»

Каждое государство развивается на протяжении всего периода своего существования. В разные эпохи государство претерпевает изменения. Эти изменения могут стать как достижением государства, так и его неудачей, приводящей в разлад всю государственную систему. Именно такие недостатки и недочеты государственного строя становятся затруднением в мировых политических отношениях: *Коррупция стала камнем преткновения на пути балканских стран в ЕС* (<http://nv.ua>, 08.10.2014), *В украинском политикуме стратегия, а точнее ее отсутствие, и становилось главным камнем преткновения не для одного десятка политических партий и проектов, и даже для нескольких Президентов страны* (<http://uainfo.org>, 31.08.2015), *Пенсии остаются камнем преткновения в переговорах по Греции* (<http://1prime.ru>, 11.06.2015).

Весьма характерным для политического текста является трансформация прецедентных конструкций, при которой происходит частичное изменение или замещение стержневого компонента.

Так, при частичной трансформации стержневого компонента конструкция призвана привлечь внимание массовой аудитории на те или иные политические события и явления, на их значимость или, наоборот, незначительность. Эта цель достигается благодаря частичному изменению первого компонента библеизма, а именно, использованию множественного числа вместо единственного или употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Пенсионная реформа в Украине: главные камни преткновения* (<http://rss.novostimira.com>, 16.06.2015), *Спешка и новое министерство для кума Порошенко стали камнями преткновения для коалиции* (<http://nv.ua>, 02.12.2014), *Сегодня Греция должна выплатить 1,55 млрд долларов, иначе стране грозит дефолт, а миру – потеря устойчивости, и без того довольно иллюзорной. Познавательный пример того, как маленькая страна может стать камешком преткновения для сильных мира сего* (<http://rusrand.ru>, 30.06.2015), *Маленьким камешком преткновения для российского президента и турецкого премьера оказался, как и ранее, сирийский вопрос* (<http://topwar.ru>, 05.12.2012).

При замещении стержневого компонента конструкции единицами той же семантической группы трансформация структуры библеизма происходит за счет замещения лексемы «камень» лексемами, входящими в ту же лексико-семантическую группу (*булыжник, глыба* и др.). Данное замещение выполняет не-

сколько функций: привлечение внимания к политическим реалиям, придание политическому контексту большей экспрессивности, отражение индивидуально-авторского отношения к описываемым событиям, а главное, представление значимости и весомости этих событий и явлений за счет тех единиц, ядерными компонентами в лексическом значении которых являются семы 'значительная величина': *Для политического урегулирования кризиса булыжником преткновения остается фигура президента Сирии Башара Асада* (<http://news2world.net>, 08.12.2015), *Перемирие на Украине. Глыбы преткновения Киева и Донбасса* (<http://24smi.org>, 18.02.2015).

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ политических текстов с ключевым компонентом-библеизмом *камень преткновения* дал возможность выявить способы его функционирования и модификации. Данная прецедентная конструкция реализует свое значение по отношению к политическим событиям, личностям, действиям, к государствам и отдельным территориям, а также к недостаткам социально-политического строя государств. Происходит десакрализация значения устойчивого сочетания. Стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисемантность библеизма *камень преткновения*, обусловленные трансформацией структуры прецедентной конструкции, являются мощным средством влияния на политическую картину мира и дают возможность формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества.

Список литературы

1. Бутахина Л. А. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Л. А. Бутахина, А. В. Филиппова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – № 2. – 2012. – С. 7–14.
2. Васильев А. Д. Слово в телеэфире : очерки новейшего словоупотребления в российской телевещании / А. Д. Васильев. – Красноярск : Флинта, 2000. – 224 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С. 401–418.
4. Журавлёва Е. А. Прецедентные тексты начала 20 века / Е. А. Журавлёва, Ж. Д. Капарова. – М. : Флинта, 2007. – 255 с.
5. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – Вып. 1. – 2012. – С. 27–29.
6. Микоян А. С. Проблемы перевода текстов СМИ / А. С. Микоян // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов; / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С. 388–401.
7. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.
8. Нахимова Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – № 15. – 2005. – С. 102–114.
9. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
10. Солдаткина Т. А. Фразеологические единицы библейского происхождения во французском политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Т. А. Солдаткина, Е. Н. Слинкова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_AND_2014/Philologia/7_173304.doc.htm. Проверено 13.03.2016.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с.

**PHRASEOLOGISM-BIBLICAL EXPRESSION КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ AS A
SOURCE OF PRECEDENT IN POLITICAL TEXTS**

Segal N. A., Babich A. V.

The article is devoted to the study of phraseologism - biblical expression *камень преткновения* as a source of precedent in political texts. Identify features of change of the denotative meanings of construct and its stylistic colouring, highlights expressive, and metaphoric polysemy of biblical expression achieved by manipulating the structure of precedent construct.

Key words: phraseologism-biblical expression, precedential construct, political text, *камень преткновения*, connotations, metaphoricity

УДК 811.161

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАРЕЧИЙ ОЦЕНКИ В ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТАХ КОМПЛИМЕНТОВ

Сурган М.А.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь,*

e-mail: legora@list.ru

В статье рассматривается специфика использования оценочных наречий в комплиментах. Оценочность является одной из основных черт коммуникации, и особенно ярко она проявляется в иллокутивных речевых актах, в число которых входит и комплимент. Нацеленный на поддержание благоприятной обстановки общения и установление психологического контакта комплимент используется для выражения позитивной оценки. Наиболее активно в речевых актах комплимента употребляются наречия с выраженным оценочным компонентом в семантике, хотя лексемы со значением нейтральной и даже негативной оценки в определенных контекстах могут использоваться для выражения одобрения или похвалы. При этом специфика функционирования наречий в комплиментах в значительной степени определяется характеристиками языковой личности, в том числе гендерной принадлежностью говорящего.

Ключевые слова: наречие, оценка, комплимент, иллокутивный речевой акт

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический характер современных научных исследований предопределяет изучение оценки как универсальной категории, которая пронизывает все сферы человеческой жизни. В лингвистике оценка рассматривается как фактор, который может влиять на семантику языковых единиц и обуславливать прагматику их использования в речи. Для лингвистики характерно понимание оценки как особой семантической категории. Так, по мнению Е.М. Вольф, оценка является ценностным компонентом в значении языковых единиц, интерпретируемым как «субъект оценки считает, что объект оценки хороший / плохой» [3, с. 5]. Н.Д. Арутюнова полагает, что оценка представляет собой прагматическое значение, которое языковые единицы могут приобретать в конкретной коммуникативной ситуации [1, С. 5]. Исследователи рассматривают оценочность как одну из основных черт коммуникации, в связи с чем изучение эмоционально-оценочных высказываний, широко используемых в различных коммуникативных актах, представляется *актуальным* для более полного понимания специфики реализации категории оценки в языке.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности функционирования оценочных наречий-комплиментов в молодежной коммуникативной среде.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова комплимент трактуется как «любезность, лестные слова, содержащие похвалу» [9]. Словарь современного русского литературного языка дает следующее толкование: «Комплимент - похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо» [7].

Е. М. Вольф определяет комплимент как «особый вид иллокутивных актов», призванных вызвать у собеседника особый перлокутивный эффект - эмоциональную реакцию» [3, с. 170]. Все высказывания, которые можно интерпретировать как оценочные или включающие оценочный элемент в свою интерпертацию, исследователь называет экспрессивами. К экспрессивам Е.М. Вольф относит и комплименты [3].

Главное прагматическое значение комплимента – реализация фатической функции – установления психологического контакта собеседников [5] путем выражения своего хорошего отношения к адресату. Так, Н.Д. Арутюнова считает, что комплимент наряду с похвалой можно отнести к фатическому типу речевых актов. Основная цель речевых актов такого типа, по мнению исследователя, состоит не в передаче информации, а в поддержании общения [1].

Комплимент используется для выражения позитивной оценки. Такой речевой акт нацелен на формирование благоприятной обстановки коммуникации, положительного эмоционального воздействия на адресата. При этом комплимент функционирует как определенная этикетная речевая формула и в значительной степени определяется культурными нормами, закрепленными в социуме.

Для выявления специфики функционирования наречий в комплиментах был использован метод анкетирования. Респондентам в возрасте от 18 до 23 лет был предложен список наречий и поставлен вопрос, *какие из предложенных слов вы используете в комплиментах*. При необходимости список можно было дополнить. Общее количество анкетированных составило 250 человек.

Как показало исследование, наиболее активно в речевых актах комплимента респонденты употребляют такие наречия, как: *красиво* (98%), *идеально* (93%), *безумно* (84%), *прекрасно* (80%), *отлично* (75%), *очень* (72%), *потрясающе* (68%), *невероятно* (68%), *восхитительно* (68%), *хорошо* (59%), *необыкновенно* (57%), *здорово* (54%), *превосходно* (43%). Таким образом, наиболее востребованы в комплиментах наречия с ярко выраженным оценочным компонентом в семантической структуре, который находит отражения в толковых словарях. В частности значение наречия *красиво* трактуется как «отличаясь внешнею красотою и глубиною внутреннею содержания», наречия *идеально* – «очень хорошо», «в совершенстве», наречия *прекрасно* – «необыкновенно красиво»; перен. «очень хорошо, отлично, превосходно» [4]. Кроме того, респонденты отмечают слова, относящиеся к разговорной лексике, например, наречие *чертовски* (в значении в высшей степени; чрезмерно, чрезвычайно, очень). При этом в ряде случаев в комплиментах актуализируется переносное значение лексемы: наречие *безумно* используется для обозначения чего-то в представленного в высшей степени, предельного в своём проявлении, чрезвычайного.

Исследование языка как феномена, существование которого невозможно вне языкового сознания, приводит к тому, что в современной лингвистике все больше внимание уделяется проблеме языковой личности как носителя языкового сознания. Под языковой личностью мы будем понимать человека, который существует в языковом пространстве: коммуникации, стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях единиц языка [6, с. 8]. В научной литературе встречаются различные подходы к описанию языковой личности, при этом можно выделить несколько общих критериев, в числе которых специфика вербального поведения, гендерная принадлежность и характерные особенности социальной роли индивида. В частности, пол говорящего в значительной степени влияет на особенности обработки и структурирования информации в языковом сознании, а значит, предопределяет различия в языковом поведении. Как отмечают исследователи, «у женщин и мужчин разная степень включенности в мир оценки и разные способы ее выражения... Мужчины и женщины в этом отношении представляют собой разные «словарные личности» [2]. Как показал наш эксперимент, оценочные наречия в комплиментах мужчины употребляют реже, чем женщины. Кроме того мужчины используют значительно меньший набор слов.

К предложенному списку наречий респонденты женщины добавили следующие наречия: *шикарно* (28%), *круто* (23%), *обалденно* (15%), *замечательно* (15%), *классно* (15%), *офигенно* (12%), *супер* (*суперски*) (10%), *прикольно* (8%), *нормально* (8%), *неплохо* (5%), *мило* (5%), *оригинально* (5%), *охренительно* (5%), *шедеврально* (5%), *капитально* (3%), *космически* (3%), *феерично* (3%), *чудесно* (3%). Респонденты-мужчины дополнили список наречий, используемых в комплиментах, такими словами, как *круто* (45%), *шикарно* (38%), *клёво* (20%), *обалденно* (15%), *роскошно* (14%), *четко* (14%), *офигенно* (12%), *охренительно* (10%), *нормально* (5%). Таким образом, можно сделать вывод, что весьма активно репрезентируются оценочные наречия, относящиеся к молодежному сленгу и аргю.

Как показало наше исследование, некоторые лексемы, преимущественно жаргонного плана, респонденты постарались наполнить собственным видением их лексического компонента. Так, наречие *круто* в словаре молодежного сленга трактуется как «очень хорошо, так как нужно, вполне прилично» [7], при этом женщины-респонденты наполняют его значениями *здорово, превосходно, отлично*, а мужчины – *восхитительно, то, что вызывает удовольствие*. Наречие *прикольно* словарь определяет как «смешно, с юмором» [7], женщины расширяют его семантику, добавляя значение *интересно* и *то, что выделяется*, мужчины используют лексему для обозначения того, что вызывает одобрение. Лексема *обалденно*, согласно словарю означающая «удивительно, поражающе, восхитительно» [7], вербализуется респондентами для обозначения того, что отличается оригинальностью, неповторимостью. Наречие *офигенно* с зафиксированным в словаре значением «очень хорошо, превосходно» [7], анкетированные употребляют также для обозначения чего-то оригинального, бесподобного, а наречие *охренительно* («изумительно, превосходно» [7]) – как синоним лексемам *завораживающе, оригинально, на зависть*.

Наименее востребованными, как у мужчин, так и у женщин, в иллокутивных речевых актах, согласно нашему исследованию, оказались такие наречия, как *фено-*

менально, безукоризненно, досконально, исключительно, отменно, колоссально. Их использует менее 5% опрошенных.

ВЫВОДЫ

Комплимент можно рассматривать как особый вид иллокутивных актов, призванных вызвать эмоциональную реакцию собеседника и установить психологический контакт. Комплимент используется для выражения позитивной оценки. Проведенное нами исследование позволяет прийти к выводу, что наиболее активно в комплиментах используются наречия с ярко выраженным оценочным компонентом в семантической структуре. При этом в ряде случаев актуализируется переносное значение лексемы.

На выбор лексемы для комплимента оказывают влияние и характеристики языковой личности, в частности гендерная принадлежность. Исследователи отмечают, что женщины и мужчины по-разному вербализуют категорию оценки [2], что подтверждается данными нашего эксперимента: оценочные наречия в комплиментах мужчины употребляют реже, чем женщины, кроме того они используют меньший набор слов. Весьма активно репрезентируются оценочные наречия, относящиеся к молодежному сленгу и аргю, при этом наблюдается тенденция наполнения их собственным видением лексического компонента.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь : Оджакъ, 2015. – 296 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф Ефремова – М. :Рус. яз., 2000. – Режим доступа : <http://www.efremova.info>.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang.html>
8. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. К.С. Горбачевич. – 3-е изд. – Т.8. – С.-Пб. : Наука, 2008.
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935—1940. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

**ON THE ISSUE OF THE ASSESSMENT ADVERB FUNCTIONING IN COMPLIMENT
ILLOCUTIONARY ACTS**

Surgan M. A.

The article is devoted to the consideration of the assessment adverbs functioning in compliments. Assessment is an outstanding feature of communication. It particularly becomes apparent in the illocutionary act, the compliment being among those ones. Compliment, intent to favourable communication conditions support and psychological contact forming, is used for positive assessment expression. On numerous occasions the adverbs with the pronounced assessment component in their meaning are used in the compliment speech acts, nevertheless lexical units with neutral meaning and even with negative assessment connotations are used for expressing approval or praising in certain contexts. Besides the features of the adverbs functioning in the compliments to a considerable extent is defined by lingual identity properties including speaker's gender assignment.

Key words: adverb, assessment, compliment, illocutionary act.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ачилова
Елена Леонидовна кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Бабич
Анастасия Вадимовна обучающаяся 3 курса факультета славянской филологии и журналистики, Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Багрий
Мария Григорьевна кандидат филологических наук, ассистент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Беспоместных
Александр Евгеньевич обучающийся Таврической духовной семинарии, г. Симферополь
- Богданович
Галина Юрьевна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики, директор Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Буц
Надежда Владимировна научный сотрудник Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития КФУ имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
- Витковская
Галина Вячеславовна старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Волкова
Дарья Сергеевна обучающаяся кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Газимова Антонина Харисовна	обучающаяся кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гиренко Ирина Викторовна	преподаватель кафедры иностранных языков №2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гладко Марина Александровна	кандидат филологических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь
Гуменюк Ольга Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Гуменюк Виктор Иванович	доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гурьев Владимир Иванович	обучающийся кафедры немецкой филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Дикарева Светлана Самуиловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Драчева Юлия Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, г. Вологда
Евтихова Ирина Митрофановна	кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Каика Наталья Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой и отечественной культуры филологического факультета Донецкого национального университета, г. Донецк

Клюева Виолетта Геннадьевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Комиссарова Татьяна Германовна	магистрант филологического факультета Вологодского государственного университета, г. Вологда
Коновалова Елена Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Косицкая Алина Геннадьевна	аспирант кафедры германской филологии факультета иностранных языков Донецкого национального университета, г. Донецк
Кривенко Оксана Вячеславовна	кандидат филологических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе кафедры украинской филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лебедева Анна Васильевна	обучающаяся кафедры немецкой филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Левицкая Нелля Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Мартынюк Анна Ярославовна	научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

- Михайличенко
Елена Сергеевна
магистрант второго курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Ничик
Нелли Никитична
кандидат филологических наук, доцент Таврической духовной семинарии, г. Симферополь Таврическая духовная семинария, г. Симферополь
- Новикова
Татьяна Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Новоселова
Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, г. Тверь
- Онофрончук
Кристина Игоревна
магистр кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Д
Пелипась
Николай Иванович
оцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Первых
Диана Константиновна
кандидат культурологии, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Регушевская
Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Романов
Алексей Аркадьевич
доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, г. Тверь

Рудницкая
Людмила Ивановна

кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сегал
Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сурган
Марина Александровна

ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь

Эмирова
Адиле Мемедовна

доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания факультета крымскотатарской и турецкой филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым

Ярута
Анастасия Викторовна

обучающаяся кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Первых Д. К., Онофрончук К. И.**
ОБ ИДЕЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КРЫМСКОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ В
ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ.....3

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

- Багрий М. Г.**
СТАНОВЛЕННЯ ІДЕЙНО-ЕСТЕТИЧНИХ ЗАСАД СОЦРЕАЛІЗМУ ЯК
ТИПУ МАСОВОЇ КУЛЬТУРИ.....9
- Гуменюк В. І.**
ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧЕ ЕСЕ МИКОЛИ МИХ-СТЕПНЯКА ПРО КОБЗАРЯ В
КОНТЕКСТІ РОСІЙСЬКОЇ ШЕВЧЕНКІАНИ.....16
- Гуменюк О. М.**
СВОЄРІДНІСТЬ ПОЄДНАННЯ ЛІРИЧНИХ ТА ЕПІЧНИХ АСПЕКТІВ У
КРИМСЬКОТАТАРСЬКОМУ ПОЕТИЧНОМУ ФОЛЬКЛОРІ (НА ПРИКЛАДІ
ПІСНІ «ЗЕВАЙ»).....21
- Левицкая Н. Е.**
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ЕВГЕНИЯ РЕЙНА.....26

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

- Беспоместных А.Е., Ничик Н.Н.**
РЕЧЕВАЯ КОМПОЗИЦИЯ ПСАЛТИРИ КАК СТРУКТУРНАЯ
ОСОБЕННОСТЬ ЖАНРА.....31
- Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И.**
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА.....37
- Гладко М.А.**
СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСТРОЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ ОРГАНИЗАЦИЙ.....41
- Дикарева С. С.**
КОММУНИКАТИВНАЯ МАСКА КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИНАМИКЕ ДИАЛОГА.....48
- Евтихова И.М., Лебедева А. В.**
«DENGLISCH» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....54
- Каика Н. Е.**
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОЛЬФАКТОРНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЭКВИВАЛЕНТЫ.....63

Мартынюк А.Я. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ.....	68
Новикова Т.Ю. ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ: ПОЧЕМУ НАЗРЕЛ ВОПРОС О ЯЗЫКОВОМ КОДЕКСЕ.....	72
Романов А.А., Новоселова О.В. КОНСТРУКТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ	79
Эмирова А. М. НОВЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ.....	86

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Ачилова Е. Л. ГЛАГОЛЫ МОЛВИТЬ И МОВИТИ: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.....	91
Буц Н.В. КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКАМ В КРЫМУ.....	98
Витковская Г.В., Ключева В ЧТЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ.....	103
Гиренко И.В. ЗАУЧИВАНИЕ НАИЗУСТЬ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ.....	109
Гурьев В. И., Евтихова И.М. ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОЛОРИТА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ	117
Драчева Ю.Н. ОСОБЕННОСТИ ТРАНСМИССИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ О МАСЛЕНИЦЕ В ВОЛОГОДСКИХ СМИ).....	122
Комиссарова Т.Г. РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	126
Малярчук-Прошина У. О. К ВОПРОСУ О МАРКЕРАХ ОЦЕНОЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	132

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ
КАРТИН МИРА**

Газимова А. Х., Ярута А. В. ПОРОКИ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	138
Коновалова Е.А., Волкова Д.С. АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ (ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	145
Косицкая А. Г. ВТОРИЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ).....	153
Кривенко О. В. УКРАЇНСЬКІ ТА РОСІЙСЬКІ ЗАМОВЛЯННЯ ПРИКОРДОННИХ ТЕРИТОРІЙ УКРАЇНИ ТА РОСІЇ У ЗАПИСАХ КІНЦЯ ХІХ — ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТЬ: БІБЛІОГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ.....	160
Михайличенко Е. С. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	166
Пелипась Н.И. ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ И ВЫРАЗИТЕЛЬНО- ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. РЫЛЬСКОГО.....	172
Регушевская И.А. К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ.....	178
Сегал Н. А., Бабич А. В. ФРАЗЕОЛОГИЗМ-БИБЛЕИЗМ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....	183
Сурган М.А. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАРЕЧИЙ ОЦЕНКИ В ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТАХ КОМПЛИМЕНТОВ.....	189
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	194